

**Министерство образования и науки Республики Таджикистан
Худжандский государственный университет им. академика
Бободжона Гафурова**

На правах рукописи

Калонова Махина Джумабоевна

**Структурно – семантический анализ словообразования
именных частей речи (имя существительное и имя
прилагательное) в поэзии Хафиза Ширази**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22. – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык)

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Ваххобов Толиб

Душанбе – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Структурно-семантический анализ производных лексических единиц в поэзии Хафиза Ширази	16
1. 1. Образование производных имен существительных.....	16
1.1.1. Префиксальное словообразование имен существительных.....	16
1.1.2. Суффиксальное словообразование имен существительных	33
1.1.2.1. Продуктивные суффиксальные морфемы	34
1.1.2.2. Малопродуктивные суффиксальные морфемы	53
1.1.2.3. Непродуктивные суффиксальные морфемы	58
1. 2. Образование производных имен прилагательных	62
1.2.1. Структурно-семантический анализ префиксальных морфем в образовании имен прилагательных.....	62
1.2.1.1. Анализ степени продуктивности префиксальных морфем	62
1.2.2. Структурно-семантический анализ суффиксальных морфем в образовании имен прилагательных.....	66
1.2.2.1. Продуктивные суффиксальные морфемы.....	66
1.2.2.2. Малопродуктивные суффиксальные морфемы	73
1.2.2.3. Непродуктивные суффиксальные морфемы	78
Глава II. Структурно-семантический анализ сложносоставных имен существительных и прилагательных в газелях Хафиза Ширази.....	83
2. 1. Сложносоставные имена существительные.....	83
2.1.1. Сложносочиненные имена существительные.....	83
2.1.2. Сложноподчиненные имена существительные	92
2. 2. Сложносоставные имена прилагательные.....	129
2.2.1. Сложносочиненные имена прилагательные	129
2.2.2. Сложноподчиненные имена прилагательные	133
Заключение.....	154
Список литературы	161

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения темы. Словообразование является одним из важных, и вместе с тем, сложных языковых явлений, определение принципов и законов которого способствует научной и логической интерпретации структуры слова. Словообразование и морфологический анализ слова имеют непосредственную и тесную связь, в связи с чем, анализ и исследование словообразования не ограничивается лишь в установлении морфологических компонентов слова. Это лишь первая ступень анализа в словообразовании, требующая определения способов присоединения, их взаимоотношения и места составных элементов слова, а также моделей и способов словообразования [75, 26-27].

В течение исторической эволюции также развиваются и совершенствуются способы словообразования. Каждый способ словообразования вносит свой существенный вклад в обогащение и пополнение лексического состава. Трансформация, развитие и совершенствование словообразования происходят в соответствии с внутренними требованиями и закономерностями. Для полноценного выражения мысли и всестороннего удовлетворения потребности ее передаче язык использует все языковые средства, являющиеся важными факторами в развитии словообразования.

Процесс словообразования и его факторы состоят в тесной взаимосвязи с грамматикой. Словообразовательное свойство языка имеет непосредственную, неразрывную связь с его грамматическим строем. Различные по структурному составу слова (флективные, агглютинативные) также отличаются и по своим словообразовательным характеристикам.

В свою очередь, грамматика управляет процессом словообразования. Каждое новое слово, будучи сформированной грамматической единицей, развивается в составе той или иной части речи, получает морфологические категории, наделяется синтаксическими

свойствами. Это является причиной того, что при исследовании каждой части речи огромное внимание уделяется его словообразованию [75, 12].

Термин “словообразование” имеет в языкознании два распространенных значения: первое – способ, путь, методы, законы и правила образования слов, второе - оно является самостоятельным разделом современного языковедения.

Производные слова, образованные посредством словообразовательных элементов, отличаются от исконных (непроизводных) слов. Это различие состоит в том, что производные слова означают не только понятие предмета или явления, в то же время они относятся к определенной категории слов, в связи с этим, общее значение типа словообразования оставляет без внимания конкретное значение слова, к примеру: лексические единицы *ситамгор* «тиран», *богбон* «садовник», *талабгор* «покупатель» являются именами существительными и с данными суффиксами приобретают категориальное значение имени деятеля [156, 27-30].

По мнению лингвистов, литературный таджикский язык получил наибольшее развитие и распространение в XII-XIII вв. Расцвет поэтического творчества, широчайший диапазон тематики, дополненный выразительными языковыми средствами, мастерски использован поэтами той эпохи. В поэтическом языке того периода отсутствуют излишние элементы изложения, простота в понимании и лаконичность не отягощают друг друга [84, 22]. Изучение различных аспектов поэтического языка представителей классической литературы создает благоприятную основу для теоретического развития современного таджикского литературного языка. В этом контексте, комплексное и всестороннее исследование темы «Структурно – семантический анализ словообразования именных частей речи (имя существительное и имя прилагательное) в поэзии Хафиза Ширази» позволит более подробно изучить картину лексического

состава персидско-таджикского языка XIII– XIV вв., предоставит возможность взглянуть по новому на языковые особенности поэзии Хафиза Ширази. Язык поэзии Хафиза является уникальным с точки зрения лингвистики, и это предоставляет исследователям широкое поле для изучения и анализа частей речи, как в широком, так и в узком направлении.

Степень изученности темы. Исследование проблем словообразования частей речи современного таджикского языка в Таджикистане получило широкое распространение в советский период и важнейшими исследованиями в данном направлении были осуществлены известными языковедами, такими как Ш. Рустамов, Ш. Ниёзи, Ш. Бобомуродов, Б. Ниёзмухаммадов Б., Р. Додихудоев, Ф. Амонова, Л. Бузургзода, Д. Саймиддинов, О. Касимов, Б. Алиев, Р. Шодиев и др. С обретением государственной независимости и в контексте интеграции Таджикистана в период нового культурно-технологического развития исследования в области словообразования получили новый импульс. Научная диссертация А. Амлоева «Словообразование имён существительных в художественной прозе Фазлиддина Мухаммадиева» [91], отдельные статьи - «Словообразование зоонимов русского и таджикского языков» Х. Тешаева [144], «Словообразование аффиксоида *нур*-(полно) в повести Садриддина Айни «Воспоминания» [131], «Префикс *бе*- в повести Садриддина Айни «Воспоминания» С. Низомовой [130], «Роль и функции существительного в лексическом составе исконно персидско-таджикской лексики поэзии Икбола» Х. Окиловой [131], «Некоторые особенности словообразования с префиксом *хам*- в «Девони замон» Лоика Шерали» Ш. Бобомуродова [109] являются лишь некоторыми исследованиями, проведенными в данной области языкознания.

Наряду с многочисленными научными изысканиями в данной области, и в целом, вопрос исследования языковедческих аспектов поэзии Хафиза Ширази, согласно отечественному лексикографу В.

Капранову, получило полноценное развитие равно с исследованиями литературных аспектов его поэзии с периода 70-х годов [3].

Языковедческие изыскания поэзии Хафиза Ширази следует отметить отдельно от исследований литературных аспектов его поэзии. Однако наряду с этим, нелишне также отметить, что большинство отечественных и зарубежных литературоведов, осуществляющих исследования в области творчества Хафиза по необходимости рассмотрели некоторые вопросы языковых и стилистических особенностей его поэзии и высказали своё мнение по вопросам языковых аспектов через призму литературоведческого анализа. В связи с этим, в представленной диссертации сначала нами дана оценка проблематики изучения языковых особенностей, и далее литературных аспектов поэзии Хафиза.

Наряду с этим, в период независимости исследование языковых особенностей поэзии Хафиза вошло в новую фазу, число научных исследований в данном направлении незначительно. Можно привести в качестве примера исследования Ш.Т. Каримова “Семантика лексических единиц газелей Хафиза” [99], М. Саломова “Метафорические словосочетания в газелях Гафиза” (лингвистический анализ) [106], Давлатхоним Джафаровой “Автоматизация лингвистического анализа поэтического наследия таджикской литературы (на примере газелей Хафиза)” [98].

Необходимо отметить, что в Иране исследования языковых особенностей поэзии Хафиза Ширази по отношению литературных аспектов несколько ограничены. Необходимо отметить важнейшие исследования иранских языковедов в вопросе лингвистических особенностей поэзии Хафиза, а именно аспекта словообразования. Одной из всесторонних и более полных статей, посвященных этому вопросу, является статья “Слово в поэзии Хафиза” Фаллаха Растагара Гети. Давая оценку языковым особенностям поэзии Хафиза, он отмечает: “Хафиз создает из слов новые слова, спасает поэзию от равнодушия. Сложные слова ... придают его стихам новизну и необычайную красоту

[109, 436]. По мнению Гети, «красота и мощь слова имеют магическое влияние в сотворении поэзии. Слово в поэзии не является лишь способом или средством передачи мысли» [109, 430].

Хафиз, по утверждению Фаллаха Растагара Гети, «с неистовым желанием создаёт слова, выбирает каждое из них и вплетает в ткань поэзии, и, создавая красоту, подобно небесной радуге, сочиняет стихи» [109, 433]. Аналогичное мнение высказал другой исследователь творчества Хафиза Ниёз Кирмани: «...Этот великий мастер (Хафиз – М.К.) изящно и с крайней тщательностью подбирает слова, изо всех сил старается вместить в слове лучшее и тончайшее значение, и даром, схожим с волшебством, увлекает и очаровывает самого искущённого и требовательного читателя» [23, 13]. В статье «Символические значения слов в поэзии Хафиза Ширази и Васи́ла Кабу́ли», написанной Мансуром Растагаром Фасахи, утверждения вышеназванных исследователей находят своё подтверждение. Фасахи отмечает, что Хафиз Ширази «благозвучности слов и их изящному построению при изложении» [164] придавал особое внимание. Данные утверждения являются доказательством того, что в поэзии Хафиза слова прошли не одну обработку и очень долгую, тщательную шлифовку, в связи с чем, неудивительно, что в поэзии Хафиза можно встретить слова с весьма необычными значениями, и употреблённые чрезвычайно удивительно и искусно. Доктор Мехиндухт Сиддикиён в начале статьи «О некоторых правилах в поэзии Хафиза», где рассмотрен вопрос изменения места «частиц» (служебные части речи) в поэзии Хафиза, отмечает: «Приведём несколько бейтов из поэзии Хафиза, где некоторые частицы, по сравнению с современными, претерпели изменения и некоторые из них остаются спорными» [144,64-65]. Из утверждения и анализа иранского исследователя можно сделать вывод, что наряду с тем, что поэтический язык Хафиза является непревзойдённым образцом языковых норм, он все же отличается в грамматическом плане от современного персидского языка.

Ещё одним ярким примером пристального внимания и интереса исследователей к поэзии Хафиза является составление и издание «Фарҳанги воҷанамои Ҳофиз» (*Словарь лексики поэзии Хафиза*), подготовленный Мехиндухт Сиддикиён и Абуталибом Миробидини. В указанном словаре приводятся все лексические единицы, использованные в поэзии Хафиза, в алфавитном порядке, с примерами из строк, что намного облегчает поиск слов и статистического подсчёта для исследователей и читателей. Данный словарь был составлен на основе дивана Хафиза, принадлежащего Парвизу Натилу Ханлари.

Первые сведения об особенностях поэтического языка Хафиза можно встретить в средневековых антологиях. Абдуррахман Джами в «Нафахат-ул-унс» (*Дуновение дружеской близости из садов святости*) упоминает Хафиза как «Lisān-ol-ḡaib va tarjomān-ol-asrār» (*знаток сокровенного языка и толкователь тайн*) и приводит, что «его поэзия намного выше того, чтобы подвергать его критике» [39, 611]. Также Джами в «Бахаристан» (*Весенний сад*) признает простоту и естественность его поэзии, не нуждающейся в критике, признаком зрелости и совершенства: «Так как в его (Хафиза – К.М.) стихах отсутствует церемонность, его прозвали «Lisān-ol-ḡaib» [39, 176]. Более полные исследования в области языковых особенностей поэзии Хафиза Ширази были осуществлены в более поздние века тюркоязычными комментаторами его газелей, в числе которых можно назвать Суди Буснави [5, 43], Сурури, Шамъи, Вахби, осуществивших научный анализ в данном направлении ещё в XVII веке. Суди Буснави при толковании стихов приводит лексическое значение и функции некоторых слов, частей речи в предложении для неперсоязычных читателей, тюрков по происхождению. К примеру, лексическая единица “*фитнаагnez*” – сложное слово от *ангезидан*, то есть “порождающая смуту” [5,291], “*ар-*сокращённое *агар* (если)» [6, 337], «*оинадор* (зеркальный, раскрывающий истинное лицо) – описательное производное ...[6, 683], “*ки* – подчинительный союз»:

*Сабо аз шиқи ман рамзе бигӯ бо хусрави хубон,
Ки сад Чамшеду Кайхусрав гуломи камтарин дорад.*

«Ветер, скажи лишь знаком тайным царице красавиц о любви моей,
Что сотню Джамшидов и Кайхосроу покорно в услужении её».

Или: «*ки* – соединительная частица в подтверждение сказанного»:

В-агар гӯяд, намехоҳам чу Ҳофиз оишиқи муфлис,

Бигӯедаш, ки султоне гадое ҳамнишин дорад [6,761].

«И если скажет, что не нужен ей нищий возлюбленный, как Хафиз,
Скажите ей, что и у султана есть сотрапезник нищий».

Форма «*диҳем* - настоящее-будущее время изъявительного наклонения от глагола *диҳидан* [6, 419], «*каш* – повелительное наклонение единственного числа от *кашидан* «тянуть» [7, 1934], «*оҳувон* – множественное число от единицы *оҳу* в значении «красивые» [8,2183], «*эй* – междометие, сокращённое обращение» [8, 2217, 2267], «*бисоз* – *би* – частица настояния и *соз* повелительное наклонение единственного числа от глагола *сохтан* «строить» [8, 2457]. Приведённый нами пример указывает на то, что Мухаммад Суди Буснави в исследовании при необходимости обращается к анализу языковых явлений и даёт некоторым простым и сложным по составу словам лингвистические комментарии.

Следует констатировать тот факт, что исследование и анализ поэтического творчества Хафиза получило развитие в равной степени по двум направлениям – по лингвистике и литературоведению, в силу чего исследователи предприняли попытки равной, идущей параллельно оценки и языковых и литературных особенностей его поэзии. Известный учёный Шибли Нуьмани признает «красоту, лаконичность, чистоту и нежность» особыми свойствами поэзии Хафиза, «обладающего невиданным гением и особым даром изложения» [20, 42], «владеющего языком в изъяснении мысли невероятной степени», «у которого мастерство воспевания газелей на высочайшем уровне» [20, 70].

Следует отметить, что исследование наследия Хафиза Ширази в отличие от других стран мира, получило наибольшее распространение в Иране. В числе упомянутых исследователей - хафизовед Бахауддин Хуррамшохи в разделе “Поэтическое мастерство и талант Хафиза” приводит, что Хафиз в сотворении совершенного слова “не использует руководство Абдулкадира Джурджани и Саккаки и Тафтазани”, то есть “творчество мастеров изящного слова не было для него образцом, это его творчество стало образцом для мастеров” [31,32]. Упомянутый исследователь отмечает, что изящные *ихамы* (иносказания), глагольные *редифы*, «народные словосочетания», «соблюдение синтаксических правил» являются отличительными чертами поэтического языка Хафиза [31, 32-33].

Исследование творчества Хафиза в бывших советских республиках, в частности Таджикистане, получило распространение после 1971 года, после празднования 650-летия Хафиза во всем мире. Таджикские учёные в упомянутый период опубликовали многочисленные статьи по вопросу исследований поэзии Хафиза и различных аспектов его творчества [109,133-136; 134,84-87; 116,108-109; 108, 83; 118, 112-114; 149, 100-103; 124, 138-141]. “Традиции риндов или мировоззрение Хафиза” Курбана Восеъ, “Хафизнама” Аълохон Афсахзода являются важнейшими трудами, представленными кругу ученых и читателей в период до обретения независимости Таджикистана. В упомянутых произведениях не рассмотрены лингвистические вопросы, в частности нигде не исследованы аспекты словообразования в поэзии Хафиза. Анализ существующих статей и исследований о Хафизе показал, что абсолютное большинство посвящено жизнеописанию, мировоззрению, литературному анализу его газелей. В период независимости Таджикистан исследование творчества Хафиза вошло в новую фазу, однако остаются еще немало неизученных, либо малоизученных вопросов в данном направлении.

Из статей литературоведов, имеющих первые попытки исследования в области особенностей поэтического языка Хафиза, следует особо

отметить статью «Лутфи сухани худодод» (*Прелесть божественного словесного дара*) Мисбохиддина Нарзикула, который признает, что Хафиз «...в вопросе употребления слов и словосочетаний, лаконичных и изящных оборотов в поэзии неподражаем» [125, 152]. А. Насриддинов полагает, что “Воистину, язык поэзии Хафиза подобен чуду..., величественен, красив и непоколебим. Слова избранные, благозвучны и полны тонкого смысла» [18, 572-574].

Также следует отметить отдельные научные исследования в современном таджикском языковедении, также затрагивающие вопросы исследования поэтического наследия Хафиза, в числе которых можно назвать работы “Вопросы художественной культуры и анализа поэзии Хафиза в комментарии Суди” Бобоевой М. и “Аналитический словарь мистической лексики поэзии Хафиза” Исрофилниё Ш.Р.

Научная новизна исследования. В таджикском языкознании анализ словообразовательных средств языка поэта до настоящего времени не было предметом пристального наблюдения лингвистов, вопрос языковых особенностей производных именных частей речи в поэзии Хафиза рассматривается впервые.

Исследование словообразовательных средств языка поэзии Хафиза даёт возможность проследить на определенном историческом периоде развитие фонетического облика и семантической сущности лексических единиц, возникновении новых и развитии существующих словообразовательных моделей, продуктивности и непродуктивности словообразовательных морфем, особенности их взаимоотношений с производящими основами и.т.п.

В исследовании на основе сложной и производной именной лексики творчества Хафиз раскрыты роль и функции каждого словообразующего аффикса, также впервые определяется их категориальное значение, причины, обуславливающие и мотивирующие их продуктивность, малопродуктивность или непродуктивность.

В исследовании рассмотрена степень активности/неактивности употребления словообразовательных моделей.

В диссертации впервые подвергнуты систематизированному анализу формирование и развитие словообразовательных моделей существительных и прилагательных в языке поэзии Хафиза, сочетаемость и степень продуктивности словообразовательных морфем, характер их взаимоотношений и семантические параметры производных основ.

Основная цель исследования. Основной целью исследования является изучение особенностей словообразовательных аффиксов в поэзии Хафиза (в образовании имен существительных, прилагательных), сравнительный анализ их употребления в современном таджикском литературном языке, определение и анализ способов образования сложносочиненных и сложноподчиненных имен существительных и прилагательных в поэзии Хафиза.

Исходя из названной цели определяются и задачи данного исследования:

- 1) анализ структуры и семантики производных лексических единиц в исследуемой поэзии;
- 2) определение роли и степени участия перфиксальных и суффиксальных морфем в образовании имен существительных;
- 3) определение роли и степени участия перфиксальных и суффиксальных морфем в образовании имен прилагательных;
- 4) анализ и классификация продуктивных, малопродуктивных, непродуктивных аффиксов, определения их частотности в образовании именных производных основ в поэзии Хафиза.
- 5) определение и анализ моделей сложносочиненных и сложноподчиненных имен существительных;
- 6) определение и анализ моделей сложносочиненных и сложноподчиненных имен прилагательных;
- 7) определение особенностей структуры и семантики словообразовательного процесса в поэзии Хафиза Ширази.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды и исследования отечественных и зарубежных ученых, в числе которых В. Расторгуева, Н. Шанский, Т. Чхеидзе, Л. Пейсиков, Л. Бузургзода, Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Рустамов, М.Касимова, Ш. Ниёзи, Г. Мирзоев, Д. Ходжаев, Ф. Амонова, Д. Саймиддинов, Г.Мирзоев, О. Касимов, А.Хасанов, Т.Шокиров, Х.Мирзоев, Ш.Исмоилов, С.Хоркашев, С. Ганизода, М.Саломов, Ф. Р. Гети, Мансур Р. Фасаи, Н. Кирмани, М. Сиддикиён, Б. Сарватиён, Б. Хуррамшохи и др.

Фактологическая основа исследования. Основным источником нашего исследования послужил “Диван Хафиза” в редакции Бахауддина Хуррамшахи, являющийся к началу нашего века одной из самых достоверных копий. Также в ходе исследования для корректировки правописания некоторых слов были использованы копии дивана Хафиза, хранящиеся на территории современного Таджикистана. Для определения значения лексических единиц и морфемного состава некоторых слов были использованы древние и более современные персидско-таджикские словари, в частности словарь “Фарҳанги Онандроҷ”, “Ғиёс-ул-луғот”, “Бурҳони қотеъ”, “Луғатномаи Деххудо”, “Фарҳанги Амид”, “Фарҳанги форсии фарҳехта”, “Фарҳанги забони тоҷикӣ”, “Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ”, “Фарҳанги воҷанамои Ҳофиз” и др.

Методы исследования. В ходе анализа собранного материала нами были использованы описательный метод, методы синхронно-диахронного, структурного и семантического анализа, в некоторых случаях использованы сравнительно-исторический и статистический методы.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты диссертации предоставляют возможность определить вклад поэта в обогащении лексического состава таджикского языка. Научные выводы и фактический материал работы могут служить в дальнейшем

исследовании вопросов словообразования, составлении толковых, словообразовательных, морфемных словарей таджикского языка. Теоретический материал диссертации можно использовать при написании учебников по морфологии и словообразования современного таджикского литературного языка.

Положения диссертации, касающиеся семантических параметров и особенностей применения сложной и производной именной лексики в поэзии Хафиза Ширази, установлении вариации в структуре и семантике отдельных лексических единиц, этимологии некоторых лексических морфем, могут быть использованы при составлении исторической грамматики таджикского языка и разработки спецкурсов в этом направлении.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы диссертации можно использовать в составлении учебных пособий для студентов факультетов таджикской филологии вузов, в рамках спецкурсов и семинаров, практических и лабораторных занятий по историческому словообразованию, при написании курсовых и дипломных работ по вышеупомянутым дисциплинам и языковым особенностям художественной литературы. Материалы диссертации и опубликованные статьи, приложения также могут быть полезны при проведении практических и теоретических занятий по лексикологии и словообразованию таджикского языка.

Источники исследования. При написании данной работы были использованы материалы, собранные автором диссертации из «Диван»-а Хафиза Ширази, изданного в Тегеране в 1385 году хиджры (2007г.).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. В словообразовательных процессах языка исследуемой поэзии достаточно высока степень участия аффиксальных морфем в образовании имен существительных и прилагательных.

2. Анализ функционирования продуктивных, малопродуктивных, непродуктивных аффиксов, определения их частотности в образовании

именных производных основ в поэзии Хафиза Ширази свидетельствует о неповторимом словотворческом таланте и особом отношении поэта к выбору и сочетаемости лексических и словообразовательных морфем.

3. В языке газелей поэта наблюдается большое количество моделей сложносочиненных и сложноподчиненных имен существительных и прилагательных, многие сложные образования, относящиеся к этим моделям, получили в исследуемой поэзии новое значение.

4. Наравне со множеством сходств и идентичностей с современным этапом развития таджикского литературного языка, наблюдается ряд специфических явлений в структуре и семантике словообразовательных процессов в поэзии Хафиза Ширази, в частности, образование сложноподчинённого существительного взамен двух простых лексических единиц.

5. В языке исследуемых газелей наблюдаются множество имён существительных и прилагательных, образованных собственно поэтом и свойственных именно его лексике.

6. В поэзии Хафиза выявляются широко используемые способы образования сложноподчиненных имен существительных и прилагательных, большинству из которых свойственна новая семантика по сравнению с другими письменными источниками таджикского языка.

Апробация работы. Отдельные разделы и выводы диссертационной работы были апробированы диссертантом на традиционных научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова (2012-2015 гг.), по теме исследования в научных сборниках и журналах было опубликовано четыре статьи, из которых три опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Диссертация состоит из содержания, двух глав, заключения и библиографии. Объем диссертации состоит из 179 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА I. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В ПОЭЗИИ ХАФИЗА ШИРАЗИ

1. 1. Образование производных имен существительных

1.1.1. Префиксальное словообразование имен существительных

Словообразование является одним из важнейших источников обогащения и пополнения словарного состава языка и включает множество различных способов и путей. Словообразование занимает основную, фундаментальную позицию в “последовательном совершенствовании лексического состава” [75,79]. Ученые рассматривают словообразование в рамках исторического явления, последовательной трансформации и совершенствования методов и средств словообразования, продуктивности и непродуктивности некоторых способов словообразования в отдельных исторических периодах, роли словообразования в развитии лексического состава языка, а также признания основного языкового фонда в качестве основы словообразования [75, 79; 76, 136]. Ш. Рустамов особо отметил неразрывную и прочную взаимосвязь процесса словообразования с грамматикой, тесную связь особенностей словообразования с его грамматическим строем, особенности словообразования различных языковых групп (флективные, агглютинативные), создание новых слов в качестве сформировавшихся грамматических единиц и получение ими морфологических и синтаксических функций и более пристального внимания вопросам словообразования [73,12]

В современном таджикском литературном языке существует шесть способов словообразования: морфологический, морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический, лексико-семантический, синтаксико-морфологический и аббревиальный. Морфологическое словообразование имен существительных является самым продуктивным и осуществляется в большинстве случаев аффиксальным способом и словосложением [75, 12].

Аффиксальное словообразование имеет непосредственную связь

с их функцией и ролью по отношению к основе производных слов (префиксы располагаются перед основной- *хам-* + *рох*; суффиксы после основы - *донии* + *-гох*; инфиксы в середине двух основ- *сар -о- сар*).

Роль префиксов в образовании имен существительных и прилагательных огромна. Историческое обозрение становления префиксов в персидско-таджикском языке наглядно демонстрирует, что хотя образование слова посредством префикса, по утверждению Д. Саймиддинова, “в среднеперсидском языке и не имеет широкого распространения”, “данный способ остался в наследие от древнеперсидского языка как историческое продолжение структурного строя данного языка и отмечены всего шесть префиксов: *-// an-, abz-, hu-, duš-, ham-, jud-*» [78, 89-136]. Хусрав Фаршедвард в своем исследовании «Фарҳанги пешвандҳо ва пасвандҳои забони форсӣ» (*Словарь префиксов и суффиксов персидского языка*) приводит 36 префиксов: *اف-//af-, اپ-//ap-, آل-//ol-, ا-//a:-, آ-//o:-, بُل-//bul-, بر-//bar-, اوز-//u:z-, او-//u:-, ام-//am-, -خ-//-, پی-//pai-, پز-//paj-, پر-//par-, پد-//pad-, فر-//far-, شاه-//soh-, دش-//duš-, دژ-//dij-, خر-//ar-, نا-//no-, ن-//na-, فرو-//furu-, فراز-//faroz-, فرا-//faro-, هام-//hom, ها-//ho-, ه-// a-, ور-//var-, وا-//vo-, هم-//ham-* [109, 95].

Из упомянутых Д. Саймиддиновым шести префиксов, префиксы *an-*, *hu-* ва *jud-* в таблице, сформированной Хусравом Фаршедвард, не встречаются. Очевидно, что префикс *am-* (-ام) таблицы Фаршедварда это изменившийся префикс *an-*, так как Мухаммад Муин в “Бурҳони қотъ” при пояснении лексического элемента “*хам*” отметил, что в языке *шугни* данный лексический элемент произносится как *am-*, *an-*. Б. Косимов также приводит, что “префикс *хам-* в персидском дари приводится **хам-**, авестийском **ham-**, *han-*, курдском *ham-*, осетинском *am-, an-* [62,17]. Подтверждением также могут служить две формы пехлевийской лексической единицы *хамбоз*. Данное слово в современных словарях, в том числе «Фарҳанги Амид» приводится в форме *ханбоз*, *анбоз* в значении «партнер, соучастник, сотоварищ» [34, 2498, 2506; 36, 278].

Префикс *a-//an-* в среднеперсидском языке означал признак отрицания прилагательных, а в новоперсидском языке утратил свои функции и передал их префиксам *но-* и *бе-* [37, 137]. Данная морфема в современном английском языке сохранила функции приставки отрицания или значения противоположности *incompton-* *гайриодӣ*, *infit-* *бекора*, *ноқабул* [78, 21].

Исследование показало, что префикс *хам-* в родственных языках прошёл длительный путь многочисленных трансформаций и получил различные формы и функции. Такой процесс трансформации префикса *хам-* можно наблюдать и в таджикском (персидском) языке.

В современных иранских словарях префикс *хам-* иногда пишется слитно с корнем слова: *хамто* (همتا) «подобие», *хамсоя* (همسایه) «сосед», *хамшира* (همشیره) «сестра», *хамшиева* (همشيوه) «поделщик», *хамшикам* (همشکم) «сотрапезник». Это двойное написание слов с префиксом *хам-* обусловило появления в иранских и таджикских словарях лексических единиц с искажённым значением. Одной из таких лексических единиц является слово *хаммонанд* (همانند) «сходный», по лексическому и грамматическому комментарию доктора Муина это «hamānanda(hu-) [az hu + mānand в значении *некмонанд* «сообразный» [16, 5169]. Из пояснения выясняется, что префикс данной лексической единицы в действительности не **ham-**, а префикс **hu-**, который с течением времени, подвергшись фонетической трансформации, утратил своё значение «*некмонанда*» и в настоящее время употребляется в значении чего-либо сходного. Различие префикса *hu-* от *ham-* существенное, первый префикс имеет более выраженное свойство образования имен прилагательных. Данное слово приводится в «Бурхони қотъ» как сокращенное *хаммонанд* – همانند [4, 2364] в «Фарҳанги Онандроҷ» [23,2607], «Луғатномаи» Деххудо [162], «Фарҳанги Амид» [34, 2497, 2503], «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [30, 727], «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [31, 489-490] также в значении сходности, подобия чего-либо.

Подобное разное написание и разночтение свидетельствует о том, что тема исследования префиксов в персидском и таджикском языке, имеющие одни корни, остаётся спорной и нуждается в глубоком, всестороннем изучении.

В таджикском литературном языке в словообразовании имён существительных участвует лишь префикс *хам-*. Другие древние по происхождению префиксы слились со своими основами и в настоящее время не могут быть выделены в категорию отдельной морфемы от своих основ. Так, в лексических единицах *овоз -о-*, *пайкар- пай-*, *подшоҳ- под-*, *фармон -фар-* исторически являются префиксами, однако, слившись со своими основами, в современном таджикском языке уже считаются простыми односоставными словами [75, 124]. Явление соединения с основой, получения слитной формы с корнем, утраты самостоятельных функций и преобразования в зависимый, неактивный элемент, употребление в качестве простого односоставного слова некоторых префиксов и суффиксов наблюдалось ещё в среднеперсидском языке [75, 113].

Ш. Рустамов в «Словообразовании имён существительных в современном таджикском литературном языке», приводя примеры и фактологический материал, отмечает особую научно-практическую значимость дореволюционных словарей и признает классических лексикографов настоящими исследователями в области языкознания [75, 4]. Однако, принимая во внимание случаи искажения, неточности в сфере разработки и составления словарей [34, 7-18], полностью согласиться с утверждением Ш. Рустамов нельзя, но все же следует признать, что при составлении словарей большинство лексикографов рассматривали некоторые лингвистические проблемы.

Одним из таких лексикографов является Мухаммад Гиёсуддин Ромпури, который в числе из первых в своём словаре привёл научное пояснение по вопросу префикса *хам-* и его функций: «Также префикс «*хам-*» относится к словам, не означающим соответствие с кем-либо в

участие в каком-либо деле. Так, например, говорят *хамроз* в значении людей, хранящих тайну друг друга, но не употребляют *хамроздор*. К ним же относятся *хамдостону хамроҳ* и подобные им, так как префикс «*хам-*» является союзом и означает участие в деле, действии» [25, 968].

Данное пояснение приводится в точности автором «Фарханги Онандроч» с некоторым аналитическим и критическим дополнением следующим образом: «Так в приведённом примере означает хранящего тайну, единомышленника и соратника в пути. Поэтому написание «*хамрод*» в значении двух людей, сходных в благородстве и великодушии, не совсем точно, так как слово *род* означает соответствие с кем-либо в каком-либо деле. В связи с тем, что это означает «благородный», а не в значении «благородство» [23, 2607].

Современные иранские лексикографы Мухаммад Муин и Хасан Амид в пояснении словообразовательного элемента лишь немного дополнили сказанное автором «Гиёс-ул-лугот» и «Фарханги Онандроч», назвав *хам-* префиксом и указав на его происхождение из пехлевийского языка [25, 2498]. Отличие в пояснении иранских лексикографов состоит в том, что Амид для *хам-* (как префикс) выделяет в словаре отдельную лексическую позицию, указывает его функции и назначение как префикса, и лишь после этого приводит пояснения по *хам-* как союз: префикс приводится в начале слова и означает схожесть и соответствие в действии, сотрудничество, к примеру *хамсоя* «сосед» ... и иногда также используется в виде союза в значении *харду* «оба» и *хама* «все». Иногда употребляется в значении слова *низ* «также» [25, 2498]. Однако Муин избрал классический метод и поясняет *хам-* сначала как союз и далее как префикс: «1) «союз» *низ*, *хамчунин* «также»; 2) префикс, в слове означает участие кого-либо, чего-либо (обозначение участия в следующем за ним имени существительном): *хамутоқ* «сосед по комнате», *хамхона...* «сосед по дому; сожитель»» [16, 5166].

Составители словаря «Фарҳанги забони тоҷикӣ» (Словарь таджикского языка) с учётом того, что *ҳам*- «первая часть слова», отводят ему место отдельной лексической статьи маленькими буквами (**ҳам**) и поясняют её значением «привязанность, схожесть и участие», а также отдельно поясняют *ҳам*- как префикс и приводят заглавными буквами (**ХАМ-**) [30, 722]. Авторы «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» («Толковый словарь таджикского языка») поясняют *ҳам*- без выделения ему отдельной лексической статьи, как союз в первом значении, во втором как «предшествующая часть некоторых сложносоставных слов в значении участия или партнерства двух людей или двух вещей» [31, 484].

Сравнение четырёх лексико-грамматических пояснений лексического элемента *ҳам* в словарях показало, что Амид и авторы «Фарҳанги забони тоҷикӣ» преимущественно указывают на активную позицию *ҳам*- как префикса, а Муин и составители «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» больше характеризуют его как союз (*ҳам*, ... *ҳам*). На основании сведений современных персидских и таджикских словарей в данном случае возникает спорный вопрос о функции *ҳам*- как префикса или как союза. Отличие *ҳам*- как префикса или как союза, степень их активного употребления обусловило появление спорных утверждений среди ученых-языковедов. Таджикский языковед Ш. Рустамов указал на неточность утверждения А. Халилова о едином значении и функций префикса *ҳам*- и частицы *ҳам*, и особо отметил, что префикс *ҳам*- является деривативной морфемой [75, 125].

В таджикском языкознании префикс *ҳам*- имеет следующие характерные особенности: словообразование исключительно имён существительных, обозначение сопровождения, соучастия, взаимного отношения лица или предмета, образование имён лиц от существительных и глагольных основ [50; 54, 152-153; 54,159]. О префиксе *ҳам*-, как деривационной морфеме, образующей имена существительные, в таджикском языкознании имеются малочисленные сведения и

исследования, так большинство лингвистов остаются при мнении, что «префиксальное образование имён существительных нехарактерно таджикскому языку» [54, 152].

Анализ и сопоставление сведений персидских и таджикских словарей по вопросу префикса *хам-* и его аналогов показывает на влияние арабского языка на классические и современные персидские (индийские и иранские) словари, влияние русского языка на современные таджикские словари. Комментарии и пояснения научного характера в «Ғиёс-ул-луғот», «Онандроч» и словаре Муина наглядно демонстрируют огромное влияние арабского языка на персидский язык. Отсутствие упоминания префикса *хам-* в качестве словообразующего префикса в таджикских словарях также является отпечатком периода влияния русского языка на таджикский язык. Явно ощущается, что при составлении «Фарҳанги забони тоҷикӣ» авторы при пояснении отдельной лексической статьи *хам* руководствовались словарями русского языка.

Составители «Фарҳанги забони тоҷикӣ» при описании особенностей префикса *хам-* как отдельной статьи начали работу не с поиска и выбора русских эквивалентов данного префикса *с-*, *со-*, а занялись поиском слов с *хам-*, означающего в русском языке *одно-* и *едино-* (одноклассник ..., единогласие...). Следуя именно этому принципу, составители словаря утверждали, что во-первых, *хам-* это «первая часть сложных слов», во-вторых, префикс *хам-* в современном таджикском литературном языке создает не сложносоставные, а производные и составные лексические единицы. В-третьих, в русском языке *одно-*, *едино-* действительно являются частью сложных слов, так как обе упомянутые первые части являются корнями и, соединяясь с другим корнем, образуют сложное слово: одно (один) + классник, *едино* (исконно трансформация слова «один», где произошла перемена позиции корневой гласной о на е)+ *гласие*.

Данное разногласие во мнениях и утверждениях, научные споры и малоизученность префикса *хам-* в таджикском языкознании мотивировали нас на углубленное этимологическое исследование и более подробное изучение образования лексических единиц с префиксом *хам-*, собранных нами из 13 средневековых и современных толковых словарей, «Фарҳанги воҷанамои Ҳофиз» для дальнейшего сопоставительного анализа слов с данным префиксом из поэзии Хафиза. Составители «Фарҳанги воҷанамои Ҳофиз» во введении отмечают важность и необходимость подобных частотных словарей и словарей синонимов (concordance) для литературного наследия: «Если к литературному наследию каждого периода будут составлены подобного рода словари, предоставится возможность составления словарей по определенным периодам... и при высказывании литературных версий вместо «вероятно», «приблизительно» будут говорить «в период ...», «точно», «категорично достоверно» и не более [27,7]. Старания, научный подход и мировоззрение авторов «Фарҳанги воҷанамои Ҳофиз» достойны одобрения и всесторонней поддержки. Однако до решения упомянутых спорных вопросов в части оригинальных текстов дивана Хафиза, «точно» и «достоверно» говорить о языке поэзии Хафиза Ширази пока не представляется возможным. Различия между копией Хонлари и копией Хуррамшахи, являющейся одним из последних критических текстов дивана Хафиза, могут стать доказательством всего вышесказанного. Характерной особенностью данного словаря является то, что авторы для каждого слова, употреблённого Хафизом, установили «мадхал» (досл. вход, позиция), определили частоту употребления слова в диване Хафиза, с учётом указания строки с примером слова и номером двустишия и газели. Например, лексическая единица *хамдard*: «сопереживающий, товарищ по несчастью»: *Диле хамдardу ёре маслиҳатбин* «Сердце сопереживающее и возлюбленную разумную»

3/211; *Ачаб мадор, ки ҳамдарди нофаи Хутанам* «Не удивляйся, ведь сотоварищ я мускусу Хутана» 5/334 [45, 1018].

По результатам поиска сведений о префиксе *ҳам-* в средневековых и современных толковых словарях нами составлена таблица объёмом десять страниц (Приложение 1). Согласно статистическому подсчёту в таблице собраны 354 лексические единицы, образованные посредством префикса *ҳам-*. Независимо от субстантивации, адвербаллизации и других языковых явлений, из упомянутых 354 производных слов согласно основы (корня) и принадлежности к именованным частям речи 311 единиц относятся к именам существительным, 28 единиц – к глаголам, 5 единиц – к прилагательным, 7 единиц наречий, 1 единица – местоимение. На основании таблицы (Приложение 1) и, принимая во внимание значимость исследования, нами проведён сопоставительный анализ производных лексических единиц в поэзии Хафиза.

Согласно дивану, составленному Хуррамшахи, выяснилось, что данный префикс в поэзии Хафиза встречается в составе 17 производных основ: *ҳамхона* «сожитель» (1) [67], *ҳамдард* «сочувствующее лицо» (2) [207,342], *ҳамдарс* «одноклассник» (1) [164], *ҳамдастон* «единомышленник» (1) [12], *ҳамдам* «приятель» (13) [16, 31, 2, 121], 192, 218, 274, 309, 327, 392, 442, 470, 492], *ҳамроз* «человек, хранящий тайну» (3) [99, 102, 364], *ҳамроҳ//ҳамраҳ* «попутчик» (3 + 7) [12, 34, 69 + 12, 23, 134, 195, 241, 277, 343, 359, 474], *ҳамзону* «собеседник» (1) [99], *ҳамсоя* «сосед» (1) [125], *ҳамсӯҳбат* «собеседник» (1) [13], *ҳаминон* «соратник» (1) [312], *ҳамқирон* «единые судьбой» (1) [297], *ҳамкор* «соратник, коллега» (1) [63], *ҳамманзил* «проживающий в одном доме» (1) [10], *ҳамнафас* «друг» (4) [16, 34, 280, 364], *ҳамнишин* «собеседник» (9) [83, 90, 121, 273, 297, 309, 354, 403, 409], *ҳамвисоқ* «союзник» (1) [202].

Следует отметить, что префикс *ҳам-* в поэзии Хафиза образовал не только имена существительные, но и прилагательные, однако в данном разделе мы рассматриваем только производные имена существительные.

К упомянутым выше производным именам существительным в “Фарҳанги воҷаномаи Ҳофиз” Меҳиндухт Сиддикиён добавила еще два производных имен существительных: *ҳамогӯш* «обнявшийся» (1), *ҳамрикеб* «собеседник» (1) [1015,1018]. Оба производных основ в копии Хуррамшахи в исконном тексте отсутствуют, упомянуты в комментариях по достоверным копиям Бодлиёна (843 л.х) и Пенджаба (894 л.х).

Хафиз, будучи гением поэтической мысли в словообразовании посредством префикса “*ҳам-*” проявил крайнюю осторожность и разумность, и при использовании тщательно соблюдал грамматические нормы языка.

Другой особенностью в словообразовании имён существительных с префиксом *ҳам* - является изменение корня существительного, образованного путём присоединения префикса «*ҳам-*» согласно некоторым копиям:

Мо бегамони маст дил аз даст додаем,

Ҳамрози¹ишқу ҳамнафаси чоми бодаем [45, 365].

«Мы беспечны и пьяны, утратившие сердце из рук,

Мы спутники любви, сотоварищи винных кубков».

Цифровой указатель составителя дивана Хафиза – Хуррамшахи по производному слову *ҳамроз* в вышеуказанном бейте указывает на то, что в копии Пенджаба данное производное существительное приводится как *ҳамдard*.

Аналогично этому цифровой указатель (3) к производному существительному *ҳамроҳ* «спутник» со значком (*) в конце второй строчки двустихия Хафиза также вызывает споры:

Чун чаими ту дил мебарад аз гӯшанишинон,

«Ҳамроҳи³ ту будан гунаҳ аз чоғиби мо нест»* [45, 69].

«Как очи твои сердцами аскетов овладевают,

«Быть спутником твоим - не наша вина».

По словам данного исследователя, вместо производного существительного *хамроҳ* в копии Бодлиён приводится существительное *дунбол*, вторая же строчка бейта принадлежит перу Саади Ширази:

*Дунболи ту будан гунаҳ аз ҷониби мо нест,
Бо гамза бигӯ, то дили мардум наситонад* [43, 218].

«Преследовать тебя – не наши грех и вина,
Скажи тихонько, чтоб сердца не пленила».

Выясняется, что Хафиз наряду с тазмином (*включение в стихи стихотворных строк других поэтов*) строк и двустиший других предшествующих поэтов, при необходимости для равновесия и поэтического благозвучия вносит изменения, где простой читатель не способен догадаться о принадлежности данных строк другому поэту. Данный аспект подробно и отдельно исследован в «Хафизнома» Хуррамшахи [33, 40-50]. Из различий, приведенных нами двустиший выясняется, что Хафиз существительное *дунбол* извлек из двустишия Саади и вместо него употреблял производное существительное *хамроҳ*.

Такое же употребление производных существительных с префиксом *хам-* можно наблюдать в строках: «Хадиси муддаиёну хаёли хамкорон³»; *Хадиси муддаиёну хаёли хамкорӣ³* «Хадис отшельников и дума о товарищах (или товариществе)» в копии Бодлиён [45, 44]; *Рафиқи хайли хаёлему хамнишин⁵и шикеб* или *Рафиқи хайли хаёлему хаминони шикеб* «Мы всадники скакуна раздумий и собеседники терпения» - в копии Бодлиён [45, 297], *хамрикоби шикеб* «собеседник терпения» – в копии Бодлиён [45, 297]. В первой строке вместо суффикса множественного числа “-он”, приводится суффикс “-ӣ”, во второй и третьей строке вместо глагола *нишин* «сиди» к существительным арабского происхождения *инон* «узда» и *рикоб* «стремя» присоединен суффикс *хам-*, в результате чего образовано производное существительное. Вызывают споры отличия в существительных *хамманзил* «сосед» и *хамдостон* «сотоварищ»:

Дар хароботи тариқат мо ба хам манзил шавем, (بهم منزل)
К-ин чунин рафтаст дар аҳди азал тақдири мо [45, 10].

*«В уединении суфиев мы станем соседями с тобой,
Ведь нам (все) это предначертано извечною судьбой»*

Первая строчка бейта в копии Пенджаба приведена в таком виде *Дар хароботи мугон мо низ ҳамманзил шавем* «В уединении огнепоклонников мы с тобою будем жить в одном жилище» [45,10], в таджикской копии на кириллице Шанбезода фиксирует как *Дар хароботи мугон мо низ ҳамдостон шавем* «В уединении огнепоклонников мы также станем товарищами по судьбе» [45, 41]. Если опираться на вариант первой строчки копии Хуррамшахи, становится очевидным, что Хафиз в приведённом бейте не использовал производное существительное *ҳамдастон*.

Если признать точным вариант «*مايهمنزل شويم*»), и цитировать «*мо ба ҳамманзил шавем*», то становится достоверным, что *ҳамманзил* является производным именем существительным. Префикс *ҳам-* присоединился к абстрактному имени существительному *манзил*, в результате чего образовалось производное имя существительное, означающее имя лица *ҳамманзил*. Если признать верным вариант «*مانيز هممنزل شويم*») *Мо низ ҳамманзил шавем* «Мы станем соседями с тобою», становится очевидным, что Хафиз последовательно приводит «*низ*» и «*ҳам*», используя поэтический прием *ихом* (последовательная омонимия). Следовательно, *ҳам-* в таком написании может выполнять две функции: функции союза и префикса. Однако, по нашему мнению, в приведённом бейте *ҳам-* выполняет функции префикса, так как по варианту «*мо низ ҳамманзил шавем*», то смысловой оттенок в корне меняется.

Различия также встречаются в именах существительных, образованных посредством глагольной основы:

Рафиқи хайли хаёлему ҳамнишин⁵и шикёб,

Қарини оташи ҳичрону ҳамқирони фироқ [45, 297].

«Мы всадники скакуна раздумий и собеседник терпенья,

Сотоварищи огня разлуки в созвездии расставанья»

В копии Бодлиён вместо *хамнишин* приводится производное существительное *хаминон* «соратник», и если считать верным первый вариант, выясняется, что *хам-*приводится с глагольной основой и образует имя существительное, означающее соучастие. В случае, если признать верным второй вариант, грамматическая функция префикса *хам-* не меняется, однако в структуре наблюдается отличие, то есть производное существительное образовано не из глагольной основы, а посредством простого имени существительного.

Статистический подсчёт (Приложение 1) показывает, что наряду с тем, что префикс *хам-* присоединяется к существительным и глагольным основам и образует имена лиц и абстрактные существительные, ему также свойственно образование имён существительных посредством присоединения к глагольным основам (*хам + буд*, *хам + гир*, *хам + рафт*, *хам + раванд*, *хам + навоз*). Данная тенденция словообразования наблюдается в современных иранских персидских словарях.

В творчестве Хафиза префикс *хам-* образует существительные, означающие имена лиц, присоединяясь к классической форме глагола в повелительном наклонении *нишин* и встречается в составе словосочетаний *гадое хамнишин доштан* «иметь в собеседниках нищего», *бо Хизр хамнишин будан* «быть собеседником Хизра» [45, 272], а также означает соучастие в чем-либо:

Гарат хавост, ки бо Хизр хамнишин бошӣ,

Нихон зи чаими Сикандар чу оби хайвон бош [45, 272].

«Если желаешь ты быть **собеседником** Хизра,

Скрытым для взора Искандара будь, как животворная вода».

В словосочетаниях *хамнишини дил* «собеседник сердца» [45, 91], *хамнишини шикеб* «собеседник терпения» [45,297], *хамнишин доштан* «иметь собеседника» [45, 123] префикс *хам-* с глагольной основой *нишин* образовал подчиненные абстрактные имена существительные, не

обозначающие лица: *Эй гоиб аз назар, ки шудӣ ҳамнишини дил* «Ты невидимый для глаз, ставший собеседником сердца» [41, 91], *Ало, эй ҳамнишини дил, ки ёронат бирафт аз ёд* «О, ты, собеседник сердца, забывший о своих друзьях» [45, 354], *Рафиқи хайли хаёлему ҳамнишини шикеб* «Мы всадники скакуна раздумий и собеседники терпения» [45, 297]. Приведем следующий бейт:

Ҳар он, к-ӯ хотири маҷмӯву ёри нозанин дорад,

Саодат ҳамдами ӯ гашту давлат ҳамнишин дорад [45, 123].

«Каждый, кто спокоен и возлюбленная рядом с ним,

Счастье - спутник его, в **собеседниках** у него богатство».

Производное существительное *ҳамнишин* в своём исконном значении «сидящие вместе» [4, 2372; 23, 4617], «тот, кто состоит в близких, дружественных отношениях; друг, собеседник» [1, 2622] не приводится, так как данное производное слово относится по значению со словом *давлат* «богатство» и вспомогательный глагол *доштан* «иметь», также относящийся по смыслу к изафетным словосочетаниям *хотири маҷмӯъ* и *ёри нозанин*, означающие «счастье и благополучие». В тексте, придерживаясь поэтического стиля и норм, Хафиз использовал префикс *ҳам-* в составе производного существительного, образованного посредством глагольной основы словосочетания на основе подчинительной связи, в немного другой функции, отличающейся от обычного применения: *давлат ҳамнишин доштан* означает – «иметь счастье и благополучие».

В следующей строке *Ёрони ҳамнишин ҳама аз ҳам ҷудо шуданд* «Близкие друзья расстались все друг с другом» [45, 410] префикс *ҳам-* также в зависимости от своей позиции в строке изменил свое назначение, утратив функции образования имён существительных, приобрёл свойство образования имён прилагательных.

Префикс *ҳам-* также образует наречия времени, имена лиц и предметов посредством присоединения к наречий (*ҳам + акнун*, *ҳам + эдун*, *ҳам+пушт*, *ҳам + паҳлу*), прилагательных (*ҳам + қарин*, *ҳам +*

танг). В «Фарҳанги забони тоҷикӣ» слова *ҳамқарин* приводится в значении «близкие люди, друзья, партнёры» [30, 488] и “*ҳамтанг*” в значении «одинаковый, однотипный» [30, 492]. В поэзии Хафиза подобный тип словообразования не наблюдается, за исключением одного случая с наречием времени *акнун* «теперь, сейчас», приведённого в копии Хонлари: *ҳамакнун роҳи шахри дӯст гирам* «**Теперь** направлюсь в город, близкий мне по духу» [27, 1324].

Изменение функций префикса *ҳам*– также встречается в следующих двуступенчатых Хафиза, где производные лексические единицы «*ҳам + дард*» «сочувствующее» ва «*ҳам + дам*» «близкое» являются качеством (прилагательными) существительного *дил* «сердце»:

Диле ҳамдарду ёре маслиҳат бин,

Ки истизҳори ҳар аҳли диле буд [45,218].

«Узри сочувствующее сердце и разумного друга,

Чтоб было выражением каждого сердца»

***

Ишқбозиву чавониву шароби лаълфом,

Маҷлисӣ унсу ҳарифи ҳамдаму шурби мудом [45, 309].

«Любовные игрища, и юность и пурпурно-игривое вино,

Собрание близких, сердечный друг и вечное пьянство».

Научные комментарии словарей свидетельствуют о том, что исторически префикс *ҳам*-, соединяясь с местоимениями *ин* и *он*, со временем обретает слитную форму. Автор «Ғиёс-ул-луғот» приводит по этому поводу: «همان - с первой огласовкой *фатҳа* верно, с огласовкой *замма* неверно, так как в действительности это «ҳам он همان-» [25, 969]. Эти сведения в точности приводит автор словаря Онандраджа [23, 4607-4608]. Хотя утверждение Гиясуддина Ромпури несколько далеко от научного анализа, все же автор приводит сведения о составе лексической единицы *ҳамон*. Его сведения также цитируются Мухаммадом Муином с указанием знака васла (+) между «ҳам» ва «он» هم + (آن) и с утверждением,

что *он* - это местоимение [4, 2363; 16, 5167]. Сведения о префиксе *хам-* и местоимении *он* в средневековых толковых словарях не найдены. В “Фарҳанги форсии Муин” (“Персидский словарь Муина”) образование *хамин* указано следующим образом: «*ham-in* = هماين» [16, 5202]. Это показывает, что *хам-* и *ин* две самостоятельные части производного слова – префикс и местоимение.

Префикс *хам-* участвует также в образовании местоимения «*хамдигар*» (один по отношению к другому) [54, 230]. Согласно сведениям «Фарҳанги вожанамо» в поэзии Хафиза лексические единицы *хамон* (19 раз), *хамин* (9 раз) [27, 1015, 1022, 1324, 1325].

По данным таблицы префиксов (см. Приложение 1) в части слов, образованных с префиксом *хам-* : *хамгап* «собеседник», *хамбазм* «сотрапезник», *хамгузар* «сосед», *хамқисмат* «имеющий одинаковую судьбу», *хамандом* «сходный, аналог», *хамдиёр* «соотечественник», *хамгӯит* «равный по телосложению» [31, 485, 487] выясняется, что использование префикса *хам-* получило широкое распространение не только в современном персидском терминообразовании, но и в современном таджикском литературном языке. Рассмотрим оба свойства - образование терминологии и распространение префикса *хам-* в поэзии Хафиза на основе 17 производных имен существительных, приведенных нами выше.

Среди указанных 17 имен существительных только одно производное – «*хамқирон*» является термином. Слово «*қирон*» в словарях приводится в значении “приближение и соединение чего-либо..., в астрономии соединение двух звезд из числа планет вокруг Солнца, Созвездие» [25, 666]. Префикс *хам-* со словом *қирон*, имеющее второе приведённое словарями значение, образовало не имя лица, а имя неодушевлённое, точнее имя явления:

Рафиқи хайли хаёлему хамнишини шикеб,

Қарини оташи ҳичрону хамқирони фироқ [45, 297].

«Мы всадники скакуна раздумий и собеседники терпенья,

Возлюбленные огня разлуки и **спутники** расставанья».

Среди других 17 производных имён существительных производное существительное *хамдам* было использовано Хафизом 14 раз. Частотность использования производных имен существительных с префиксом *хам-* в поэзии Хафиза следующая: *хамроҳ//хамрах* (4/7 =11 раз), *хамнишин* (9), *хамнафас* (5), *хамроз* (3), *хамдард* (2), оставшиеся производные существительные употреблялись по одному разу.

Из 354 основ (за исключением лексических единиц *дус* и *пор*, по которым найти сведения о происхождении не представилось возможным), 186 таджикские лексические единицы [37,160,32, 16], 162 арабские [162, 33,16], 2 русские [162], 2 тюркские единицы [33, 16], соединившись с префиксом *хам-*, образовали производные слова.

В поэзии Хафиза больше встречаются исконно таджикские слова. Из 18 основ 11 являются исконно таджикскими единицами (*хона*-«дом», *дард* «боль», *дастон* «мотив», *дам* «вздых», *кор* «работа», *роз* «тайна», *роҳ//рах* «путь», *зону* «колени», *соя* «тень», *нишин* «сиди») и 7 основ арабского происхождения (*сухбат* «беседа», *инон* «узда», *қирон* «звезда», *манзил* «жилище», *нафас* «вздых», *дарс* «урок», *висоқ* «дом»). В комментарии “Бурҳони қотеъ” Муин в статье о слове “*висоқ*”отмечает: “с первой заммой (то есть *вусоқ*) данное слово в персидской поэзии и прозе приводится в значении комнаты и дома...”. Далее Муин указывает на тюркское происхождение слова и что оно синоним слова “*утоқ*”[4, 2257]. Данное утверждение приводится дословно в “Луғатнома”-и Деххудо со следующим комментарием: “Козимирский также считает это слово тюркского происхождения” [162]. Однако в «Орфографическом словаре узбекского языка» слово *висоқ* отмечено как «единица, характерная классической литературе» [11, 105].

Из приведённых исследований можно сделать следующие выводы:

1. Вопросы исторического происхождения, становления и трансформации префикса *хам-* в современном таджикском литературном языке нуждается во всестороннем и глубоком исследовании научными

кругами, в частности, возможность рассмотрения вопроса преобразования префикса *ҳам-* в различные исторические периоды развития языка.

2. Статистические сведения, полученные нами (Приложение 1) наряду с тем, что подтверждают довод о соединении префикса *ҳам-* с существительными и глагольным основами и образовании имен лиц и абстрактных имен существительных, также указывает на свойство образования понятий при соединении с глагольными основами (*ҳам + буд* «сожитель», *ҳам + гир* «встречный», *ҳам + рафт* «спутник», *ҳам + раванд* «спутник», *ҳам + навоз* «аккомпаниатор»). Данное явление в образовании понятий или терминологии более свойственно современным персидским словарям.

3. По статистическим сведениям, некоторые производные слова с префиксом *ҳам-*, найденные нами в “Фарҳанги забони тоҷикӣ” (*ҳам + гап* - «собеседник», *ҳам + базм* - «сотрапезник», *ҳам + гузар* - «земляк», *ҳам + қисмат* - «человек с одинаковой судьбой», *ҳам + андом* - «человек, схожий лицом», *ҳам + диёр* - «соотечественник», *ҳам + гӯшт* - «друг») указывают на широкое применение префикса *ҳам-* не только в терминологическом словообразовании персидского языка, но и в современном таджикском литературном языке.

4. Составление и издание “Фарҳанги воҷанамои Ҳофиз”, независимо от проблем кодикологии дивана Хафиза, свидетельствует о том, что пути для глубокого и всестороннего исследования литературного наследия в языковедческом аспекте всегда открыты и доступны.

5. Отличия основ производных слов, образованных посредством префикса *ҳам-* в критических текстах “Девони Ҳофиз” свидетельствует о наиболее устойчивой позиции данного префикса в словообразовании.

1.1.2. Суффиксальное словообразование

Образование имен существительных посредством суффиксов является одним из наиболее продуктивных способов морфологического словообразования. Суффиксы, образующие имена существительные в

таджикском языке, многочисленны и выполняют различные функции. Каждый суффикс имеет свои особенности и собственную позицию в словообразовательном процессе.

Классификация суффиксов осуществляется по признакам присоединения к корню, по их семантическим свойствам. Посредством суффиксов образуются имена лиц, предметов, мест и абстрактные имена [75, 138].

1.1.2.1. Продуктивные суффиксальные морфемы

Суффиксы по степени употребления в современном таджикском языке делятся на категории продуктивных, малопродуктивных и непродуктивных суффиксов. В диссертации нами предпринята попытка изучения производных имен существительных помимо выполняемым ими функциям также по степени их использования в поэзии Хафиза.

Суффикс–й (-гй) упоминается как «уā» инфинитива, исторически возникшего из среднеперсидского языка [72,31].

Суффикс–й (-гй) в словообразовании имён существительных является самым продуктивным суффиксом и выполняет следующие функции:

а) образование из имени существительного нового существительного, означающего предназначение, отношение, принадлежность [54,145];

б) образование существительных, обозначающих деятельность, возраст и различные отношения из простых, составных и сложных прилагательных [54, 146, 151];

в) образование имен существительных из основы прошедшего времени глагола [54, 153].

Данный суффикс в поэзии Хафиза является продуктивным, в большинстве случаев встречается вместе с существительными и прилагательными, иногда с глаголами, наречиями времени и образа действия и образует абстрактные имена.

С именами существительными: *риндӣ* «свободомыслие» (28), *ошиқӣ* «влюбленность» (8), *гадоӣ* «нищета» (11), *ёри* «помощь» (2), *одамӣ* «человек» (4), *хори* «унижение, притеснение» (3), *гуломӣ* «рабство» (3), *мардумӣ* «народ» (3), *хоки* «смирение» (3), *мусулмонӣ* «мусульманство» (2), *доварӣ* «судейство» (2), *дӯстӣ* «дружба» (2), *султонӣ* «правление» (2), *подшоҳӣ* «правление» (2), *кофарӣ* – «жестокость, безверие» (1), *мубораки* «счастье, блаженство» (1), *душманӣ* «вражда» (1), *мардӣ* «мужество» (1), *фирӯзи* «победа» (1), *ҷодуӣ* «колдовство», *хусравӣ* «царствование» (1), *таррорӣ* «обман, воровство» (1), *чокарӣ* «покорность, служба» (1):

Чӣ нисбат аст ба риндӣ салоҳу тақворо,

Самои ваъз кучо, нагмаи рубоб кучо? [45, 73].

«Нет связи у **риндов** с разумом и праведностью,

Струны проповеди не созвучны с музыкой рубаба».

***

Ба хори мангар, эй мунъим, заъифону наҳифонро,

Ки садри маҷлиси шират гадои раҳнишин дорад [45, 167].

«Не смотри с **унижением**, о благодетель, на слабых духом,

Ведь сборищем пирушки управляет нищий с дорог».

***

Ба гуломии ту машхури ҷаҳон шуд, Ҳофиз,

Ҳалқаи бандагии зулфи ту дар гӯшаи бод [45,105].

«Преклонением пред тобой стал известным Хафиз везде,

Пусть кольца локона пленившего останется в ухе его».

С прилагательными: *мастӣ* «пьянство» (31), *шодӣ* «радость» (17), *хубӣ* «красота» (15), *харобӣ* «развалины» (10), *пирӣ* «старость» (6), *сабури* «терпение» (3), *забунӣ* «унижение» (1), *зишти* «уродство» (1), *сахтӣ* «трудность» (1), *сурхӣ* «покраснение» (1), *сиёҳӣ* «чернота» (1), *оқилӣ* «разумность» (1), *каримӣ* «благородство» (1), *кӯтахӣ* «краткость» (1), *гармӣ* «жара» (1), *маҳкамӣ* «стойкость» (1), *муштоқӣ* «жажда», «желание» (1), *муфлисӣ* «бедность» (2), *дарवेशӣ* «странствия, скитание»

(2), *далерī* «смелость» (1), *ростī* «правдивость» (2), *равонī* «гладкость» (1), *равшанī* «свет» (2), *некī* «добродота» (2), *осонī* «легкость» (2, *арзонī* «дешевизна, легкость» (2), *талхī* «горечь» (1), *чавонī* «молодость» (1), *қудсī* «святость» (3), *хурсандī* «радость, ликование» (1), *махмурī* «опьянение» (1), *покī* «чистота» (2), *шайдоī* «увлеченность, влюбленность» (2).

Употребление суффикса *-ī* с существительными *ринд* «вольнодумец» (28 раз) и прилагательным *маст* «пьяница» (31 раз) указывает на то, что Хафиз уделял особое внимание указанным словам, и их частое употребление является характерной стилистической чертой поэзии Хафиза. Следует отметить, что Ш. Исрофилниё в своем исследовании рассмотрел различные значения указанных слов, широко употребляемых Хафизом в поэзии [12, 143-144, 158].

С глаголами: *ҳастī* – «бытие, существование»:

Чī чойи шукру шикоят зи нақши неку бад аст,

Чу бар саҳифаи ҳастī рақам нахоҳад монд [45,181].

«Зачем быть благодарным и сетовать на доброту и злость,

Когда на страницах **бытия** не останется и цифры одной».

С наречием образа действия: *тезī*– «острота, стремительность» (1 раз):

Аз муроди шоҳ Мансур, эй фалак, сар барматоб,

Тези шамшер бингар, қуввати бозу бубин [45, 403].

«Не отворачивай от мечты шах Мансура, о, судьба свой лик,

Посмотри на остроту меча, посмотри на силу рук».

Среди суффиксов, образующих имена существительные, суффиксы *-ī* (*-gī*), *-иш* и *-ор* образуют абстрактные имена. Суффикс *-gī* является вариантом суффикса *-ī* и образует абстрактные существительные, означающие состояние и действие [54, 153]. Языковед О. Касимов, приводит сведения, опираясь на мнение исследователей по вопросу алломорфонов суффикса *-ī* (*-gī*), один из которых (1-й суффикс *-ī*, происходящий от суффикса *-ih* среднеперсидского языка) образует

абстрактные имена существительные, и другой (2-й суффикс *-ī*, происходящий от суффикса *-ig, -ik*) образует относительные имена прилагательные и отмечает, что русский языковед Л.С. Пейсиков указал на три алломорфа данного суффикса: «*-ик*», «*-авī*», «*-азī*» [61, 22]. Т.Абдуллоев, в свою очередь, кроме «*уā*» инфинитива и принадлежности, также отмечает и «*уā-и лаёқат*», образующее из глагола абстрактное существительное (*хўрдан + ī* - «кушанье») [94,7]. По мнению Г. Мирзоева, суффикс *-ī (-гī)* иногда нейтрализуется в своей функции, и в словообразовании демонстрируется как “лишний элемент”: *хамшахр* – *хамшахрī* «земляк», *амак* – *амакī* – «дядя», *хола* – *холагī* «тетя» [120,17]. Данный вопрос еще не становился предметом научной полемики исследователей.

В поэзии Хафиза суффикс *-гī* участвует только в образовании абстрактных существительных: *хоцагī* «владычество» (1), *зиндагī* «жизнь» (3), *бандагī* «рабство» (9):

Ба валои ту, ки гар бандаи хешам хонī,
Аз сари хоцагиши кавну макон бархезам [45, 336]
«Клянусь, если признаешь ты меня своим рабом,
Оставлю навсегда я **владения** и всю вселенную».

***

Мани шикастаи бадҳол зиндагī ёбам,
Дар он замон, ки ба теги гамат шавам мақтул [45, 306].
«Я - сломленный, убитый горем - **жизнь** обрету,
Когда буду казнён мечом от горести твоей».

Суффиксу *-ī (-гī)* также принадлежит функции образования имён прилагательных, существующие в поэзии Хафиза в виде производного слова *хонагī* «домашний» (4 раза):

Мухтасиб намедонад ин қадар, ки сўфиро
Чинси хонагī бошад ҳамчу лаъли руммонī [45,475].
«Мухтасиб не знает даже того, что суфию всяк
Домашняя утварь кажется как красный яхонт».

Дериваты, образованные посредством суффикса *-ī* (*-гй*), в поэзии Хафиза по принадлежности основы к частям речи делятся на следующие группы:

С именами прилагательными:

а) имена собственные - *Шероз*. К примеру:

*Агар он турки шерозй ба даст орад дили моро,
Ба холи ҳиндуяш бахшам Самарқанду Бухороро* [45, 3].

«Если ширазская тюрчанка завоюет моё сердце,
За её индийскую родинку я отдам и Самарканд и Бухару».

б) имена лиц и предметов: *ринд* «вольнодумец», *оино* «друг», *подшоҳ* «правитель», *банда* «раб, невольник», *биҳишт* «рай», *ҷоду* «чары», *об* «вода», *мусулмон* «верующий человек», *одам* «человек», *хона* «дом», *султон* «султан», *хусрав* «правитель», *хок* «земля», *ёр* «подруга», *дўст* «друг», *таррор* «обманщик», *дар* «дверь».

Анализ вышеприведенных нами слов свидетельствует о том, что суффикс *-ī* в поэзии Хафиза чаще встречается в составе имен существительных, означающих лиц и лишь в некоторых случаях в именах собственных.

В некоторых источниках [156, 301] суффикс *-ī* и *-гй* указываются как два самостоятельных суффикса. Однако, следует отметить, что суффикс *-гй* является вариантом *-ī*, при окончании слова на гласную фонему, обретает следующую форму: *хонагй*, *хоҷагй*.

в) с именами прилагательными образует абстрактные имена: *сахт*, *хуб*, *хароб*, *қудс*, *шод*, *зинда*, *талх*, *хурсанд*, *махмур*, *фирӯз*, *нозук*, *сиёҳ*, *пок*, *шайдо*, *сурх*, *пир*, *меҳрубон*, *хушёр*. К примеру:

*Сабр кун, Ҳофиз, ба сахтй рӯзу шаб,
Оқибат рӯзе биёбй кодро* [45, 7].

«Терпи невзгоды, Хафиз, день и ночь,
И ты когда-нибудь найдешь удачу вточь»

***

Ҳофизо, чун гаму шодиш ҷаҳон даргузар аст,

Беҳтар он аст, ки ман хотири худ хуш дорам [45, 328].

*«О, Хафиз, горечь и **радость** мира преходящи,*

Не лучше ль оставаться в радости моей душе».

Наши исследования показали, что суффикс **-ӯ** и его вариант **-гӯ** в поэзии Хафиза Ширази употреблялись им в неравной степени. Суффикс **-ӯ** использовался 142 раза, а его вариант **-гӯ** 101 раз, по нашим подсчётам оба использовались в 243 случаях. Можно сделать вывод, что продуктивный суффикс **-ӯ** и его вариант **-гӯ** в период творчества Хафиза также являлся продуктивным словообразующим элементом.

Учёные указали место и функции суффикса «-й//-гй» в поэтическом наследии классиков и в современном литературном таджикском языке [47,37, 62,22-53,54,145].

Суффикс -а также является продуктивным суффиксом и образует из различных частей речи (имен существительных, прилагательных, числительных, основ настоящего времени глагола, основ прошедшего времени глагола) новые имена существительные. В поэзии Хафиза данный суффикс использован с **именами существительными**: *чаим* «глаз» (14), *остон* «порог» (11), *канор* «край» (3), *карон* «граница, окраина» (2), *насиб* «удел» (2), *дуд* «дым» (1); **именами прилагательными**: *вайрон* «разрушенный» (1); **именами числительными**: *панҷ* «пять» (1), *ҳафт* «семь» (5); **глаголами**: *дид* «увидел» (74), *ханд* «засмейся» (21), *бӯс* «поцелуй» (15), *банд* «завяжи» (13), *мурд* «умер» (1), *олуд* «испачкался» (2), *афтод* «упал» (1), *хост* «пожелал» (1), *нишон* «посади» (2), *овез* «повесь» (1), *рез* «налей» (1), **наречием**: *пеи* «ранее» (2).

Суффикс **-а** также встречается в составе исконно таджикских лексических единиц *хурда* «мелочь» и арабским словом *ҳалқа* «кольцо».

Имена существительные, образованные посредством суффикса **-а** в поэзии Хафиза по частям речи делятся на следующие группы:

С именами существительными: *гӯша* «уголок», *остона* «порог», *дуда* «сажа, копоть», *насиба* «доля, удел», *чашма* «источник», *рӯза* «пост».

Например:

Ақл девона шуд, он силсилаи мушкин ку?

Дил зи мо гӯша гирифт, абрӯи дилдор кучост? [45,19].

«Разум обезумел, где локоны волнисто-благовонные?

Душа заби́лась в укромный **угол**, где любимая лукобровая?».

***

Дар хамаи зулфи ту он холи сияҳ донӣ чист?

Нуқтаи дуда, ки дар ҳалқаи ҷим афтадаст [45, 14].

«Что означает в локоне завитом та родинка черная твоя?

Точка от **сажи** в завиток от буквы джим упавшая».

***

Кунун ба оби майи лаъл хирқа мешӯям,

Насибаи азал аз худ наметавон андохт [45, 16].

«Теперь я красным вином рваную одежду омываю,

Удела первоначального не скинешь от себя».

***

Роҳест роҳи шиқ, ки ҳечаш канора нест,

Он ҷо ҷуз он, ки ҷон бисупоранд, чора нест [45,72].

«Путь любовный – дорога без конца и **края**,

Там душу отдают, иного нет там пути».

С именами числительными: *панҷ*, *ҳафт*. Например:

Аз ниҳебаи панҷа меафканд шер,

Дар биёбон номи ӯ чун мешунид [45, 519].

«От ужаса его **лапы**в покорности лев сложил,

Лишь имя его услышав в бескрайней пустыне».

***

Ғанимат дону май х ӯр дар гулистон,

Ки гул то ҳафтаи дигар набошад [45, 160].

«Не упускай прекрасный случай, пей вино в саду,

Не будет уж цветка на будущей **неделе**».

С основной настоящего времени глагола: *банд, бӯс, ханд, овоз*. Например:

Ҳофиз муриди қоми май аст, эй сабо, бирав,

*В-аз **банда** бандагӣ бирасон шайхи Қомро* [45, 7].

«Хафиз мюрид бокала вина, о, ветер, улетай,

И отнеси весть покорности от **раба** шейху Джама».

***

Зи дасти қаври ту гуфтам зи шаҳр хоҳам рафт,

*Ба **ханда** гуфт, ки «Ҳофиз, бирав, кӣ пойи ту баст?»* [45,32].

«Сказал я: от жестокости твоей, покину этот город,

Смеясь отвечала: «Иди, Хафиз, кто держит в путах ноги твои?»».

***

Сипехри баришуда парвезанест хунафишон,

*Ки **резааш** сари Кисрову тоҷи Парвиз аст* [45,41].

«Небеса открытые, как сито кровавое, лишь капля,

Которая на голову Хосрова и венец Парвиза упала».

С основной прошедшего времени глагола: *мурд, афтод, хост, дид*.

Например:

Фотехае, чу омадӣ, бар сари хастае бихон,

*Лаб бикӯшо, ки медиҳад, лаъли лабат ба **мурда** қон* [45, 382].

«Пришла читать молитву, читай её над влюблённым телом,

Открой уста свои, ведь губы алые твои **покойника** оживляют».

***

*Гар ҳамчу ман **афтодаи** ин дом шавӣ,*

Эй бас, ки хароби бодаву қом шавӣ! [45, 42].

«И если попадёшь, как я, **жертвою** в подобные силки,

Достаточно того, что станешь жертвою бокала и вина!».

***

Зоҳид шароби Кавсару Ҳофиз пиёла хост,

*То дар миёна **хостаи** Кирдгор чист?* [45, 65].

«Захид хотел вина Кавсар, Хафиз желал вина бокал

Какое ж посредине Творец **желанье** пожелал?».

***

*Бардӯхтаам **дида** чу боз аз ҳама олам,*

*То **дидаи** ман бар рухи зебои ту боз аст [45, 40].*

«Окинул я **взором** весь мир, как сокол,

Чтоб были открыты глаза мои пред красотой твоей».

Лексическая единица *дида* встречается в составе следующих словосочетаний: *дидаи гирён* «плачущий взор», *дидаи Фарҳод* «глаза Фархада», *дидаи бехоб* «бессонные глаза», *дидаи бадбин* «ненавидящие глаза», *дидаи ҳайрон* «удивленные глаза», *дидаи маъшуқа* «глаза влюблённой», *дидаи шабзиндадор* «бодрствующие глаза», *дидаи Ҳофиз* «глаза Хафиза», *дидаи мардум* «глаза народа», *дидаи хунбор* «кровожадные глаза», *дидаи бахт* «счастливые глаза», *дидаи ҷонбин* «душевные глаза», *дидаи дил* «глаза сердца», *дидаи фатҳи абад* «глаза, покоряющие вечность» и *дидаи рӯиной* «светлые глаза».

Лексическая единица *чаиша* наряду со словом *дида* в поэзии Хафиза используется весьма широко в следующих словосочетаниях: *чаишаи шиқ* «родник любви», *чаишаи нӯш* «животворный родник», *чаишаи чаиш* «глубина глаз», *чаишаи ҳикмат* «источник мудрости», *чаишаи хуршед* «источник солнца», *чаишаи қанд* «сладкий источник», *чаишаи харобот* «родник винного погреба» и *чаишаи ҳайвон* «источник жизни»:

*Ҳофиз, аз **чаишаи** ҳикмат ба каф овар ҷома,*

Був, ки аз лавҳи дилат нақиши ҷаҳолат биравад [45, 222].

«Хафиз, зачерпни кубок из мудрости благословенного родника,

Пусть с души твоей он смоем отпечаток невежества».

С наречием: *пеш*. Например:

*Ҳамеша **пешаи** ман ошиқиву риндӣ буд,*

Дигар бикӯшаму машгули кори худ бошам [45, 338].

«Ведь всегда моим **ремеслом** была свобода и любовь

И дальше приложу усилия, продолжу дело вновь».

Из найденных нами примеров выясняется, что посредством суффикса *-a* образовано множество производных существительных, большинство из которых, получив данный суффикс, утратили своё исконное значение.

Суффикс *-ии* в среднеперсидском языке употреблялся в форме *-išn* [1, 11]. Однако Д. Саймиддинов помимо суффикса *-išn* также приводит вариант *-išt* [78, 129]. Суффикс *-ии*, являясь продуктивным словообразовательным элементом [54, 154], соединяясь с основой настоящего времени глагола, образует имя действия [50, 116].

В поэзии Хафиза суффикс *-ии* встречается в составе производных существительных *биниши* «взгляд» (1), *пурсиши* «вопрос» (2), *гардиши* «оборот» (1), *ранчиши* «обида» (3), *кашиши* «влечение» (1), *навозиши* «ласка» (1), *чунбиши* «толчок, движение» (1), *равиши* «ход, путь» (1), *бахишиши* «прощение, дар» (1), *кӯишиши* «стремление». Например:

*Чу куҳли бинишиши мо хоки остони шумост,
Кучо равем, бифармо, аз ин чаноб, кучо?* [45,2].

«Зрелость **взгляда** нашего лишь прах у вашего порога,
Лишь прикажи, куда пойти, от господина этого?»

***

*Хез, то бар килки он наққош чо нафшон кунем,
К-ин ҳама нақши ачаб дар гардишиши паргор дошт* [45,77].
«Вставай, и всю душу отдадим за кисть художника того,
Что удивительный узор нарисовал, чертя циркулем **круги**».

***

*Гарчи Ҳофиз дари ранчиши заду паймон бишикаст,
Лутфи ӯ бин, ки ба сулҳ аз дари мо бозомад* [45,184].
«Пускай Хафиз **обида** затаил, и договор нарушил,
Милость его оцени, в дверях он с миром пришёл».

***

*Ба раҳмати сари зулфи ту восиқам, варна,
Кашиши чу набвад аз он сӯ, чӣ суд кӯшидан?* [45, 394].

«Я верю в благосклонность кончика локона твоего, или ж,
Если нет **влечения** взаимного, зачем все эти попытки?».

***

*Зи дилбарон кӣ расонад **навозиши** қаламе?
Кучост пайки сабо, гар ҳамекунад караме?* [45,471].
«Кто принесёт от любимой весточку ласки
Где ж вести ветра, что благосклонность мне окажет?».

***

*Ту бандагӣ чу гадоён ба шарти музд макун,
Ки дӯст худ **равиши** бандапарварӣ донад* [45,177].
«Ты, не покупай за плату себе рабство, словно нищий
Он знает сам истинный путь милости и сострадания».

Из статистического подсчёта определено, что суффикс **-иши** в поэзии Хафиза, как и в современном таджикском языке, является малопродуктивным.

В современном таджикском языке существует целая группа суффиксов, образующих имена места, к примеру, суффиксы **-гоҳ//-гаҳ**, **-зор**, **-истон**, **-сор** и **-дон**.

Известный исследователь Л. Пейсиков в своей работе «Лексикология современного персидского языка» указывает, что суффиксы **-гоҳ//-гаҳ**, **-када** являются полуаффиксами [71, 89].

Таджикский исследователь С. Хоркашев называет данные суффиксы другим термином, то есть «аффиксоидами» [83, 43] и, по его мнению, аффиксоид – “это слова-корни, которые по этимологическому анализу имеют лексическое значение, согласно синхронному анализу теряют смысловое значение и обретают равные функции с суффиксами» [83, 43]. Далее С. Хоркашев приводит в качестве доказательства собственных утверждений аффиксоид «хар», «бо» и «када» [83, 43] и в данном случае «-гоҳ//-гаҳ» как аффиксоиды не им не упомянуты.

Анализ мнений двух лингвистов по вопросу того, что является ли «-гоҳ//-гаҳ» полуаффиксом или аффиксом, наводит нас на мысль о правильности обоих утверждений. Первый упомянутый исследователь при определении функциональных назначений обоих суффиксов указывает на их активность и функциональность в текущем процессе современного персидского языка. Второй исследователь наряду с этим анализирует данный вопрос также с позиции исторического языкознания.

Суффикс -гоҳ//-гаҳ в действительности является самостоятельной лексической единицей, в настоящее время как элемент, означающий место, функционирует только в составе слова и как лексическая единица *чой (чой)* «место» указывает только общее месторасположение, образует производные слова из конкретных и абстрактных имен существительных, прилагательных, глагола [54, 147-149]. Данный суффикс лингвист Л. Пейсиков указывает как полуаффикс [71, 89]. Причиной получения данного статуса стало то, что суффиксы не имеют самостоятельного значения, однако *гоҳ* в некоторых случаях, будучи суффиксом, также имеет и самостоятельное значение.

В поэзии Хафиза Ширази данный суффикс является продуктивным и встречается в составе следующих производных лексических единиц: *такаягоҳ* (2) // *такаягаҳ* «опора» (2), *коргоҳ* (4) // *коргаҳ* «место сражения» (1), *даргоҳ* (6) // *даргаҳ* «дворец, жилище» (8), *гузаргоҳ* «переход, проход» (1), *тамошогоҳ* «смотровое место» (3), *ҳаволагоҳ* «приют» (1), *дидагаҳ* «глаза» (1), *домгаҳ* «силки» (3), *чавлонгаҳ* «место показа» (1), *хобгаҳ* «места для сна, опочивальня» (1), *боргоҳ* (4) // *боргаҳ* (3) «место», *хилватгаҳ* «укромное место» (4), *базмгоҳ* (5) // *базмгаҳ* (3) «пиршество», *манзилгаҳ* (4) «жилище», *зиёратгаҳ* (1) «место посещения», *нузҳатгоҳ* (1) «место развлечения, отдыха», *чилвагоҳ* (3) «арена», *дастгаҳ* (1) «мастерская», *пеигоҳ* (1) «передний край, передняя часть». Морфологический анализ производных существительных с суффиксом -*гоҳ//-гаҳ* в поэзии Хафиза показал, что данные слова по принадлежности основ к частям речи делятся на следующие группы:

Абстрактные имена существительные: *такя* «опора», *кор* «дело, битва», *тамошо* «просмотр», *ҳавола* «жилище, приют», *ҷавлон* «показ, кокетство», *хоб* «сон», *хилват* «тишина», *базм* «пир», *манзил* «жилище», *бор* «разрешение», *зиёрат* «посещение», *нузҳат* «развлечения», *ҷилва* «показ, жеманство». Например:

*Аз он замон, ки ба ин остон ниҳодам рӯй,
Фарози маснади хуршед **такягоҳи** ман аст* [45, 53].

«В тот миг, когда прильнул лицом я к этому порогу,
Высота трона блистающего мне стала **опорой**».

***

*Шоҳнишини чаими ман **такягаҳи** хаёли туст,
Ҷои дуост, шоҳи ман, бе ту мабод ҷойи ту* [45, 412].

«Правитель взора моего **опора** мысли о тебе,
Уместна молитва, мой правитель, «Чтобы не пустовало место твоё!»

***

*Ҳосили **коргаҳи** кавну макон ин ҳама нест,
Бода пеш ор, ки асбоби ҷаҳон ин ҳама нест* [45, 74].

«Нет, это не плоды вселенной **мастерской**,
Неси вино, не инструментом этим создали мир».

***

*Ҷуз остони туам дар ҷаҳон паноҳе нест,
Сари маро ба ҷуз ин дар **ҳаволагоҳе** нест* [45, 76].

«Нет в мире мне убежища роднее, чем твой порог,
Нет голове моей **приюта** больше места».

***

*Ҳар киро **хобгаҳ** охир ба ду муште хок аст,
Гӯ, чӣ ҳочат, ки ба афлок кашӣ айвонро?* [45, 9].

«Тому, чей **опочивальней** будут лишь две горсти земли,
Скажи, зачем дворцы до небес тебе возводить?».

***

*Ҳадиси тавба дар ин **базмгаҳ** мағӯ, Ҳофиз,*

Ки соқиёни камонабруват зананд ба тир [45, 256].

«Не кайся на **пиршестве** этом, о, Хафиз,
Кравчии луком бровей воистину убьют тебя».

***

*Камтар аз зарра най, наст машав, меҳр биварз,
То ба хилватгаҳи хуршед расӣ чархзанон* [45, 387].

«Ты не песчинка, не унижайся, доброту ищи,
Чтоб кружась, **укромного** солнца **мира** достигь».

***

*Биёр бода, ки дар боргоҳи истигно,
Чи посбону чи султон, чи ҳушёр, чи маст* [45, 25].

«Неси вино, ведь в **месте без забот**,
И сторож, и султан, и трезв и пьян».

***

*Манзили Ҳофиз кунун боргаҳи подшошт,
Дил бари дилдор рафт, чон бари чонона шуд* [45,170].
«Приют Хафиза теперь подобен **жилищу** падишаха,
Сердце с возлюбленной, приникла к любимой душа».

***

*Ба сари турбати мо чун гузарӣ, ҳиммат хоҳ,
Ки зиёратгаҳи риндони ҷаҳон хоҳад буд* [45,205].
«Как будешь проходить ты мимо нашего пристанища, благослави,
Ведь будет это местом посещения всех воспевающих свободу».

***

Чилвагохи рухи ӯ дидаи ман танҳо нест,
Маҳу хуршед ҳам ин оина мегардонанд [45, 193].
«Ареной лика той красы не только мои взоры,
Луна и солнце также смотрят на неё».

Конкретные имена существительные: дар, дида, дом, даст:

*Шикаставор ба даргоҳат омад, ки табиб
Ба мӯмиёии лутфи туам нишонӣ дод* [45, 113].

«Пришел калекой к дому твоему, ведь лекарь,
Мумиё милости твоей лекарством прописал»

***

*Ҳарими шиқро даргаҳ бaсе болотар аз ақл аст,
Кaсе он остон бӯсад, ки ҷон дар остин дорад [45, 121].*

«Святылища любви **приют** превыше разума порога,
Тому дано пороги целовать, кто душу не жалеет».

***

*Тоури гулишани қудсам, чӣ диҳам шарҳи фироқ,
Ки дар ин домгаҳи ҳодиса чун афтодам [45, 317].*

«Я птица райского сада, не стану судить о разлуке,
Как попал в такое положение, в **западню** событий?».

С основой глагола настоящего времени: *гузар* – «проходи»:

*Ҷарида рав, ки гузаргоҳи офият танг аст,
Пиёла гир, ки умри азиз бебадал аст [45, 45].*

«Ты проходи один, ведь **проход** спасения узок очень,
Возьми пиалу, ведь жизнь драгоценная не вернётся вновь»

С наречием: *неш*: Например:

*Фардо, ки нешгоҳи ҳақиқат шавад надид,
Шарманда раҳраве, ки амал бар маҷоз кард [45, 133].*

«Завтра, когда истины **передний край** покажется,
Устыдится тот путник, кто ложные дела творил».

Словообразование имён существительных с наречием и суффиксом -*гоҳ* является весьма редким явлением, встреченным в поэзии Хафиза Ширази.

Суффикс -када, по мнению Л.С. Пейсикова, также является полуаффиксом [71, 89]. Данный суффикс является непродуктивным и образует от имен существительных новые конкретные и абстрактные существительные с семантикой места и изобилия. Однако производные слова, образованные посредством данного суффикса, в поэзии Хафиза встречаются. Например, лексическая единица *майкада* «винный погреб»,

встречается 46 раз (стр. 13, 34, 40, 45, 80, 114, 118, 131, 144, 167, 188, 195, 196, 198, 202, 203, 209, 214, 215, 220, 224, 243, 252, 263, 272, 283, 290, 299, 333, 334, 335, 346, 350, 353, 359, 360, 361, 368, 393, 404, 421, 423, 466, 471, 488, 490), *оташкада* «святилище» - 1 раз (250):

Он ки чуз Каъба мақомаи набуд аз ёди лабат,

Бар дари майкада дидам, ки муқим афтадаст [45,34].

«Кто места себе не нашёл, кроме Каабы, думая об устах твоих,

*Увидел я, стал он постояльцем у дверей **погреба** винного».*

***

*Сина, гӯ, шуълаи **оташкадаи** Форс бикӯш,*

Дида, гӯ, оби рухи Даҷлаи Бағдод бибар [45,250].

*«Грудь, словно огонь **святилища** Парса затмевает,*

Глаза, словно воду багдадского Тигра пленит».

Суффикс -дон (-dān) в среднеперсидском языке участвует в образовании имен существительных, имеющих признаки объёма, формы: *astadān* – *устухондон* «сосуд для костей», *atašdān* *оташдон* «очаг» [78,120]. В настоящее время данный суффикс является продуктивным и образует производные слова не только из основ-наречий, но и образует конкретные существительные со значением места. Хотя в настоящее время данный суффикс в современном таджикском языке находится в широком употреблении [50,113; 54, 151], однако Хафиз употребил его только с тремя лексическими единицами: *занах* «подбородок» (11), *намак* «соль» (1), *хок* «земля» (3). Суффикс **-дон** с конкретным существительным *занах* встречается в составе именного словосочетания *себи занахдон* «подбородок красавицы» и *чоҳ//чаҳи занахдон* «ямочка на подбородке». Упомянутое первым именование словосочетание означает нижнюю часть лица красавицы, схожее с округлостью яблока. Например:

*Мабин ба себи **занахдон**, ки чоҳ дар роҳ аст,*

Кучо ҳамеравӣ, эй дил, ба ин шитоб, кучо? [45, 8].

*«Не смотри на **округлость подбородка**, ведь это силлок на пути,*

Куда стремишься сердце, куда с такой поспешностью?»

Второе именное словосочетание означает ямочку на подбородке красавиц:

*Чони улвӣ ҳаваси чоҳи **занахдони** ту доишт,
Даст андар хаами он зулфи хам андар хам зад* (47, 152).
«Душа небесная мечтала о **ямочке** твоей,
Локон завитой рукой достал её загнутого края».

Производное слово *намакдон* «солонка» в бейте Хафиза не имеет исконного, прямого значения, а означает переносный смысл слова - «уста»:

*Аз лабат шири равон буд, ки ман мегуфтам,
Ин шакар гирди **намакдони** ту бечизе нест* [45,75].
«Из уст твоих текло молоко, о чем я говорил,
Что этот сахар вокруг солонки неспроста».

Производное слово *хокдон* «земля» в поэзии Хафиза использовано в значении «вселенная, мир»:

*Ҳайф аст тоире чу ту дар **хокдони** гам,
З-ин чо ба оиёни вафо мефиристамат* [45, 90].
«Птице такой не место в мире скорби,
Пошлю тебя отсюда в верности приют».

Для научного сравнения мы искали лексическую единицу *хокдон* в творчестве других классических поэтов и за исключением поэзии современника Хафиза – Камола Худжанди, нашли его в поэзии Джалалуддина Руми (*хокдони хушк* – «пустой мир»), Низами (*хокдони тира*– «скверный мир»), Саади (*хокдони ҳастӣ* – «вселенная бытия»), Атгара (*хокдони пургурур* - «надменный мир») и других, употребивших многократно данное слово в значении «мир, вселенная» [168].

Суффикс -манд, по нашим сведениям, является суффиксом, образующим имена прилагательные, однако в поэзии Хафиза данный суффикс участвует в образовании производных имён существительных

дардманд «больной, немощный» (3), *ниёзманд* «нуждающийся» (2), *дошииманд* «ученый» (2), *бахраманд* «пользователь» (1), *мустаманд* «бедняк» (1), *орзуманд* «мечтатель» (1), *хушманд* - «благоразумный» (1), где в данных словах данный случай обусловил явление субстантивации, что существует и в современном таджикском языке.

Например:

Саломати ҳама офоқ дар саломати туст,
Ба ҳеч ориза шахси ту дардманд мабод [45, 106].
«Здравие всего мира в здравии твоём,
Пусть никогда не будет **больным** тело твоё».

***

Ниёзманди бало, гӯ, рух аз губор машӯй,
Ки кимиёи мурод аст кӯи хоки ниёз [45, 259].
«Словно **нуждающийся** в горе, не смывай праха с лица,
Ведь колдовское средство - прах места вожделения».

***

Мушкиле дорам, зи дошииманди маҷлис бозпурс,
Тавбафармоён чаро худ тавба камтар мекунад? [45, 199].
«Есть у меня вопрос, спроси у **мудреца** собрания,
Отчего ж сами исповедники живут обеты нарушая».

***

Ман аз ин толеи шӯрида ба ранҷам, в-ар не,
Баҳраманд аз сари кӯят дигаре нест, ки нест [45, 73].
«Я от судьбы своей горькой в обиде, или нет?,
Никто не получил **пользу** от тебя еще, никто!».

***

Балогардони ҷону тан дуои мустамандон аст,
Ки бинад хайр аз он хирман, ки хирман хӯшачин дорад [45, 161].
«Защита всех бед и горестей молитва здравия **нуждающихся**,
Получит добро с хирмана того, где собираются мелкие колосья»

***

*Орзуманди рухи шоҳи чу моҳам, Ҳофиз,
Ҳиммате, то ба саломат зи дарам бозояд [45, 239].*
«**Мечтатель** лика владыки луноликой, Хафиз,
Одари милостью, чтоб в здравии вошла в келью мою».

***

*Бар ҳушманд силсила нанҳод дасти ишқ,
Хоҳӣ, ки зулфи ёр кашӣ, тарки ҳуш кун! [45, 398].*
«**Благоразумному** любовь не дастся в руки просто,
Желаешь локоны любимой обнимать, безумцем стань!».

***

Приведенные нами поэтические примеры указывают, что имена существительные, образованные посредством суффикса *-манд* (*дард* - «боль», *ниёз*- «нужда», *дониш*- «учение», *бахра*- «польза», *хирад* - «мудрость», *орзу*- «мечта», *ҳуш*- «разум»), означают имена лиц.

В поэзии Камола Худжанди суффикс *-манд* в составе лексических единиц *орзуманд* [34, 65, 293, 406], *дардманд* [34, 63, 80, 91, 147, 166 (2), 243, 286, 461, 469, 497, 505, 515], *ҳочатманд* «нуждающийся» [34, 160], *ниёзманд* [34, 274], *донишманд* [34, 424] также подвергается субстантивации и образует имена лиц. Например:

*Марди ишқи ту ба гам ҳамдард аст,
Дардманди ту балопарвард аст [34, 192].*
«Возлюбленный безумный твой - напарник горю,
Тот, кто сам себе ищет беду – **больной** тобой».

Суффикс -зор «соединяется с существительными, означает место и изобилие» [50, 114] и в поэзии Хафиза Ширази встречается вместе с лексическими единицами *гул* «цветок» (7 раз), *лола* «тюльпан» (2) и *кишт* «пашня» (2):

*Богбон, ҳамчу насимам зи дари хеш марон,
Ба асирони қафас муждаи гулзор биёр [45, 249].*
«Садовник, не гони меня, как ветер гонишь от себя,
Принеси узникам клетки весть **цветника** благоуханья».

***

*Чу дар гулзори иқболаш хиромонам, бихамдуллоҳ,
На майли лолаву насрин, на барги настаран дорам [45, 327].*
«Когда в **цветнике** благословенном её гуляю, хвала Аллаху,
Нет дела мне ни до тюльпанов, ни до роз»

***

*Эй хуррам аз фурӯги рухат лолазори умр,
Боз о, ки рехт бе гули рӯят баҳори умр [45, 253].*
«**Цветник** моей жизни блещет от лика твоего
Приди, увядает весна без лика прекрасного твоего»

***

*Намекунам гилае лек, абри раҳмати дӯст,
Ба киштзори чигарташнагон надод наме [45, 471].*
«Не ропщу я, но туча благодатная небес,
На **пашни** жаждущих не воздала ни капли»

1.1.2.2. Малопродуктивные суффиксальные морфемы.

В «Современном таджикском литературном языке» суффиксы **-гар**, **-гор**, **-ор** указываются как малопродуктивные [54, 139-150], однако по мнению лингвиста Ш. Рустамова «Суффикс **-гар** в таджикском литературном языке является из числа тех суффиксов, которые принимают активное участие в образовании имен существительных» [54, 38]. Исследование поэзии Хафиза Ширази доказывает, что данный суффикс действительно является продуктивным. Хафиз использует его 17 раз. Суффикс **-гар** образует следующие имена существительные:

а) из конкретного существительного образует имя лица, означающее принадлежность к какому-либо ремеслу, занятию: *суратгар* «мастер, художник», *кимийёгар* «алхимик», *кӯзагар* «гончар»:

*Ҳар, к-ӯ накунад фаҳме з-ин килки хаёлангез,
Нақшаи ба ҳаром, ар худ **суратгари** Чин бошад [45,161].*

«Кто не может постичь это пробуждающее мечты творенье,
Запретно его дело, даже, если он художник из Чина».

***

Гавҳари қоми Чам аз кони ҷаҳоне дигар аст,

Ту таманно зи гили кӯзагарон медорӣ [45, 450].

«Жемчужина кубка Джама в мире другом извлечена,

А ты же желаешь его извлечь из глины простой **гончаров**».

б) из абстрактного имени существительного образует существительные, означающие то или иное ремесло, профессию: *тавонгар*– «богач». Например:

Эй тавонгар, мафурӯи ин ҳама нахват, ки туро

Сару зар дар канафи ҳиммати дарвеион аст [45,49].

«Эй, **богатея**, ты спесь не продавай свою, твоё

Все богатство в милости дервишей сокрыто».

в) из абстрактного имени существительного образует имя действия, означающее качество лица: *маломатгар* «порицатель», *афсунгар* «чародей», *шевагар* «кокетка, плутовка», *чилвагар* «кокетка», например:

Ҳар сари мӯй маро бо ту ҳазорон кор аст,

*Мо кучоему **маломатгари** бекор кучост [45, 26].*

«К каждому волосу я тысячу дел тебе нанизаю,

Не чета нам этот бездельник-**порицатель**».

Суффикс -гор является одним из малопродуктивных суффиксов, посредством которого из субстантивных и глагольных основ образуются имена лиц. В поэзии Хафиза данный суффикс участвует в образовании производных лексических единиц *хидматгор* «слуга» (2), *омурзгор* «всепрощающий» (1), *рӯзгор* «житие» (14), *комгор* «счастливец» (2) и *ёдгор* «памятник» (3). Из указанных нами производных единиц Хафиз наиболее часто использовал слово *рӯзгор*, означающее «жизнь, времена, житие», например:

Ало, эй давлати толеъ, ки қадри вақт медонӣ,

Гуворо бодат ин шират, ки дорӣ рӯзгоре хуш [45, 289].

«О, время счастья, что знаешь цену времени,
Пусть наслаждением станет пир, прекрасно житие твоё».

***

Кучо ҳамеравӣ, эй дил, бад-ин шитоб кучо,

Бишуд, ки ёди хушаи бод рӯзгори висол [45, 2].

«Куда спешишь о, сердце, ты неистово спеша,

Так стало, что воспоминание прекрасное осталось в жизни».

Суффикс «-гор» присоединяется в глагольным основам:

а) образует из абстрактных имен существительных производные существительные, означающие имя лица, указывающие на его деятельность и ремесло: *хидматгор* «слуга, прислужник». Например:

Дилрабоӣ ҳама он нест, ки ошиқ бикӯшанд,

Хоҷа он аст, ки бошад гами хидматгориаш [45, 277].

«Убийство влюблённого не есть очарованье,

Хозяин тот, кто заботу проявляет о слуге».

б) из основы настоящего времени глагола посредством суффикса -*гор* образует существительные, означающие занятие и ремесло: *хостгор* [54, 140]. В поэзии Хафиза подобным способом образована одна производная лексическая единица, которая является не именем лица, а абстрактным именем существительным: *омурзгор* «всепрощающий, божественный эпитет»:

Саҳву хатои банда гараи эътибор нест,

Маънии авфу раҳмати Омурзгор чист? [45, 65].

«Если не к чему ему совсем ошибки раба его,

В чем же милость Бога **всепрощающего?**».

В данном бейте существительное *омурзгор* является синонимом лексической единицы «бог».

в) образует от причастия существительное, означающее качество и состояние лица: *растагор* - «избавившийся, спасшийся». Например:

Халоси Ҳофиз аз он зулфи тобдор мабод,

*Ки бастагони каманди ту **растагоронанд** [45, 193].*

«Пусть не спасется Хафиз от силков завитого локона того,

Ведь пленники твоего стремени и есть **спасшиеся** души».

г) посредством суффикса **-гар** из абстрактного имени существительного образуется производное слово, означающее состояние и подверженность влиянию какого-либо явления: *гуноҳгор* «виновник, грешник». Например:

Биҳишт агарчи на ҷои гуноҳгорон аст,

Биёр бода, ки мустазҳирам ба ҳиммати ӯ [45, 406].

«Райские кущи -совсем не обитель грешников,

Неси скорей вино, нуждаюсь я в милости его».

Суффикс -истон, соединяясь с именами одушевлёнными и не одушевлёнными, образует производные слова. Данный суффикс (в поэзии также встречается в форме **-стон** и **-ситон**), аналогично суффиксу **-зор**, соединяется с существительными и образует имена места и изобилия чего-либо. Степень употребления суффикса **-истон** в «Грамматике современного таджикского литературного языка» [50, 114-115] и «Современном таджикском литературном языке» (1973) [54,150] не указана, в связи с этим, по степени употребления в поэзии Хафиза мы расположили данный суффикс в группу малопродуктивных суффиксов. В поэзии Хафиза данный суффикс употреблен 23 раза со следующими лексическими единицами: *гул* – «роза» (17), *шакар* «сахар» (1), *шаб* «ночь» (2), *кор* «работа, дело» (1) и *нигор* «любимая» (2). Данный суффикс имеет семь функций:

а) из этнонимов - имён существительных, означающих народность и национальность, образует топонимы: Тоҷикистон - «Таджикистан», Ўзбекистон - «Узбекистан». Данный суффикс согласно указанной функции в поэзии Хафиза не встречается.

б) из имени лица, образует название учреждения, что также не встречается в творчестве Хафиза.

в) в случае, если данный суффикс соединяется с лексическими единицами *рег* «песок», *санг* «камень» или *гул*, то получает функцию, схожую с суффиксом *-зор*. Данный суффикс в поэзии Хафиза встречается 17 раз с существительным *гул*: *гулистон* «цветник», является одним из ключевых слов творчества Хафиза (*ключевое слово – слово, несущее основной смысл стихотворной строки – К.М.*). Например:

*Юсуфи гумгашта боз ояд ба Канъон, гам махӯр,
Кулбаи эҳзон шавад рӯзе гулистон, гам махӯр!* [45, 255].
«В Ханаан Юсуф вернется из изгнания, не горюй!
Сень печали сменят **розы** цветника, не горюй!».

***

*Саҳар ба бӯи гулистон даме шудам дар бог,
Ки то чу булбули бедил кунам илоҷи димоғ* [45, 295].
«Поутру ароматом цветника ведомый вошел я в сад,
Словно влюбленный соловей горло больное излечить я рад».

г) с существительными, означающими время: *шабистон* «ночь»:

*Маро, ки аз руҳи ӯ моҳ дар шабистон аст,
Кучо бувад ба фурӯғи ситора парвое* [45, 491].
«Лицо её, как месяц яркий в **ночи** тёмной для меня,
Что мне теперь за дело до сияния ярких звезд».

д) соединяется с прилагательными *равшан* «яркий» и *торик* «темный», что не встречается в творчестве Хафиза;

е) суффикс *-истон* образует от абстрактного существительного имя места: *андӯҳистон* «место скорби», однако подобные лексические единицы нами в поэзии Хафиза найдены не были;

ж) данный суффикс с абстрактным именем *кор* образовало производное слово *користон*, имеющее уникальные и удивительные значения:

*Хами зулфи ту доми куфру дин аст,
Зи **користони** ӯ як шамма ин аст* [45, 55].

«Завиток локона твоего силки неверия и веры,
И это лишь крупинка локона его **действия**».

Суффикс -ор. В поэзии Хафиза суффикс встречается 5 раз в составе слова *харидор* «покупатель» и один раз в составе слова *гуфтор* «разговор»:

*Баҳои васли ту гар чон бувад, харидорам,
Ки чинси хуб мубассир ба ҳар чӣ дид, харид* [45, 232].
«Если цена соединения с тобой - душа, то я – продавец,
Ценитель покупает все, что мило глазу».

1.1.2.3. Непродуктивные суффиксальные морфемы.

Суффиксы *-бон*, *-она*, *-сор* в поэзии Хафиза Ширази являются непродуктивными. Образованы новые производные слова с суффиксом *-бон* (с лексическими единицами *бог* «сад», *дар* «дверь», *соя* «тень», *-она* (с лексическими единицами: *шукр* «благодарение», *чон* «душа» и суффиксом *-сор* (*рух* «лик», *хок* «земля», *шарм* «стыд», *шох* «ветка», с частотностью 20 раз). Несмотря на то, что суффикс *-сор* использован в двадцати случаях, мы не можем утверждать о его продуктивности и даже малопродуктивности, так как данный суффикс использован только с лексическими единицами *рух*, *хок*, *шарм*, *шох* и участвует в образовании всего четырех производных слов. Например:

*Богбон, ҳамчу насимам зи дари хеш марон,
К-оби гулзори ту аз ашки чу гулнори ман аст* [43, 51].
«Садовник, не гони меня с порога сада своего, как ветер,
Ведь капли цветника твоего – слезы кровавые мои».

В «Современном таджикском литературном языке» суффикс *-сор*, отнесённый к группе непродуктивных суффиксов [54, 150], образует имена места и означает изобилие чего-либо. Однако в поэзии Хафиза данный суффикс обрел новое значение, то есть не перечисленные нами значения, а наступления психологического состояния лица:

Шоҳидон дар ҷилваву ман шармсори кисаам,

Бори ишқу муфлисӣ саъб асту мебояд кашид [45, 240].

«Очевидцы все в надменности, а я **нищетою** осрамлён,

Груз любви и нищеты тяжел, но тянуть его - мой удел».

Степень употребления суффикса **-она** в книге «Современный таджикский литературный язык» [54, 145] не указана. В связи с этим, по степени употребления данного суффикса в поэзии Хафиза мы отнесли его к группе непродуктивных суффиксов:

Эй соҳиби каромат, шукронаи саломат,

Рӯзе тафаққуде кун дарвеши бенаворо [45, 5].

«О, милостивая дева, благодарю за твой привет,

Яви приветливость ты как-то нищему дервишу в ответ».

Суффикс **-ол** является непродуктивным и означает сходство [54, 147]. Мухаммад Муин в комментариях «Бурҳони қотеъ» указывает, что суффикс **-ол** «суффикс сходства и описания качества». Данный суффикс в поэзии Хафиза встречается всего один раз в производном слове *дунбол*:

Гуфтам: - Эй султони хубон, раҳм кун бар ин гариб,

Гуфт: - Дар дунболи дил раҳ гум кунад мискин гариб [45, 49].

«Сказал: О, царица красавиц, ты странника бедного пожалей,

Сказала: В **погоне** за душой дорогу потеряет странник бедный»

В “Бурҳони қотеъ” лексическая единица *дунб* поясняется как «хвост» [4, 882]. В современных словарях слово *дунбол* поясняется следующим образом: “движение за кем-то или за чем-либо; сзади, позади... [30, 399]. Из пояснения словарей выясняется, что в составе данного слова суффикс **-ол** не имеет функции сходности [54, 147], а означает продолжительность действия. В поэзии Камола Худжанди также встречается словосочетание *дунболи тир* – «вслед за пулей», где суффикс **-ол** также означает продолжительность действия:

Равад қон чу пайкон ба дунболи тир,

Чу ёбад нишоне, к-аз он таркаш аст [34, 132].

«Душа бежит, как наконечник за стрелой, что

Только цель найдет, уж не отстанет от неё».

Продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные суффиксальные морфемы поэзии Хафиза, в связи с их соединением к какой-либо части речи, разделены нами на следующие группы:

1) продуктивные суффиксальные морфемы:

суффикс **-й (-гй)** с именами существительными, прилагательными, основой настоящего времени глагола, наречиями времени и образа действия образует новые производные слова (*подшоҳй, талхй, ҳастй*);

суффикс **-а** с именами существительными, прилагательными, числительными, основой настоящего времени глагола образует новые производные слова (*чашма* - «источник», *вайрона* - «развалины», *панҷа-«ладонь», овега-* «серьга», «что-то висячее»);

суффикс **-иш** из основы настоящего времени глагола образует имя действия (*биниш*);

суффикс **-гоҳ// -гаҳ** с именами существительными, прилагательными, глаголом и наречием образует абстрактные имена существительные (*такягаҳ, гузаргоҳ, пешгоҳ*);

суффикс **-гар** с абстрактными именами образует новые абстрактные имена существительные (*кӯзагар*).

б) малопродуктивные суффиксальные морфемы:

суффикс **-дон** с именами конкретными и абстрактными образует новые имена одушевлённые и неодушевлённые (*занахдон*);

суффикс **-манд** с именами абстрактными образует имена лица (*донишманд*);

суффикс **-зор** из имен материальных образует новые имена, обозначающие место (*гулзор*);

суффикс **-истон** из абстрактных имен образует имена, означающие место (*шабистон* «спальня»);

суффикс - **гор** из имен абстрактных образует имена лиц и производные абстрактные имена (*ёдгор* -«память»);

в) непродуктивные суффиксальные морфемы:

суффикс **-ор** из основы прошедшего времени глагола образует производные абстрактные имена и имена лиц (*харидор* - «покупатель»);

суффикс **-она** из имен абстрактных образует производные абстрактные имена существительные (*шукрона*);

суффикс **-сор** из одушевлённых и неодушевлённых имён существительных образует производные абстрактные имена существительные (*шармсор*);

суффикс - **бон** из имен материальных и абстрактных образует производные существительные, означающие имена лиц и профессию, ремесло (*богбон*);

суффикс **-ол** из простого материального существительного образует производное абстрактное имя существительное (*дунбол*).

После проведенного анализа, изучения и классификации нами были выделены характерные особенности суффиксов, образующих имена существительные в поэзии Хафиза Ширази:

1) суффиксы в большинстве случаев употребляются с именами лиц, материальными существительными, и в меньшей степени с именами собственными, особенность образования производных слов суффиксом – **ӣ**;

2) разная частотность использования суффикса –**ӣ** и его варианта **-гӣ**;

3) получение нового смыслового значения производного слова, образованного суффиксом **-а** (*чашма, вайрона, панча, овеза*) ;

4) малопродуктивность суффикса **-ии** и обретение значение психологического состояния человека вместо значения места и изобилия (*шармсор*).

5) отсутствие значения сходности и описания у суффикса **-ол** и получение значения продолжительности действия у данного суффикса (*дунболи дил*).

1. 2. Словообразование производных имен прилагательных

1.2.1 Структурно-семантический анализ префиксальных морфем в образовании имен прилагательных

В научных исследованиях способ префиксального образования производных имен прилагательных признан продуктивным способом словообразования в современном таджикском литературном языке [54, 198; 50, 144]. Всего в таджикском языке, за исключением префикса *то-*, в префиксальном статусе которого некоторые ученые сомневаются [58, 72], существуют шесть префиксов, образующих имена прилагательные: *бо-*, *ба-*, *бар-*, *бе-*, *но-*, *дар-*. Степень их употребления в современном литературном языке не однозначна.

1.2.1.1. Анализ степени продуктивности префиксальных морфем. Префиксы *ба-*, *бо-*.

Префиксы *ба-*, *бо-* являются продуктивными, образуют из имени существительного качественные прилагательные, означающие наличие качества или свойства у предмета [54, 198]. Оба префикса являются продуктивными и могут заменить друг друга. Например, *одами боандеша* – *одами баандеша* «мудрый, воспитанный человек». В поэзии Хафиза префикс *бо-* встречается всего два раза в составе производного прилагательного *боадаб*:

Гулиане пироманаш чун равзаи доруссалом,

Сафнишинон некхоҳу пешкорон боадаб [45, 524].

«Цветник вокруг неё, как райский сад,

Посетители благожелательны, прислужники **воспитанные**»

***

Дӯстдорон дӯсткоманду ҳарифон боадаб,

Пешкорон некному сафнишинон некхоҳ [45, 524].

«Друзья желанные и соперники **благовоспитанные**,

Прислужники имениты, посетители благожелательные».

В поэзии Камола Худжанди данный префикс не встречается.

Из этого можно сделать вывод, что в поэзии Хафиза и Камола данный префикс непродуктивен. Однако следует отметить, что наряду с непродуктивностью префикса *бо-* в поэтическом языке Хафиза и Камола, в поэзии, существующей до периода жизни Хафиза, он являлся все же малопродуктивным. По сведениям «Ганчури руимизи» (Настольная сокровищница), данный префикс встречается в составе производного слова *боақл* «умный, мудрый» в творчестве Балхи (Руми), Низами; *ботамиз* «воспитанный» в творчестве Анвари; *бовиқор* «надменный» в поэзии Балхи, Санай, Аттара.

В связи с этим можно сделать вывод, что в поэтическом наследии до периода творчества Хафиза данный префикс был продуктивным, а в поэзии Хафиза стал малопродуктивным.

1.2.1.2. Префиксальная морфема *бе-*.

Префикс *бе-* в современном таджикском литературном языке является продуктивным, образует от имён существительных прилагательные, означающие отсутствие качества, приведенного в основе [54, 198].

Данный префикс в поэзии Хафиза использован многократно (67 раз с повтором лексических единиц) в составе слов: *хабар* «весть», *меҳр* «привязанность», *назм* «порядок», *кор* «работа», *айб* «недостаток, вина», *суббот* «стойкость», *маҳал* «время, место», *мурувват* «великодушие», *дармон* «лекарство», *ором* «покой», *хор* «колючка», *андом* «лицо», *ҳосил* «цель, результат», *бунёд* «основа», *шумор* «число», *карон* «край», *сабр* «терпение», *қарор* «терпение, смирение», *нишот* «радость», *гаиш* «обида, горе», *дил* «сердце», *мисол* «подобие», *дарег* «сожаление», *хумор* «влечение», *ҳад(д)* «граница», *ниҳоят* «конец», *ачал* «смерть», *ҳунар* «ремесло, умение» и др. Данный префикс в поэзии Хафиза образует с основами *гаиш*, *дил* производные имена прилагательные:

Дӯстон, айби мани бедили ҳайрон мақунед,

Гавҳаре дораму соҳибназаре мечӯям [45,380].

«Друзья, не укоряйте меня **влюбленного** и растерянного,

Есть у меня жемчужина, ищу я ей ценителя истинного».

Одной из характерных особенностей поэзии Хафиза является последовательность двух производных слов, образованных с префиксом *бе-* :

Ба чаими ақл дар ин раҳгузори пурошӯб,

Чаҳону кори чаҳон бесуботу бемаҳал аст [45, 45].

«Глазами сердца на пути суматошном этом,

Вселенная и ее течение **неустойчивое и зыбкое»**

***

Ҳар ҷо, ки дилест, дар гами ту

Бесабуру қарору бесукун бод [45, 107].

«Там, где есть сердце, в думах о тебе, всегда

Оно **нетерпеливое, неусмиренное, беспокойное»**.

При изучении использования префикса *бе-* в поэзии Камола Худжанди и Ходжу Кирмани отмечается его продуктивность. Из примеров выясняется, что множество исконно таджикских и арабских слов образовали с префиксом *бе-* прилагательные:

а) с префиксом *бе-* и основой (исконно таджикской лексикой):

беандом, бебарг, бебаҳо, бебаҳона, бебок, бегах, бегунаҳ, бедард, бедарег, бедармон, бедил, безангор, безор, бекас, бекеш, бемоя, бемева, бемонанд, бенаво, бенам, бениёз, бенишон, беоб, беором, бепоёб, бераҳ, бетӯ, бехеш, бехонумон, бехор, бехост, бехуд, беҳунар, бечора, бечигар, бешумор.

б) с префиксом и основой (исконно арабской лексикой): *беалоиқ, бевафо, беадаб, бебаракат, бебасар, бевақт, беваҷҳ, бегам, бедин, безавол, беилоҷ, беиродат, беихтиёр, беқадам, беқарор, беқимат, бемуомала, беназир, бенасиб, бенисбат, бениҳоят, бераҳм, бериё, беسابаб, бесафо, бесукун, бетоқат, беҳабар, беҳад(д), беҳаё, беҳосил, бечурм, беэйтиқод:*

Дидаву дил ҳар яке танҳо туро доранд дӯст,

Худ мани бедил на танҳо дӯст медорам туро [34, 42].

«Глаза и сердце – каждое отдельно любит лишь тебя,

Я, страстно влюбленный, не только я люблю тебя».

Автор «Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ» А. Суруш во втором комментарии префикса *бе-* приводит: префикс, употребляемый в начале существительного, придает ему качественное свойство [47, 73]. Данное утверждение наиболее полно объясняет функциональное назначение префикса *бе-* на примере поэзии Камола Худжанди, являющегося современником Хафиза.

1.2.1.3. Префиксальная морфема *но-*.

Префикс *но-*, как и префикс *бе-* в словообразовании прилагательных в современном таджикском литературном языке является относительно продуктивным и образует из различных частей речи качественные прилагательные, означающие отсутствие значения, указанного в основе слова или свойства предмета [50, 144].

Префикс *но-* в среднеперсидском языке использовался в формах *ā-*, *anā-*, *nā-*. В греческом языке он использовался в указанных формах, на основании чего и высказываются предположения о его греческом происхождении [95, 11].

Префикс *но-* в поэзии Хафиза используется 28 раз с лексическими единицами: *тамом* «конец», *фарчом* «конец», *тавон* «сила», *соз* «лад», *хушнуд* «радостный», *мехрубон* «добрый», *махрам* «близкий», *сазо* «наказание», *чинс* «род», *дон* «знание», *савоб* «благо», *хонда* «званный», *гаҳ* «миг», *бино* «зрячий» и *дида* «увиденный». В нижеприведенных нами лексических единицах префикс *но-* в большинстве случаев приводится с основой настоящего времени глагола и образует прилагательные:

*Фалак ба мардуми **нодон** диҳад зимоми мурод,*

Ту аҳли фазливу дониш, ҳамин гуноҳат бас [45,269].

«Судьба дает мечты стремени в руки **невежественного** люда,

Ты мудрый и разумный, достаточно тебе лишь этого греха».

Также префикс *но-* может присоединиться к прилагательному и образовать качественное прилагательное:

*Фигон, ки он маҳи **номехрубони** мехргусил,*

Ба тарки суҳбати ёрони худ чӣ осон гуфт [45, 88].

«Плачу я, что та **нелюбезная**, вероломная лунолика,
Так легко разорвать с возлюбленным встречу могла».

Следует отметить, что префиксы *бар-*, *то-* и *дар-* в поэзии Хафиза не встречаются.

1.2.2. Структурно-семантический анализ суффиксальных морфем в образовании имен прилагательных

В истории возникновения и развития таджикского языка суффиксы, образующие прилагательные, являются одними из трех средств (префиксальное, суффиксальное и аффиксальное) образования имен прилагательных и важным источником обогащения лексического состава языка. Префиксы в поэтическом словообразовании отчасти отходят от своих основных функций и получают характерные особенности по вопросу принадлежности к частям речи. Явление дwoякости лексических единиц происходит после присоединения к ним суффиксов и префиксов, образующих существительные и прилагательные, «...так как каждая часть речи как группа слов, имеют характерные аффиксы и модели словообразования» [3, 3].

Суффиксальные морфемы, образующие имена прилагательные, с точки зрения словообразования и использования делятся на три группы [54, 140]:

- а) суффиксы **продуктивные**: *-ӣ*, *-гӣ*, *-она*, *-гона*, *-нок*;
- б) суффиксы **малопродуктивные**: *-онӣ*, *-ак*, *-гун*, *-ин*, *гин*;
- в) суффиксы **непродуктивные**: *-осо*, *-ваиш*, *-фом* [54, 184-185].

1.2.2.1. Продуктивные суффиксальные морфемы

Суффикс *-она* (*-гона*) является продуктивным, присоединяется к именам лиц и одушевленным существительным, образует имена прилагательные со значением качества предмета (*насиҳати падарона* – «отцовский завет»), с именами, означающими род и возраст лица, образует прилагательные со значением предназначения (*гиряи занона* – «женский плач»), с именами, означающими время – прилагательные со

значением времени (*мактаби шабона* – «вечерняя школа»), с именами числительными – относительные прилагательные [54, 193; 186]. Данный суффикс с перечисленными выше функциями присоединяется в поэзии Хафиза Ширази с восемью лексическими единицами: *маст* «пьяный» (7), *ринд* «свободолюбивый» (2), *шукр* «благодарность» (9), *мухлис* «приверженец» (1), *гариб* «скиталец» (1), *шоҳ* «правитель» (1), *нозук* «нежный» (1) и *турк* – «тюрк» (1):

*Ба чуз он наргиси мастона, ки чашмаи марасод,
Зери ин торами фирӯза касе хуш нанишиаст* [45, 34].

«Кроме этих глаз **опьянённых**, да будет сглаз от них далек
Никому под этим небом голубым не было так хорошо».

Из вышесказанного (о двойкости принадлежности лексических единиц) можно сделать вывод, что в зависимости от изменения значения слова, суффиксы также меняют свои функции. Если для примера взять лексическую единицу *нозукона* – «нежно, грациозно», встречающуюся в поэзии Хафиза Ширази лишь один раз, выясняется, что она состоит из двух суффиксов, образующих прилагательные, непродуктивного *-ук* [54, 188] и продуктивного *-она* [54, 193] и корня *ноз*, и принадлежит к наречию образа действия:

*Хуш нозукона мечамӣ, эй шохи навбаҳор,
К-ошuftагӣ мабодат аз ошӯби боди дай* [45, 429].

«Так грациозно ты качаешься, о, весенняя ветка,
Пусть не коснутся тебя горести холодных ветров».

В результате поисков в электронном тексте «Ганчури рӯимизӣ» выяснилось, что данное слово не встречается в творчестве Рудаки, Фирдоуси, Низами, Хакани, Санаи, Аттара, Мавлави, Камола Худжанди, Амир Хосрова Дехлави. Лишь в творчестве поэта, современника Хафиза – Шаха Ньматуллаха Вали [168] оно использовано 4 раза. Приведем пример из поэзии Хафиза с данным именем прилагательным:

Завқи мастону ҳоли майхорон

Нозукона аз ӯ бипурсидам [45,17].

«О прихотях опьяненных и нуждах пьяных,

Я тонко спросил у него».

Суффикс **-она** только в одном случае использован после слова *шукр* и относится к именам прилагательным:

Шукри Эзад, ки миёни ману ӯ сулҳ афтод,

Сӯфиён рақскунон соғари шукрона заданд [45, 184].

«Благодарение Богу, что помирились мы с ней,

Суфии, танцуя, **благодарственный** кубок подняли».

Суффикс **-она** в поэзии Хафиз, идущий за непродуктивным суффиксом **-ук**, в бейте Камола Худжанди получил в последующей позиции суффикс **-вор**:

Пеши ту барнадорад сӯфӣ сари гаромат,

Шукронавор ҷонаш то дар миён набошад [34,286].

«Пред тобой не поднимает от раскаяния голову суфий,

Благодарственно, что сейчас душа его не посередине».

Суффикс **-она**, как деривативный элемент, образующий прилагательные, встречается также в поэзии современника Хафиза – Камола Худжанди. Камол Худжанди использовал данный суффикс в образовании двух слов, повторяющихся 6 раз: *риндона* «свободолюбиво» и *шукронавор* «благодарственно», которые также встречаются в составе словосочетаний *газалҳои тари риндона* «новые вольнодумные газели» [34, 94], в прилагательном *шукронавор* «благодарственный» [34, 286]. С остальными лексическими единицами Камол новые единицы не образовывал, что дает нам право утверждать, что в употреблении суффикса **-она** со словами *маст*, *ринд*, *шукр*, *мухлис*, *гариб*, *шоҳ*, *турк*, *нозук* в словообразовании Хафиз был более активен, чем его современник Камол Худжанди.

Рассмотрим структуру прилагательного *девона* «безумный», использованного Хафизом многократно, в котором суффикс **-она**

является словообразующим элементом. Лексическая единица *девона* в «Фарҳанги форсии Амид» (Персидский словарь Амида) поясняется следующим образом: «относящееся к диву, подобный диву; безумный, безрассудный, влюбленный; тот, кто потерял разум» [37, 1179]. Приведенный словесный оборот *мансуб ба дев* «относящийся к диву» вынудил нас просмотреть слово *дев* в указанном словаре: пехлевийское «div» сказочное и вымышленное существо, похожее на человека, но огромных размеров, страшного вида, с хвостом и рогами... [37, 1177]. Можно сделать вывод о том, что данное слово состоит из корня *дев* и суффикса *-она*, образующего имена прилагательные. Производное слово *девона* Хафизом использовано в качестве атрибутива к слову *дил* как минимум в 5 бейтах:

Дар хирмани сад зоҳиди оқил занад отаи,

*Ин доғ, ки мо дар дили **девона** ниҳодем* [45,371].

«Гумно, сто аскетов разумных огнем сожжет

Печаль, что мы вложили в **безумное** сердце».

Суффикс -манд в «Грамматике современного таджикского литературного языка» [50, 140] и «Современном таджикском литературном языке» [54, 174] указан как продуктивная суффиксальная морфема, образующая имена прилагательные, а в более поздних изданиях (1982г.) это определение не упоминается [55, 184-192]. Данный суффикс в поэзии Хафиза участвует в образовании двух производных прилагательных – *саодатманд* «счастливый» и *дардманд* «больной», повторяющихся всего 3 раза:

Насиҳат гӯиш кун, чоно, ки аз ҷон дӯсттар доранд,

*Ҷавонони **саодатманд** панди тири доноро* [45, 3].

«Послушай наставленья, душа моя, ведь любят больше жизни,

Счастливые юноши послушать назидания мудрого старца».

Данный суффикс на основе абстрактного существительного образует прилагательные, указывающие на свойство и качество лица, предмета:

*Сари дарси шиқ дорад дили **дардманди** Ҳофиз,
Ки на хотири тамошо, на ҳавои боғ дорад [45,117].*
«К урокам любви клонется сердце больное Хафиза,
Нет желания прогулок в саду и к ароматам сада».

В поэзии Хафиза в одном случае производная основа с суффиксом, образующим имена прилагательные, подверглась субстантивации и выступила как имя существительное:

*Бар синаи реши **дардмандон**,
Лаълат намаке тамом дорад [43,74].*
«На сердце разбитое **больных**,
Ты соли уст своих не пожалела».

Изучив использование данного суффикса в словообразовании прилагательных в поэзии Хафиза, можно утверждать, что он относится к категории малопродуктивных суффиксов. Для точного определения степени употребления данного суффикса в период творчества Хафиза мы для сравнения прибегли в поэзии Камола Худжанди. Выяснилось, что суффикс *-манд* в словообразовании прилагательных употреблен 5 раз [34, 70, 113, 171, 383, 470].

Суффикс *-нок* в современном таджикском языке указан как продуктивный суффикс [54, 193]. Однако лингвист А. Зоҳидов утверждает о «малом качественном и количественном развитии» суффикса в таджикском языке [58, 17]. Данный суффикс образует из имен существительных качественные прилагательные, означающие обладание основным качеством [54, 194]. В творчестве Хафиза данный суффикс является малопродуктивным и встречается в составе словосочетаний *оби тарабнок* «веселящая вода» (2), *оҳи оташнок* «обжигающий вздох» (1), *манзили хатарнок* «опасное место» (1), *тариқи хатарнок* «опасный способ» (1), *бахти хобнок* «дремлющее счастье» (1), *оташи тобнок* «полыхающий огонь» (1):

*Гар аз ин оби **тарабнок** на хушдил бошӣ,
Хуштар он аст, ба ҳар ҳол, ки дар гил бошӣ [45, 566].*

«Если и этой **веселящей** воде ты не рад,
Тогда уж лучше веселье ищи ты под землей».

***

*Бо дили сангинат оё ҳеч даргирад шабе,
Оҳи **отаинок**у сӯзи синаи шабгири мо [45, 10].*
«Вспыхнет ли твое каменное сердце как-то ночью,
От вздоха **обжигающего** и пламени утреннего нашей груди».

***

*Гарчи манзил бас **хатарнок** асту мақсад бас баид,
Ҳеч роҳе нест, к-онро нест поён, гам махӯр [45, 316].*
«Коль место **опасное** и цель довольна трудна,
Не печалься, нет пути, у которого нет конца».

***

*Биёр, соқӣ он **оташи тобнок**,
Ки мечӯядаш зери хок [45, 504].*
«Принеси, саки тот огонь полыхающий,
Который ищут под землей».

***

*Чӣ фурсатҳо, ки гум кардам дар ин роҳ,
Зи бахти **хобноки** гофили хеш [45, 357].*
«Сколько времени даром потерял я на этом пути,
Из-за счастья своего **дремлющего** и беспечного».

В данном бейте слово *хуфта* – «спящий», является синонимом слова *хобнок*, которое более соответствует поэтическому размеру. Слово *хобнок* означает «дремлющий, хмельной» и в переносном смысле означает «несведущий» [30, 484].

В газелях современника Хафиза – Камола Худжанди производное прилагательное *хобнок* не встречается. Суффикс **-нок** в газелях Камола Худжанди присутствует в составе словосочетаний *оҳанги сӯзнок* «печальная мелодия» [34,217], *чаими намнок* «мокрые глаза» [34, 367],

гунаҳои тобнок «алые щеки» [34, 484] и в прилагательном *тарабнок* «веселый» [34, 591]:

Ояд аз зулфи ту фигони дилам,

Ҳамчу оҳанги сӯзнок зи уд [34, 217].

«Из сердца стон исходит от локонов твоих,

Как из уда вытекает печальная мелодия».

***

Зи ҳасрат хок шуд ин чаими намнок,

Ба хок ар по ниҳӣ боре, ба ин хок [34,435].

«От горя стали прахом эти мокрые глаза,

Когда пойдешь, ступай ногами по этому праху».

***

Бинозам гунаҳои тобнокаш,

Ки мебошад чу гул хуширангу хушбӯ [34,575].

«Ласкаю и целую я щеки алые ее,

Подобные ароматному, красивому цветку».

Если продуктивный суффикс **-нок** в словообразовании прилагательных поэзии Хафиза и Камола Худжанди встречается мало, то в поэзии Джалалуддина Балхи использован многократно. Данный суффикс с существительным *хоб* в «Маснавии маънави» Джалалуддин Балхи образовал производное относительное прилагательное:

Панд гуфтан бо чаҳули хобнок,

Тухм афкандан бувад бар шӯрахок [168, 659].

«Наставлять невежду дремлющего,

Как бросать семена в солончак».

Различная степень употребления указанного суффикса в поэтическом наследии упомянутых нами поэтов является свидетельством того, что он широко употреблялся ими не только в поэзии, но и в различных сферах их жизни.

1.2.2.2. Малопродуктивные суффиксальные морфемы

В ходе исследования одним из основных источников определения степени употребления суффиксов стали сведения из книги «Современный таджикский литературный язык». По ее сведениям суффикс **-он** был внесен в группу малопродуктивных словообразовательных суффиксов, однако малопродуктивный суффикс **-он** в поэзии Хафиза используется широко и в основном присоединяется к основе настоящего времени глагола: *сӯз, ханд, тоб, ларз, дурахш, хиром, нол, рав*, к прилагательному *ҷовид* «вечный» и употреблен 29 раз:

Дидамаи хурраму хандон қадаҳи бода ба даст

В-андар он оина садгуна тамошо мекард [45,143].

«Увидел ее веселой, смеющейся с кубком вина в руке,
И рассматривала в отражении его сто разных видений».

Ҷон медиҳам аз ҳасрати дидори ту чун субҳ,

Бошад, ки чу хуршеди дурахшон бадар оӣ [45, 491].

«Я душу отдаю от разлуки твоей, как утро,

Пусть будет так, чтоб как солнце яркое ты вошла ко мне».

Данный суффикс образует с основой настоящего времени глагола качественные прилагательные, означающие свойства предмета.

Например:

Ё Раб, ин навгули хандон, ки супурдӣ ба манаи,

Месупорам ба ту аз чаими ҳасуди чаманаи [45, 281].

«О боже, ты вручил мнераскрывшуюся розу, но я верну ее назад,
Затем, что на меня лужайка завистливый бросает взгляд».

***

Бо дили хунин лаби хандон биёвар ҳамчу ҷом,

Не гарат захме расад, оӣ чу чанг андар хурӯи [45, 284]

«С разбитым сердцем смеющиеся уста принеси словно кубок,
Коли поранишь ты себя, придешь в экстаз, как чанг».

***

Бар раҳгузарат бастаам аз дида дусад ҷӯй,

То буд, ки ту чун сарви хиромон бадар ой [45, 491].

«На пути твоём из глаз я сто ручьев открыл,
Чтоб ты внезапно походкой плавною вошла».

Суффикс –ин// - гин [54, 195] в поэзии Хафиза является малопродуктивным и участвует в образовании производных имен прилагательных *мушкин* «мускусный» (27), *оташин* «огненный» (4), *рангин* «разноцветный» (8), *гамгин* «печальный» (4), *нигорин* «красивый» (2), *сангин* «тяжелый» (5), *нӯшин* «сладкий» (3), *паимин* «шерстяной» (2), *дерин* «поздний» (5) и *хунин* - «кровавый» (5), которые в целом употреблены по этому 65 раз:

Ё Раб, он оҳуи мушкин ба Хутан бозрасон

В-он сихисарви равонро ба чаман бозрасон [45, 386].

«О, Боже, ту лань мускусную в Хутан ты снова приведи,
Тот стройный стан ты в сад цветущий снова приведи».

Миёни гиря механдам, ки чун шамъ андар ин маҷлис

Забони оташинам ҳаст, лекин дарнамегирад [45, 149].

«Средь плача я смеюсь, как у свечи на этой встрече,
Есть пламенный язык, но не горит он вовсе».

Бо дили хуниллаби хандон биёвар ҳамчу ҷом,

Не гарат захме расад, ой чу чанг андар хурӯш [45, 284].

«С разбитым сердцем смеющиеся уста принеси, словно кубок,
Коли поранишь ты себя, придешь в экстаз, как чанг»

В газелях Камола Худжанди суффикс **-ин** часто встречается в составе слова *мушкин*. Камол, используя прилагательное *мушкин* в составе словосочетания *кокули мушкини дӯст* – «благовонный локон друга», создал газель, имеющую прекрасный реди́ф:

Боз ақлам бурд аз сар кокули мушкини дӯст,

Баст бар дил банди дигар кокули мушкини дӯст.

Нест лаълеву дуре з-ин гуфта нозуктар, Камол,

Гар бубандӣ зеваре бар кокули мушкинидӯст [34,95].

«Снова похитил мой разум благовонный локон друга,

Снова опутал сердце наше благовонный локон друга.
Нет драгоценнее лала, жемчугов твоих стихов, Камол,
Если украсить ими благовонный локон друга».

Суффикс -ина в учебнике «Современный таджикский литературный язык» [54, 195] упоминается как малопродуктивный суффикс, однако в “Грамматике современного литературного таджикского языка” его внесли в группу продуктивных суффиксов [50, 142]. То есть степень употребления суффикса **-ина** в современном литературном таджикском языке независимо от малопродуктивности или продуктивности в поэзии Хафиза используется редко. Данный суффикс образует вместе с именами существительными и наречиями прилагательные, означающие качество и свойство предмета, отношение к какому-то периоду времени [54, 195]. В словообразовании прилагательных поэзии Хафиза данный суффикс встречается в составе словосочетаний *ошиқи дерина* «давний возлюбленный», *ёри дерина* «давний друг», *мӯниси дерина* «давний друг», *чокари дерина* «покорный друг», *хирқаи пашмина* «шерстяная одежда, рубище», *майи дӯшина* «вчерашнее вино», *камина пешкаш* «покорный ваш слуга; ничтожный»:

Оташи зӯҳду риё хирмани дин хоҳад сӯхт,
Ҳофиз, ин хирқаи пашмина бияндозу бирав [45, 368].
«Огонь лицемерия вконец сожжет религии устои,
Хафиз, надень это **рубище** шерстяное на тело и беги».

***

Фикри шиқ оташи гам дар дили Ҳофиз заду сӯхт,
Ёри дерина бибинед, ки бо чӣ кард? [45,141].
«Думы любви в сердце Хафиза огонь зажгли и сожгли,
Смотрите, что сделал **давний** друг с возлюбленным своим?».
Ба ҷони ӯ, ки гарам дастрас ба ҷон будӣ,
Каминापешкаши бандагонаш он будӣ [45,442].
«Душе ее, доступной лишь души моей ценой,
Ничтожный перед ней был, как раб».

Слово «*камина*» является ключевым и образным приёмом (омонимией) данного двустишия Хафиза и имеет два значения. По первому значению, это «скромный рассказчик, образно «ваш покорный слуга» слуга [30, 1997]. Данное слово по отношению к частям речи относится к именам существительным или слово, заменяющее местоимение «я». Второе значение слова *камина* - ничтожный, малейший [37, 1997] и является прилагательным, в связи с чем, мы также причислили его к производному имени прилагательному.

В поэзии Хафиза данный суффикс образует с наречиями прилагательные, означающие отношение предмета к периоду времени:

*Ба фарёди хумори муфлисон рас,
Худоро, гар майи дӯшина дорӣ* [45, 447]
«Приди хоть раз на зов бедняг страждущих,
Хвала всемогущему, если есть **вчера**шнее вино».

Суффикс **-вор** в среднеперсидском языке приводился в вариантах *wāsa/wāsaḡ* в составе лексических единиц в функции суффикса, некоторые из которых употребляются и сегодня, другие вышли из употребления, к примеру слова *рӯзвора* «ежедневный», *гаҳвора* «колыбель». Посредством данного суффикса, присоединившись к имени места (*gah*) и имени, означающее время (*roz*), образовал новые производные слова, *моҳвора* «ежемесячный», *гӯшвора* «серьга» [78, 120]. Из этого исходит, что суффикс **-вора**, который ранее в среднеперсидском языке выполнял функции образования имен существительных, постепенно обрел функции словообразования прилагательных.

В.С. Расторгуева отмечает, что суффикс «-вар» в среднеперсидском языке существовал в форме *-var// - ovaḡ* и образовывал имена существительные и прилагательные [72,36].

Суффикс **-вор** в учебнике «Современный литературный таджикский язык» (издание 1982 г.) упоминается как усеченный вариант суффикса **-вора**, образующего имена существительные и имеющего характер

суффикса назначения [55, 140], однако о его словообразовании прилагательных, как например в случае с суффиксом - *вар*, сведений нет [55, 188]. Однако в «Грамматике современного таджикского литературного языка» в разделе «Обозначение определения именем прилагательным» приводятся примеры из творчества Садриддина Айни и Фазлиддина Мухаммадиева, в которых присутствуют прилагательные, образованные посредством суффикса *-вор*: *таъзими гуломворона* «раболепный поклон», *риши якқабзагии бузвор* «куцая козлиная борода» и *башараи сагвор* «собачья морда» [50,251].

По приведённым примерам выясняется, что суффикс «-вор» в среднеперсидском языке употреблялся в форме «вора» и образовывал имена существительные, однако в настоящее время участвует в словообразовании в форме «-вор» и образует имена прилагательные и наречия образа действия: *дари умедворон* «двери надеющихся» – имя существительное, *башараи сагвор* «собачья морда» – имя прилагательное, *сӯфивор меовард* «молвил словно суфий» – наречие образа действия.

Суффикс –вор в поэзии Хафиза является продуктивным, образует имена существительные и наречия, однако поскольку наше исследование посвящено вопросам образования имён существительных и прилагательных, мы приведём только некоторые примеры слов, образованные посредством суффикса «-вор» в поэзии Хафиза:

Производные имена прилагательные: *умедвор* «надеющийся», *шоҳвор* «царский»:

Дило, зи ранҷи ҳасудон маранҷу восиқ бош,

Ки бад ба хотири умедвори мо нарасад [45, 156].

«Сердце, мукам завистников не обижайся и будь крепко,

Чтоб нашей памяти надеющейся не навредить».

***

Май хӯр ба ин шеъри банда, ки зеби дигар диҳад,

Ҷоми марсаъи ту бад ин дурри шоҳвор [45, 246].

«Выпей вина во славу стиха моего, придаст красу другую,

Твой кубок украшенный этой царской драгоценности».

Суффикс - гун входит в группу малопродуктивных суффиксов, участвующих в словообразовании прилагательных, вместе с именами существительными и прилагательными и образует прилагательное, означающее схожесть качества предмета [54, 189; 54, 196]. Данный суффикс в поэзии Хафиза повторяется 10 раз в составе шести словосочетаний *оташгун* «огненный» (1), *лаългун* «алый» (1), *майгун* «багряный» (1), *гулгун* «цветочный» (5), *тирагун* «тусклый, черный» (1), *лолагун* «красный, алый» (1):

Соқиё, як чуръае з-он оби оташгун, ки ман

Дар миёни пухтагони шиқи ӯ хомам ҳанӯз [45, 327].

«О, виночерпий, дай мне глоток той **огненной** воды,

Ведь среди закалённых в любви один лишь я еще незрелый».

***

Эй дил, он дам, ки хароб аз маи гулгун боиш,

Безару ганҷ ба сад ҳаимати Қорун боиш [45, 555].

«О, сердце, в тот миг, когда ты опьянено **цветочным** вином,

Без сокровищ и золота охвачено оно величием Каруна».

Данный суффикс Камол Худжанди использовал чаще, чем Хафиз Ширази, то есть, более 18 раз. Суффикс **-гун** участвует в образовании слов *лолагун* (1), *гандумгун* «смуглый» (2), *майгун* (4), *гулгун* (7), *зумуррадгун* «изумрудный» (1), *нилгун* «голубой» (1):

Шароби лаъл менӯшам ман аз чоми зумуррадгун,

Ки зоҳид афъии вақт асту месозам бад-ин кӯраиш [34, 351].

«Пью я красное вино из кубка **изумрудного**,

Ведь захид змея времени, так ослепляю я его».

1.2.2.3. Непродуктивные суффиксальные морфемы

В таджикском словообразовании существует ряд суффиксов, относящихся к непродуктивным, к которым можно отнести **-ук**, **-ик**, **-**

осо(-со)[54, 188]. Данные суффиксы встречаются в составе лексических единиц *тор+ик* и *ноз+ук*. Суффиксы **-ук**, **-ик** образуют из имён существительных, прилагательных и глагольных основ имена прилагательные, означающие свойство или качество, к примеру, *хотири нозук* «обидчивая, тонкая натура», *дили нозук* «трепетное, нежное сердце»:

Мадеҳ ба хотири нозук маломат аз ман зуд,

Ки Ҳофизи ту худ ин лаҳза гуфт: «Бисмиллоҳ»! [45, 502]

«Укоряя меня, не обижай натуру **тонкую** свою,

Ведь твой Хафиз в тот миг себе сказал: «Во имя Аллаха»»

***

Хун хуру хомӯш нишин, ки он дили нозук,

Тоқати фарёди додхоҳ надорад [45, 173].

«Печалься и храни молчание, у **нежного** сердца того

Нет больше терпения вызывать к справедливости».

Суффикс **-ваш** в «Грамматике современного литературного таджикского языка» отнесён к группе непродуктивных суффиксов. Хафиз Ширази в поэзии употребил его 9 раз в составе четырёх производных слов: *мах* «луна» (5), *ошиқ* «влюбленный» (1), *парӣ* «ангел» (2) и *сӯфӣ* «суфий» (1):

Менамояд акси май дар ранги рӯи маҳвашиат,

Ҳамчу барги аргувон бар сафҳаи насрин гариб [45, 49].

«Блеск вина на лице твоём **луноликом** кажется,

Чужим, как красный лист на лике розы».

***

Ошиқи риндаму майхора ба овози баланд

В-ин ҳама мансаб аз он ҳури париваш дорам [45, 403].

«Я безумный влюбленный, пьяный крикун,

Эти званья благодаря **ангелоподобной** деве получил».

***

Соқиё, чоми дамодам деҳ, ки дар сайри тариқ

Ҳар кӣ оишиқваиш наёмад, дар нифоқ афтода буд [45, 269].

«Саки, дай полный кубок мне, чтоб на истинном пути,

Кто, как **влюбленный** не явился там, тот стал врагом».

Суффикси **-ваиш** в поэзии Камола Худжанди встречается в девяти случаях и образует пять производных слов: *париваиш* (5), *сӯфиваиш*, *парвонаваиш* «как ночная бабочка, мотылек», *шамшиодваиш* – «самшитовый»:

Шабе, ки рӯи ту моро чароги маҷлис шуд,

Ба сӯхтан дили парвонаваиш муҳаввис шуд [34, 262].

«В ночь, когда твой лик стал свечою нашего собрания,

Сердцу, подобно мотыльку в нем захотелось сгореть».

***

Эй наботи қадди сабзат шакаристони ҳама,

Қади шамшиодваишат сарви хиромони ҳама [34, 496].

«О, сладость стана молодого, как сахарный тростник,

Стан твой, подобный самшиту, как стройный кипарис».

Непродуктивный суффикс **-фом** в поэзии Хафиза участвует в образовании производных прилагательных, означающих цвет предмета: *лаълфом* «рубиновый», *азрақфом* «голубой», *зангорфом* «зеленый»:

Сӯфӣ, биё, ки оина софист чодро,

То бингарӣ сафои майи лаълфомро [43, 5].

«О, суфий, приди, где в отражении зеркальном кубка,

Увидишь чистоту и блеск **рубинового** вина».

Непродуктивный суффикс **-осо** в поэзии Хафиза не встречается. Однако, обратившись к сведениям «Грамматики современного таджикского литературного языка», отчасти к приведенному там примеру – *зулфи сумансо* «благоуханный локон» [50, 143], можно сделать вывод, что суффикс **-со** в составе слова *сумансо* является вариантом суффикса **-осо**, образующего имена прилагательные. Подобное словообразование встречается в поэзии Хафиза в словах *мушксо* «мускусный», *гардунсо* «небесный; роковой». По нашему мнению,

упомянутые слова являются не производными, а сложносоставными словами, состоящие из корней существительного *мушк* и повелительного наклонения глагола *сويدан*. В «Персидском словаре Амида» *со* упоминается как «сокращенное от *сов*» [37, 1351]. В ходе проведенного нами сравнения суффиксов, образующих имена прилагательные, по степени употребления согласно избранному нами методу [54, 184-185] они делятся на следующие группы:

1. **Продуктивные суффиксы.** В современном таджикском языке продуктивными являются суффиксы *-ӣ*, *-гӣ*, *-она*, *-гона*, *-нок*, в поэзии Хафиза наиболее продуктивны суффиксы *-ӣ*, *-гӣ-она*, *-ин*, *-он*, *-вор*.

2. **Малопродуктивные суффиксы.** В современном таджикском языке суффиксы *-онӣ*, *-ак*, *-гун*, *-ин*, *-гин* указаны как малопродуктивные, однако в поэзии Хафиза малопродуктивными оказались *-манд*, *-нок*, *-ина*, *-гун*, *-ваш*.

3. **Непродуктивные суффиксы.** В современном таджикском литературном языке суффиксы *-осо*, *-ваш*, *-фом* являются непродуктивными, в поэзии Хафиза непродуктивными являются суффиксы *-ук*, *-фом*.

В заключение данной главы по результатам изучения продуктивности префиксов и суффиксов нами сделаны следующие выводы:

1. На основании сравнения поэтического наследия представителей литературы XIV века – Хафиза Ширази и Камола Худжанди можно прийти к заключению, что суффиксы *-манд* и *-нок*, образующие имена прилагательные в поэтическом языке великих классиков, являются малопродуктивным. Суффикс *-нок* в поэзии Хафиза и Камола использован в шести случаях. Суффикс *-манд* в диване Хафиза использован три раза, а в поэзии Камола четыре раза.

2. Также суффиксы *-ин*, *-он* в поэзии Хафиза по степени их использования являются малопродуктивными, в связи с тем, что суффикс

-он участвует в образовании 8 прилагательных и повторяется 29 раз, суффикс *-ин* использован 65 раз.

3. Изучение и анализ показал, что сведения научных источников по вопросу степени употребления не являются однозначными, что свидетельствует о факте отсутствия единого мнения исследователей по данным вопросам (степени употребления суффиксов, образующих имена прилагательные) и необходимости более глубокого научного и теоретического изучения.

4. Статистические данные и классификация суффиксов, образующих имена прилагательные по степени их употребления и способов образования в ходе сравнительного анализа с современным литературным таджикским языком, говорят о необходимости всестороннего и обособленного исследования степени употребления данных суффиксов в период творчества Хафиза Ширази.

ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ СЛОВ В ГАЗЕЛЯХ ХАФИЗА ШИРАЗИ

2. 1. Сложносоставные имена существительные

2.1.1. Сложносочиненные имена существительные

Современный литературный таджикский язык в начале советского периода, в соответствии с политическим и социальным положением, который, по словам лингвиста Т. Ваххобова, более точно можно назвать «ленинской политикой национальных языков» [48, 291], вошел в новую стадию развития и обусловил становление всех направлений современного таджикского языковедения [75,4].

Вопросы теоретического исследования словообразования, отчасти словообразования имён существительных получили широкое развитие благодаря усилиям таджикского лингвиста Ш. Рустамова в начале 70-х годов XX века. По его мнению, словообразование сложносочиненных имён существительных в современном литературном таджикском языке является «логическим продолжением и развитием языка классической литературы и народного творчества» [75, 143-144].

Упомянутым нами исследователем изданы несколько статей по вопросу словообразования [137;138;139] и научная работа «Словообразование имен существительных в современном литературном таджикском языке», изданной в 1972 г., ставшей основой его научной монографии «Имя существительное». Книга «Имя существительное. (Грамматические категории, словообразование и место имени существительного в системе частей речи)» была издана в 1981 году, и стала основным и фундаментальным источником для последующих исследователей как современного, так и классического таджикского литературного языка.

Ш. Рустамов в первой и второй части упомянутого исследования привёл обширные сведения по вопросу словообразования, в частности словообразования имён существительных, истории становления и развития как отдельной ветви таджикского языковедения [75, 3-50]

В четвертой главе книги - «Словообразование имен существительных», автор приводит собственные научные утверждения в свете мнений целого ряда известных отечественных и зарубежных ученых, в числе которых Г. Паул, В.Д. Жирмунский [75, 141], М. А. Кумахов [75, 141], И.И. Срезневский [75, 141], М. Шаки [75, 142], С.В. Хушенова [75, 142] М. Турсунов [75, 141], М. Шукуров [75, 141], А. Мирзоев [75, 145], А. Халилов [75, 146], Ф.С. Исхокова [75, 146], Д. Тоджиев [75, 152] и др.

По мнению Ш. Рустамова, до 1972 года словообразование имён существительных являлось одним из самых сложных и малоисследованных вопросов, где научные исследования имели лишь описательный характер и вопросы закономерностей образования сложносочиненных существительных оставлены без должного внимания [74, 57]. Следует отметить, что данная проблема и малая степень исследования данного вопроса некоторым образом присутствует даже в его собственном втором издании «Имени существительного», изданного по прошествии девяти лет после «Словообразования существительного в современном литературном таджикском языке», в 1981 году. Это подтверждается примерами, приведенными Ш. Рустамовым для обоснования научного мнения. К примеру, Ш. Рустамов для обоснования теории М.А. Кумахова (причины перехода словосочетаний в разряд сложносоставных слов) в таджикском языкознании приводит всего один пример: *сад барг* – букв.: «сто листов» (словосочетание, обозначающее не конкретный предмет, а атрибутивное отношение определяющего *сад* и определяемого *барг*) // *садбарг* – «роза» (означает только предмет) [74, 59; 74, 141-42; 50, 119]. Данный пример приводится также в другом случае, утверждая, что «отсутствие грамматического средства связи частей словосочетания (или конструкции) не является свидетельством отсутствия у них синтаксических связей и отмечает: «Более того, в таджикском языке подобно *сад барги тар* существуют словосочетания, у которых отсутствует явная грамматическая связь и

они находятся друг с другом в согласовательной связи [74, 60; 74, 142-143]. Отсутствие других словосочетаний из таджикского языка в качестве примера в период 1972 -1981 гг. говорит о том, что у упомянутого исследователя либо не было другого фактологического материала, либо он не нашел других соответствующих примеров, и это также подтверждается, тем, что при исследовании способа аналогии образования сложносоставных слов, автор приводит множество примеров [75,143].

Примеры и вопросы, поставленные нами выше, показывают, что представленная теория не в полной мере соответствует духу таджикского литературного языка и словообразования имен существительных в таджикском языке. Это приводит нас к заключению, что наряду с осуществленными исследованиями, в словообразовании имен существительных все также остается множество проблем, нуждающихся во всестороннем исследовании.

Другой актуальной проблемой является малая степень исследования сложносочиненных имен существительных. Сведения о данных именах существительных приводится в «Грамматике таджикского языка» Т. Зехни и Бакозода. Упомянутые ученые в отглагольных имен существительных (отношение существительного к глаголу) использовали термин «отглагольные сложносочиненные существительные» и указали на четыре способа его образования [57, 40-41]. Из упомянутых способов первый способ является спорным. По мнению Т. Зехни и Бакозода, первый способ образования сложносочиненных существительных или отглагольных сложносочиненных существительных это: «глагол повелительного наклонения + инфикс *xo* + глагол повелительного наклонения (*занxозан, давxодав*)» и «также иногда данная приставка усекается и приводится в форме *o*: *занозан* - «драка», *кашокаш* - «потасовка» [57, 40]. Очевидно, в случае с «инфиксом *-xo-*» упомянутые ученые имели ввиду суффикс множественного числа. По нашему мнению, данная теория безосновательна, так как глаголы повелительного

наклонения *зан, дав* в таджикском языке по примеру прилагательных [73,55], не могут принять суффикс множественного числа. Подобный способ образования сложносочиненного существительного можно встретить также и в последующих научных исследованиях с примерами из творчества С. Айни: *Ғозиён имшабро бо хандаву бозӣ ва хӯрҳоро-хӯр гузарониданд// Повстанцы провели ночь в веселье, развлечениях и пировании* [75, 1717; 51, 119].

Также налицо несоответствие и спорность теории с примерами сложносочиненных существительных. Ш. Рустамов отмечает: «Сложносочиненные имена существительные состоят из равнозначных основ» [75, 170]. В «Грамматике современного литературного таджикского языка» к данной формулировке добавлено: «различными способами и словосочетаниями» [50, 119]. При изучении способов образования сложносочиненных имен существительных данная формулировка теряет свой смысл. Подобные примеры наблюдаются в разделе образования путем «непосредственного повтора слов» [75,171]. Наряду с тем, что Ш. Рустамов до начала научной полемики по вопросу образования сложносочиненных имен существительных настаивает «не включать без особого примечания в данную группу слов (сложносочиненных имен существительных) различные конструкции с союзами (соединительными гласными буквами) или же интонацией» и приводит примеры с особым комментарием [75, 170], в случае «образования сложносочиненных существительных путём повтора существительных, образованных путем звукоподражания (*дукур-дукур* - «топот», *вақар-вуқур* - «квакание») ограничивается лишь только указанием на «смешанное и ясное обозначение их предметного значения» [75, 171]. Данное несоответствие формулировки и примеров наблюдается до настоящего времени [57, 93-94]. Это подтверждает актуальность исследования и более глубокого изучения проблем словообразования именных частей речи.

Согласно исследованию Ш. Каримова, в поэзии Хафиза Ширази количество новых производных лексических единиц, созданных им, совсем немного [99,4]. Одной из характерных особенностей поэтического языка - это мастерское и изящное использование существующей лексики в новой форме, придании слову нового смыслового оттенка, откуда можно прийти к заключению, что Хафиз в силу своего исключительного мастерства не утруждал себя созданием новых производных слов, соблюдал существующие правила словообразования и придавал большее внимание их искусному употреблению в творчестве. Однако, следует отметить, что мы нашли несколько лексических единиц в поэзии Хафиза, образованных собственно поэтом, которые исследуем в разделе «Сложноподчинённые имена существительные и прилагательные».

Наряду с тем, что А. Зарринкуб отмечает социальные причины использования метафор, иносказания и последовательной омонимии Хафизом, он также настаивает на влиянии коранического языка и стилистики на его поэзию. По мнению А. Зарринкуб, «Когда речь идет о поэзии одного хафиза (чтеца) Корана (имеется ввиду Хафиз– *К.М.*), более всего следует иметь в виду влияние Корана» [116, 58]. Хафиз, будучи чтецом Корана и великолепным знатоком арабского языка, решил применить особую значимость слов и словосочетаний Корана в персидско-таджикском языке и прекрасно выполнил поставленную перед собою цель.

В газелях Хафиза наблюдается применение и сложносочиненных и сложноподчиненных имен существительных. Характерной особенностью сложносочиненных существительных состоит в том, что в них различными способами соединяются равноценные основы. Как уже было отмечено, в книге «Имя существительное» Ш. Рустамова [75, 169-175] и «Грамматика современного литературного языка» [50,119-121] рассмотрены четыре способа образования сложносочиненных имен существительных.

Первый способ – непосредственный повтор слов, который, в свою очередь, делится на четыре способа образования. По данному способу в поэзии Хафиза нет ни одного сложносочиненного существительного, то есть, он не использовал данный способ словообразования в силу того, что данный способ характерен разговорному языку, посредством которого вошел в литературный язык. В поэзии Хафиза встречаются слова из народного, разговорного языка, однако они построены другими способами и приведены в соответствие с нормами литературного языка.

Второй способ словообразования сложносочиненных имен существительных осуществляется посредством основ и различных грамматических средств.

I. Интерфикс -у-. В современном литературном языке существует большое количество сложносочиненных имен существительных, построенных посредством интерфикса **-у-** и различными основами. Однако в поэзии Хафиза посредством данного интерфикса образованы только три существительных:

а) **из основы прошедшего времени глагола +интерфикс -у- + основы прошедшего времени глагола: гуфтушунид** – «переговоры, разговор»:

То дам аз шoми сари зулфи ту ҳар чо назанад,

Бо сабо гуфтушунидам саҳаре нест, ки нест [45, 73].

«Чтобы о тайне ночи с локоном твоим нигде не рассказать,

Я даже с ветерком утренним не смею **разговор** начать».

Биё, ки бо ту бигӯям гами малолати дил,

Чаро, ки бе ту надорам маҷоли гуфтушунид [45, 232].

«Приди, с тобой поделюсь я горестью своей,

Ведь без тебя нет сил на **разговор** у меня»

Данное сложносочиненное существительное является абстрактным именем, означающим действие, состояние, отношения между людьми. Однако, в приведённом выше бейте *гуфтушунид* происходит не между людьми, а с природным явлением – ветром. Данное сложносочиненное существительное находится в логической связи с языком и слухом

человека, в структурном плане изменениям не подверглось, однако обрело новое смысловое значение. Подобный прием – разговор человека с ветром встречается в поэзии бесчисленное количество:

Чаими ўро набувад бо ту сари гуфтушунид,

Ҳоли ў яксар аз он лаъли гуҳарбор бипурс [168].

«Глаза её сейчас не в силах **разговаривать** с тобой,

Спроси о ней у губ тех алых, драгоценных».

б) с глагольной основой прошедшего времени + интерфикс **-у-** + глагольная основа настоящего времени: *шустушӯ* «мытьё», *гуфтугӯ* – «беседа»:

Худойро, ба маям шустушӯйи хирқа кунед,

Ки ман намешунавам бӯйи хайр аз ин авзоъ [45,292].

«Ради Бога, **обмойте** одежду мою вином,

Чтоб не вдыхал я аромата благочестия в этом положении».

В вышеприведенном бейте сложносочиненное существительное использовано в необычном смысле «мытья одежды в вине», а не в воде. Хафиз, не выходя за рамки правил и норм словообразования, придал существующим производным словам новые смысловые оттенки. Например:

Ғами ҳабиб ниҳон беҳ зи гуфтугӯйи рақиб,

Ки нест синаи арбоби кина маҳрами роз [45,260].

«Печаль о любимой лучше скрыть в **беседе** с соперником,

Тайнам сердца не место в сердце недоброжелателя».

В данном случае Хафиз использовал сложносочиненное существительное вместо слов «уши и язык», что говорит об исключительном поэтическом мастерстве поэта.

II. Интерфикс -о-. Сложносочиненные существительные также образуются посредством данного интерфикса. В поэзии Хафиза данный интерфикс встречается в составе слов *кашокаш* «потасовка, передряга» и *молломол* «переполнение, насыщение». Сложносочинённые существительные при помощи интерфикса **-о-** образуются двумя путями:

а) глагольная основа настоящего времени + интерфикс *-o-* в большинстве случаев в форме повтора и означают повторяемость и длительность действия, состояния. Например:

Ишқат ба дасти тўфон хоҳад сунурд, Ҳофиз,

Чун барқ аз ин кашокаш, тиндоштӣ, ки частӣ [45. 436].

«Хафиз, любовь толкнёт тебя в объятия клокочущей бури,

Подумал, словно молния ты выскочишь из этой **передряги**».

В данном бейте сложносочиненное существительное не означает повтор или длительность действия, состояния, а приводится в иносказательном смысле «беды, невзгоды» [30, 547].

Другое сложносочиненное существительное, построенное указанным способом – *молломол*:

Сина молмоли дард аст, эй дарего, марҳаме,

Дил зи танҳой ба чон омад, Худоро, ҳамдаме [45, 472].

«Грудь полна болью, как жаль, что некому жалеть,

Сердце ноет от тоски, о, Боже, душу близкую найди».

В данном бейте сложносочиненное существительное образовано посредством глагольной основы *мол* (от инфинитива *молидан* - «гладить») и интерфикса *-o-*, однако не означает длительность действия, а показывает полноту, чрезмерную наполненность, которая явилась результатом усиленного или насильственного наполнения чем-либо.

Исследования показали, что производные сложносочиненные существительные в поэзии Хафиза встречаются крайне редко, только в шести случаях: *гуфтушунид*, *шустушӯ*, *гуфтугӯ*, *чустучӯ*, *кашокаш ва молломол*.

Согласно III способу, сложносочиненное существительное образуется путем присоединения различных основ без каких-либо морфем, которое, в свою очередь, образуется двумя путями: существительное + существительное (*галла+дона* - «зерновые», *шир+биринҷ* - «рисовая каша») и глагольные основы, противоположные по смыслу (*даро-баро* - «вход – выход, восход-закат»). Производные

слова, образованные данным способом, в поэзии Хафиза не найдены. Из этого следует, что данный способ словообразования в поэзии Хафиза не использовался. Следует отметить, что данный способ встречается в разговорном языке и в современной таджикской поэзии. Например, у поэтессы Фарзоны есть такие строки:

Офтобона дар ҳаёти ман,

*Ҷовидон кун **даро** – **баро**, модар [28, 5].*

«Словно солнце в жизни моей,

Восходом и закатом будь всегда, о, мама»

Согласно **третьему способу**, данные производные слова могут быть образованы посредством шести моделей: 1) существительное+у-+существительное (*сарупо* - «одежда»); 2) существительное+у-+глагольная основа прошедшего времени (*сайругашт* – «прогулка»); 3) глагольная основа настоящего времени+у-+глагольная основа настоящего времени (*афтухез* – «спотыкание»); глагольная основа прошедшего времени +у+ глагольная основа прошедшего времени (*гуфтушунид* – «переговоры»); 5) глагольная основа настоящего времени+у-+глагольная основа прошедшего времени (*бандубаст* – «структура, перевязка»); 6) глагольная основа прошедшего времени+у-+глагольная основа настоящего времени (*пухтупаз* – «приготовление пищи»). Из приведенных нами способов в поэзии Хафиза использованы четвертый и шестой. Следует сделать вывод, что в поэзии Хафиза, которая, по мнению А. Зарринкуб, «является языком нынешнего дня» [116, 86], образование сложносочиненных существительных данным путем имеет место.

В ходе изучения способов образования сложносочиненных существительных и их наличие в поэзии Хафиза нами сделаны следующие выводы:

1. Понятие сложносочиненных имен существительных, представленные современными лингвистами и обоснованные примерами из современного литературного таджикского языка и примерами из

поэзии Хафиза Ширази, имеют существенные отличия. В качестве обоснования данного утверждения можно привести пример сложносочинённого существительного *молломол*.

2. В поэзии Хафиза сложносочиненные имена существительные в дополнение к принятым значениям получили необычайные смысловые оттенки, бесспорно доказывающие неповторимое поэтическое и уникальное мастерство использования производных слов в творчестве.

3. Характерной особенностью поэтического языка Хафиза состоит в том, что гений газели смог для обозначения нескольких лексических единиц использовать одно сложносочиненное существительное, что также подчеркивает особое видение и мировосприятие великого поэта.

4. Несмотря на способы и пути образования сложносочиненных имен существительных, в поэзии Хафиза, и в целом, в современном литературном таджикском языке они относятся к категории малоупотребляемой лексики.

2.1.2 Сложноподчиненные имена существительные

По утверждению Ш. Рустамова, словообразование сложноподчиненных существительных современного таджикского языка является продуктивным типом, логическим продолжением развития литературного классического языка и народного творчества [75, 144], что доказывает существование данной категории производных слов в средние века, в период творчества Хафиза.

В предыдущем разделе нами были рассмотрены проблемы, существующие по вопросу сложносочиненных существительных, которые присутствуют и в вопросах сложноподчиненных существительных. Несмотря на то, что Ш. Рустамовым предприняты огромные усилия в вопросах различения словосочетания от сложносоставных слов, трехсоставных и смешанных сложных слов, все

же в данном направлении языковедения все еще остаётся множество неисследованных проблем.

Одной из таких проблем, требующих глубокого исследования, является различие сложносоставных существительных от смешанных существительных. По определению сложноподчиненного существительного, приводимого в научных источниках [75, 140; 155, 159], данное существительное должно состоять из двух частей. Одно из самых точных определений приводится в учебнике «Современный таджикский литературный язык» (часть 1, 1973): «Имена существительные, в которых одна составная часть подчиняется другой составной части и определяет её, называются сложносоставными существительными» [54, 159]. В «Грамматике современного литературного таджикского языка» сложноподчиненным существительным дано следующее определение: «В сложноподчиненных существительных одна из частей слова является основной, другая часть подчиняется ей и между ними наблюдается различная подчинительная связь: определяющая, дополняющая, субъектная и обстоятельственная» [50, 121-122]. Приведя существующие определения, можно посредством примеров рассмотреть некоторые способы словообразования сложноподчиненных существительных. Например, из II группы - сходные с неизафетными именными словосочетаниями [75, 152], по 1-ому способу -(существительное + существительное): *оҳангархона* «кузница», *бандихона* «тюрьма», *кирмакхона* «место содержания шелкопряда» [75,154], из 2-ой группы (прилагательное + существительное) *росткунча* «прямоугольник», *яккахочагӣ* «общее хозяйство» [75,156], из III группы– сходные с отглагольными словосочетаниями [75,157], по 3-ему способу (существительное+ причастие с окончанием *-а*) *коргарзода* «рабочий», *оббурда* «унесенный» [75,158]. При подробном рассмотрении приведенных примеров их можно расчленить на части, где далее в составе наблюдаются больше чем, указанные в определении два элемента. Например, *коргарзода* состоит из части *кор* (основа = корень, 1

элемент)+*гар* (морфема=суффикс, образующий существительные, 1 элемент) + *зода* (причастие, 1 элемент), что в итоге составляет три элемента. Это показывает, что кроме основ-корней, являющихся равноправными, в данных лексических единицах присутствуют также различные деривативные элементы - различные суффиксы, к примеру - *гар*, - *гӣ*. Существование деривативных морфем в составе сложноподчиненного существительного доказывает, что определение требует внесения изменений и дополнительного исследования, либо данные лексические единицы следует внести в разряд смешанных существительных. В определении необходимо более четко пояснить слово «часть» - охватывает ли данное слово все составные части слова: самостоятельные лексические единицы, словообразующие элементы (*хонабарандоз* = *хона*+*бар*+*андоз*) или имеется в виду два слова, независимо от их формы? Следует отметить, что по данному вопросу целесообразно осуществить всестороннее и глубокое исследование ученых.

Таджикский языковед С. Хоркашев в книге “Развитие лексического состава и словообразования” вносит некоторую ясность по этому сложному вопросу и разделяет слова на сложные (*мактабхона* «школа», *гуфтугӯ* (прилагательное), *оҳиста* – *оҳисталл* «медленно» (наречие образа действия)), трёхсоставные (*пахтаи пунбадонадор* «хлопок с семенами» (прилагательное)), смешанные (*фатири равганизардӣ* «лепёшка, в составе которой сливочное масло» (прилагательное)) и сложные слова, образованные посредством суффиксов (*нонпазӣ* «хлебопекарство» (существительное)) [83, 59].

Исследователь С. Ганизода, опираясь на исследования европейских и российских учёных, в своём исследовании по вопросу ономаσιологического состава сложных слов таджикского языка, принимает во внимание “общность глубинных отношений состава предложения” и “контекста” и считает производные слова

“продолжением синтаксического процесса” (51, 31-32). С. Ганизода на основании “смыслового толкования источника сложных слов” считает, что “производные слова” означают не только смысл “непосредственно обоснующих слов”, но и “охватывают также и их сопутствующие значения” (51, 30). Данное утверждение в таджикском языкознании является предметом научных споров и утверждать их обоснованность не представляется возможным.

Данное несоответствие теоретической части с представленными в ней примерами Ш. Рустамов в книге «Имя существительное» несколько раз отмечал в отношении А. Халилова [75, 146], М. Турсунова [75, 148]. Можно прийти к выводу, что критические замечания того или иного ученого возникли не в силу полного и глубокого исследования темы, а попросту по причине отсутствия достаточных примеров, обоснующих теоретическую часть. Существование разных мнений, предположений и отсутствие обоснованной доказательной системы свидетельствует об актуальности дальнейших исследований в данном направлении языковедения. Однако, в вопросе исследования способов образования сложноподчиненных существительных в поэзии Хафиза Ширази мы следовали научным нормам и требованиям словообразования, приведенных в книге “Имя существительное” Ш. Рустамова и “Грамматика современного литературного таджикского языка”. В вышеупомянутых книгах в целом представлены три группы модели образования, делящихся в свою очередь, на так называемые модели [50, 122] образования сложноподчиненных существительных. Первая группа состоит из трех моделей, вторая группа состоит из четырех моделей, третья группа из пяти моделей словообразования.

В первую группу сложноподчиненных существительных входят производные слова, построенные путем усечения изафета, где первая часть является основной, вторая часть – зависимой.

1. Существительное+существительное. Данный способ словообразования является в современном таджикском языке

продуктивным, а в период творчества Хафиза не являлся продуктивным, так как в его поэзии встречаются крайне редко, в количестве одиннадцати лексических единиц, из которых в производных словах *сарчаиша* «источник, родник», *сарзамин* «край», *сармоя* «богатство», *саранцом* «начало», *шахсавор* «скакун» имеется два исконно таджикских слова, в лексических единицах *сарманзил* «местожительство», *сарҳалқа* «глава», где основа является исконно таджикским словом и вторая составная часть арабского происхождения, в лексической единице *соҳибдил* «праведник» основа арабского происхождения и зависимая часть исконно таджикская, в двух лексических единицах *соҳибхабар* «знаток», *соҳибгараз* «недоброжелатель» обе составные части слова являются исконно арабской лексикой.

Сложноподчиненное существительное *сарҳалқа* состоит из основной, независимой части, исконно таджикского слова *сар* и зависимой части - арабского слова *ҳалқа* и может иметь форму *сарихалқа*, но не может означать “начало кольца”, либо иносказательного “сообщества, собрания” [31, 170]. В данном производном слове *сар* означает «глава, предводитель» [31, 206] и обе части в составе сложноподчиненного существительного означают в двустишии Хафиза «предводитель собрания вольнодумцев»:

Дар хирқа чу отаи задӣ, эй солики ориф,

Чаҳде куну сарҳалқаи риндони чаҳон бои! [45, 283]

«Сжег ты одежду власяную, о, суфий просвещённый,

Сверши ты подвиг, стань **предводителем** вольнодумцев!»

Следует привести слова Ш. Рустамова, что “Правильный грамматический анализ слова возможен только при правильном определении значения его составных частей” [75, 148].

Морфологический анализ сложносоставных слов показывает, что в поэзии Хафиза Ширази было распространено образование сложноподчиненного существительного путём использования двух арабских лексических единиц:

*Эй беҳабар, бикӯш, ки соҳибхабар шавӣ,
То роҳрав набоӣш, кай роҳбар шавӣ ? [45, 487].*

«Ничего не ведающий, стать знатоком ты постарайся,
Пока путь не одолеешь, не станешь ты главой».

В ходе исследования было выяснено, что сложноподчиненные существительные *сарҳалқа, соҳибдил, соҳибгараз* по своему значению являются исключительными качествами человека, однако, в силу своего поэтического таланта, Хафиз заменил ими обозначение самого лица.

2. Существительное+прилагательное. Второй способ первой группы образует сложноподчиненные существительные посредством усечения изафета с именами существительными и прилагательными. Данный способ в современном таджикском языке считают малопродуктивным [50, 122] и непродуктивным [75, 151]. Ш. Рустамов, фиксируя 11 лексических единиц, отмечает, что количество слов, образованных подобным образом, малочисленно [75, 152]. В «Грамматике современного литературного языка», за исключением 10 слов из книги «Имя существительное» (слово *чомакуҳна* «старый халат» не приводится), добавлено 5 сложноподчиненных существительных, среди которых слово *сипаҳсолор* «военачальник» [50, 121] образовано не усечением изафета, а посредством образования неизафетных словосочетаний, так как словосочетание *сипоҳи солор* не дает значения «командующий войсками», которое в свою очередь образовано от словосочетания *солори сипоҳ* «предводитель войска».

Подобный способ образования сложноподчиненных существительных в поэзии Хафиза также является непродуктивным и встречается в лексических единицах *номасиёҳ* «грешник», *чигарташина* «томимый жаждой человек». В лексической единице *номасиёҳ* основа *нома* подчинила себе зависимую часть - прилагательное *сиёҳ*:

*Ман арчи ошиқаму ринду масту номасиёҳ,
Ҳазор шукр, ки ёрони шаҳр беғунаҳанд [45, 201].*

«Хоть я влюбленный, ринд, пьянчужка и грешник,

Сто раз хвала, что возлюбленные города безгрешны».

Сложноподчиненное существительное *чигарташина* состоит из имён существительного и прилагательного, которые являются исконно таджикскими лексическими единицами:

Намекунам гилае, лек абри раҳмати дӯст,

Ба киштазори чигарташинагон надод наме [45, 471].

«Не сетую я, но облако милости любимой,

Не увлажнило поля **жаждою томимых**».

Статистический анализ показывает, что данный способ образования сложноподчиненных имен существительных в поэзии Хафиза осуществлен посредством как исконно таджикских, так и арабских лексических единиц. Большинство из этих сложноподчиненных существительных являются в действительности прилагательными, в поэзии Хафиза они выполняют функции существительного.

3. **Существительное+причастие.** Данный способ словообразования в поэзии Хафиза Ширази не встречается.

Вторая группа сложноподчиненных существительных сходна с неизафетными словосочетаниями, где первая часть является зависимой, а вторая основной. Данная модель образования сложносоставных слов в поэзии Хафиза используется весьма широко. В данной группе существует четыре модели образования слов: существительное + существительное, прилагательное + существительное, числительное + существительное, причастие + существительное [75,152-157]; [50,123-124]. Рассмотрим сложносоставные слова поэзии Хафиза в соответствии с данными моделями:

1.Существительное+существительное. Данная модель в поэзии Хафиза является одной из самых активных моделей словообразования. Существительное *хона* «дом» является одним из продуктивных существительных, подчинивших себе и исконно таджикские, и арабские лексические единицы, образовав ряд сложноподчиненных существительных, означающих место: *майхона* «винный дом», *бутхона*

«дом идолов», *камонхона* «оружейный дом», *ганҷхона* «казна», *корхона* «мастерская», *ниҳонхона* «могила», *хумхона* «винный погреб», *шаробхона* «винная лавка», *шифохона* «лечебница», *тарабхона* «место увеселений», *тамошохона* «театр».

Сложноподчиненное существительное *майхона* в значении «винный погреб, винный дом, винная лавка, место распития вина» [30, 625; 32, 747] встречается в поэзии Хафиза очень часто:

То абад бӯи муҳаббат ба машомаи нарасад,

Ҳар ки хоки дари майхона ба рухсора наруфт [45, 81].

«Не вдохнет тот аромата любви до скончания веков,

Кто пыль **погреба** винного лицом не подметал».

В сложноподчиненном слове *майхона* основная часть *хона* подчинило вторую часть – *май* «вино». *Хона* в составе данного сложносоставного существительного означает «место», *май* – определяющее назначения данного места. Однако существительное *май*, по утверждению Хуррамшахи, в поэзии Хафиза является синонимом любви и имеет три значения: *майи ангурӣ* «любовь к вину», *ирфонӣ* «любовь к истине», *адабӣ* «любовь к поэзии» [33, 193]. В связи с этим, при пояснении и толковании сложносоставных слов с существительным *май* в поэзии Хафиза необходимо придавать особое и тщательное внимание значению данного слова. Например, если в бейте:

Зи хонақоҳ ба майхона меравад Ҳофиз,

Магар зи мастии зуҳду риё ба ҳуш омад [45, 175].

«Из обители суфиев в **винный дом** идет Хафиз,

Наверно, от опьянения праведности и двуличья протрезвился»

оно приводится в его прямом значении места продажи вина и лавки, то в следующем бейте:

Дӯш дидам, ки малоик дари майхона заданд,

Гили одам бисиританду ба паймона заданд [45, 184].

«Вчера я видел, как ангелы постучались в двери **лавки**,

Из глины создали человека и в кубок превратили»

оно приводится в иносказательном смысле. В первом бейте составная зависимая часть *май* понимается как место виноградного вина, во втором случае понимается как вино поэзии. Также в поэзии Хафиза сложноподчиненные существительные *хумхона* и *шаробхона* используются как синонимы слова *майхона*, и при их изучении и грамматическом анализе необходимо принимать во внимание все три значения зависимых частей сложносоставного слова.

Другими сложноподчиненными существительными, встречающимися в поэзии Хафиза, являются *шифохона* и *камонхона*, употребленные поэтом не в прямом, а в переносном смысле:

Дили моро, ки зи мори сари зулфи ту бихаст,

*Аз лаби худ ба **шифохонаи торик** андоз [45, 264].*

«Сердце наше, уползшее от локона змеиного твоего,

Устами своими в **лечебницу** темную заключи».

Сложноподчиненное слово *шифохона* в составе словосочетания *шифохонаи торик* не приводится в прямом значении – место лечения больных, лечебница. Данное сложносоставное слово, встречающееся у Хафиза всего лишь один раз, в самостоятельной позиции и в составе словосочетания Камолом Худжанди использовано в трех случаях: *шифохонаи дард* «лечебница болезней» [34, 227], *шифохонаи Исо* «лечебница Исы» [34, 356], *шифохонаи эхсон* «благотворительная лечебница» [34, 1]. Из приведенных примеров *шифохонаи Исо* более ближе по смыслу с *шифохонаи торик*. В “Словаре поэзии Камола” словосочетание *шифохонаи Исо* пояснено следующим образом: иносказательно “животворящие и оживляющие уста любимой”:

З-он зулф ба дардам шуда ранчур чу Айюб,

*Аз лаб шакаре дех, ки **шифохонаи Исост** [46,34].*

«От локона черного стал я больным, как Айюб,

Дай мне лекарство уст своих, ибо это **лечебница Исы**».

Можно сделать заключение, что сложноподчиненное существительное *шифохона* при употреблении в самостоятельном виде имеет прямое

значение, а в составе словосочетания *шифохонаи торик* получает переносный, иносказательный смысл.

В следующем бейте сложноподчиненное существительное *камонхона* в составе словосочетания *камонхонаи абру* приводится не в значении «край лука; край похожий на изгиб лука» [27, 535], «место хранения лука, колчан» [31, 589], а в переносном – лоб, глаза и лицо человека, в профиле похожего на изгиб лука, и где находятся брови, похожие на лук:

*Дил, ки аз новаки мижгони ту дар хун мегаишт,
Боз муштоқи камонхонаи абруи ту буд [45, 210].*
«Сердце, излившееся кровью от стрел ресниц,
Опять влюблено в изгибы бровей лица твоего».

В поэзии Хафиза встречаются следующие сложноподчиненные существительные: *меҳргийёҳ* «женьшень», *зиндадил* «бодрый, радостный», *гулбонг* «звон; напев», *гулоб* «вино; слёзы», *рӯзнома (номаи аъмол)* «книга деяний», *цигаргӯша* «родной, близкий», *кулоҳгӯша* «уголок головного убора», *дастранҷ* «плата за труд», *нӯшлаб* «сочные губы красавицы», *муғбача* «юноша-кравчий», *тарсобача* (синоним *муғбача* «юноша кравчий, христианин», *суманбӯ* «благоухающий». Приведенные сложноподчиненные существительные использованы Хафизом в функции имен материальных, имен лиц, в составе словосочетаний, в единственном и множественном числе:

а) имена неодушевленные - *гулоб*, *кулоҳгӯша*, *меҳргийёҳ* (в переносном смысле «пушок над губой»):

*Набуд чангу рубобу набиду уд, ки буд,
Гили вучуди ман огуштаи гулобу набид [45, 232].*
«Не было чанга, рубаба, вина и уда, ведь
Суть моего существа в вине и слезах».
*Ба бод деҳ сару дастори оламе, яъне
Кулоҳгӯша ба оини сарварӣ бишкан [45, 400].*

«Выкинь на ветер чалму и сан мирской, и так

Край своего убора согни, как предводитель».

Сабзаи хатти ту дидему зи бустони бихишт

Ба талабгориш ин мехргийёҳ омадаем [45, 368].

«Увидев цветущий край твой из сада райского,

Пришли, нуждаясь мы за пушком твоим».

б) имена абстрактные– *гулбонг, рӯзномаи аъмол, дастранҷ:*

Дигар зи шохи сарви сикҳи булбули сабур

Гулбонг зад, ки чаими бад аз рӯйи гул ба дур [45, 254].

«Потом с куста кипариса стройного соловей терпеливый,

Запел **напев**, чтоб глаз дурной от лика цветка был подальше».

Обе ба рӯзномаи аъмоли мо фишон,

Бошад тавон сутурд ҳуруфи гуноҳ аз ӯ [45, 414].

«На **книгу деяний** наших воду ты спусти,

Чтоб смыть греховные слова с ее страниц».

Дастранҷи ту ҳамон беҳ, ки шавад сарф ба ком,

Донӣ охир, ки ба ноком чӣ хоҳад будан [45, 392].

«**Плата за труд** пусть будет потрачена на удовольствия,

Ведь знаешь, что бывает с неудачниками».

в) имена лиц в единственном числе, в составе словосочетаний в единственном и множественном числе –*камонабрӯ, гулруҳ, муғбача, нӯшлаб, зиндадилон, суманбӯён, парирӯён, ҷигаргӯшаи мардум, тарсобачаи бодафурӯш:*

Чу бед бар сари имони хеш меларзам,

Ки дил ба дасти камонабрӯест кофаркеш [45, 290].

«Как ива дрожу над верой своей,

Ведь сердце мое в руках неверной **лукобровой**».

Ҳар гули нав зи гулруҳе ёд ҳамекунад, вале

Гӯши суханишав кучо, дидаи эътибор ку ? [45, 415].

«Каждый новый цветок вспоминает о **любимой**, но

Где ж преданные слушатели, где зрители его?».

Ман ба хаёли зоҳидӣ гӯшанишину турф он- к

Музбачае зи ҳар тараф мезанадам ба чангу даф [45, 296].

«Сижу я в думах отшельничества, но удивительно то,
Что **кравчий** со всех сторон бьет в чанг и барабаны».

Мафрӯш ба боги Ираму нахвати Шаддод

Як шиша маю нӯшлабеву лаби кишите [45, 437].

«Не продавай за сад Ирама и надменность Шаддада,
Бутылку вина, **губы сладкие** и поле цветущее».

Чамоли каъба магар узри раҳравон хоҳад,

Ки чони зиндадилон сӯхт дар биёбонаш [45, 280].

«Краса Каабы, верно, хочет покаянья путников,
А ведь душа **беспечная** сгорела в ее пустыне».

Суманбӯён губори гам, чу бинишинанд, бинишонанд,

Парирӯён қарор аз дил, чу бистезанд, бистонанд [45, 195].

«Благоуханные присев, печали сердца утихомирят,
С ликом ангела, разозлившись, покой из сердца украдут».

Мехӯрад хуни дилам мардумаки дида, сазост,

*Ки чаро дил ба **цигаргӯшаи** мардум додам* [45, 317].

«Поделом мне, зеницу ока заливает кровь из сердца,
Зачем отдал я сердце безумное близким людям».

*Нағз гуфт он бути **тарсобачаи** бодафурӯш,*

Шодиш рӯи касе хӯр, ки сафое дорад [45, 127].

«Промолвил тот красавец, христианин-виночерпий,
Радуйся облику того, кто чист душой».

Следует отметить, что некоторые сложноподчиненные существительные в поэзии Хафиза находятся в составе словосочетаний, обе составные части которых являются исконно таджикскими. К примеру, сложноподчиненное существительное *гулбонг*: *гулбонги дилафгорон* «плач влюблённых» [45,43], *гулбонги сарбаландӣ* «напев гордости» [45, 154], *гулбонги ҷавонони ироқӣ* «напев иракских юношей» [45, 461], *гулбонги паҳлавӣ* «пехлевийский напев» [45, 488].

Среди сложносоставных слов поэзии Хафиза также существуют слова, в которых основная часть является арабским словом, зависимая часть – персидско-таджикским: *сарвқад*, *сарвқомат* - «стройная, со станом кипариса»:

Ҳар сарвқад, ки бар маҳу хур ҳусн мефурӯхт,

Чун ту даромадӣ, пайи кори дигар гирифт [45, 85].

«Каждая **стройная станом**, красой подобная луне и ангелам,

Лишь ты вошла, осталась не удел».

Мани гадо ҳаваси сарвқомате дорам,

Ки даст дар камараш чуз ба симу зар наравад [45, 223].

«Я нищий, мечтаю о **красавице, стройной станом**,

С руками на поясе, играющей только серебром и золотом».

Также в сложносоставных словах поэзии Хафиза встречаются слова, состоящие из персидско-таджикской основной части и арабской зависимой составной части слова: *давлатпаноҳ* «человек, приносящий счастье», *давлатсаро* «дворец», *кофардил* «неверный». Данные производные существительные также использованы для обозначения имён лиц:

Ёрони ҳамнишин ҳама аз ҳам ҷудо шуданд,

Моему остонаи давлатпаноҳи ту [45, 410].

«Верные возлюбленные все расстались друг с другом,

Вот мы, а вот твой порог, **приносящий счастье».**

Дурам ба сурат аз дари давлатсарои ту,

Лекин ба ҷону дил зи муқимони ҳазратам [45, 314].

«Далек я ликом от дверей твоего **дворца**,

Однако всей душой я близок к господину».

Хуни мо хӯрданд ин кофардилон,

Эй мусалмонон, чӣ дармон, ал-Ғиёс! [45, 96]

«Испили нашу кровь эти **неверные** совсем,

О, верующие, где снадобье, на помощь!».

В поэзии Хафиза также встречаются сложносоставные слова, состоящие из обеих арабских составных частей: *голияхат* «благоуханный почерк», *соҳибназар* «ценитель», *охирзамон* «настоящее время». Несмотря на небольшое количество, они указывают на бесспорное влияние арабского языка на персидско-таджикский язык.

Он голияхат гар сӯйи мо набиштӣ,

Гардун варақи ҳастии мо дарнанаваштӣ [45, 437].

«Если **благоуханным почерком** напишешь ты нам,

Не станет уже писать судьба нашу участь».

Дӯстон айби мани бедили ҳайрон макунед,

Гавҳаре дораму соҳибназаре мечӯям [45, 380].

«Друзья, не вините меня влюбленного и растерянного,

Есть у меня жемчужина, ищу **ценителя** я».

Хоҳам шудан ба кӯи мугон остинфишон,

3-ин фитнаҳо, ки домани охирзамон гирифт [45, 86].

«Стану на сторону обители огнепоклонников я,

От козней и интриг, что наступили **в эти дни**».

Также в поэзии Хафиза встречается два сложноподчиненных существительных, зависимая часть которой индийского происхождения: *шакардаҳан* «сладкоустая», *шакархоб* «сладкий сон»:

Бо дуои шабхезон, эй шакардаҳон, мастез,

Дар паноҳи як исм аст хотами сулаймонӣ [45, 485].

«Не гневайся на молитвы, ночью молящихся, сладкоустая,

Оберегает всех одно слово сулейманова кольца»

То кай майи сабӯҳу шакархоби бомдод?!

Ҳушёр гард, ҳон, ки гузаит ихтиёри умр [45, 253].

«До *каких пор* кувшин вина и **сладкий** утренний **сон**,

Эй, ты, будь трезв умом, ведь жизнь проходит».

2. Прилагательное+существительное. Вторая модель II группы образуется посредством имени прилагательного и существительного. В данной модели вторая составная часть является основной, первая часть

слова – зависимой. Количество данных сложноподчиненных слов, образованных подобным способом в поэзии Хафиза немногочисленно.

а) исконно таджикская основа + таджикская основа.

Сложноподчиненные слова *кӯтаҳостин* – «короткие рукава», *тангдаст* – «нищий, бедный», *шириндаҳан* – «сладкоречивый», являются прилагательными, определяющие какое-либо качество человека; *тундбод* – «ураган», *гирдоб* – «пучина», *навбахор* – «весенняя пора», *навгул* – «любимая», *поксиришит* – «благородный», *хастадил* – «угнетенный», *тирашаб* – «темная ночь», *тангдаст* – «неимущий», *хушдил* – «веселый», *хубрӯ* – «красивый», *сиёҳкор* – «подлый, злой», *сияҳкоса* – «скупой, низкий», *шириндаҳан* – «сладкоречивый», в которых составляющими частями являются исконно таджикские прилагательные и существительные. Приведенные нами сложносоставные слова употреблены как отдельно, так и в составе словосочетаний:

Ба гирдобе чу меафтодам аз гам,

Ба тадбириши умеди соҳиле буд [45, 218].

«Когда в **пучину** печали я попадал,

Всегда была надежда выбраться на берег».

Зи тундбоди ҳаводис наметавон дидан,

Дар ин чаман, ки гуле будааст, ё сумане [45, 481].

«От **урагана** роковых событий невозможно увидеть,

В саду цветущем, что растет цветок или жасмин».

Дар тирашаби ҳачри ту ҷонам ба лаб омад,

Вақт аст, ки ҳамчун маҳи тобон бадар оӣ [45, 491].

«В **ночь темную** разлуки с тобой пришел в уныние я,

Пришло время, чтобы, словно луна сияющая, вошла ты».

В поэзии Хафиза Ширази наблюдается особенность использования сложноподчиненных существительных во множественном числе:

Ба зери далқи муламмаъ камандҳо доранд,

Дароздашти ин кӯтаҳостинон бин [45, 404].

«Под рясой пёстрой есть у них арканы,

Ты посмотри на руки длинные в **коротких рукавах**».

Ҳофиз висол металабад аз раҳи дуо,

*Ё Раб дуои **хастадилон** мустаҷоб кун [45, 397].*

«Хафиз, о встрече требует, молясь усердно,

О, Боже, внимли мольбам **угнетенных** сердец».

Аз ҳасрати даҳонаш омад ба танг чонам,

*Худ коми **тангдастон** кай з-он даҳан барояд? [45, 335]*

«От печали разлуки уст её сердце мое угнетено,

Когда ж достигнут **бедняки** цели из уст её?».

*Ҳофиз зи **хубрӯён** бахтат чуз ин қадар нест,*

Гар нестат ризое, ҳукми қазо бигардон [45, 385].

«Хафиз, коль от **красавиц** счастье нет такого,

Чтоб радовался ты, судьбы переверни решенье».

Биё ба майкадаву чеҳра аргувонӣ кун,

*Марав ба савмаа, к-он чо **сиёҳкоронанд** [45, 197].*

«Приходи в винный погреб, укрась лицо румянцем,

Останься, не ходи ты в келью, там лишь **подлецы**».

*Гарчи **шириндаҳанон** подшаҳонанд, вале*

Ў Сулаймони замон аст, ки хотам бо ўст [45, 56].

«Хотя **сладкоречивые** – правители везде, однако,

Он Соломон сейчас, величие при нём».

В сложноподчиненных существительных *хушдил* и *парешондил*, состоящих из двух составных частей – основы существительного и зависимой части - прилагательного, в поэзии Хафиза они считаются антонимами:

*Ман агар комраво гаштаму **хушдил**, чӣ аҷаб,*

Мустаҳиқ будаму инҳо ба закотам доданд [45, 183].

«Когда достиг я цели и веселым стал, что удивительного,

Ведь я достоин этого и дали мне закятom это»

Булбуле хуни диле хӯрду гуле ҳосил кард,

*Боди гайрат ба садаш хор **парешондил** кард [45, 134].*

«Соловей, питаюсь кровью сердца, цветок на свет породил,
Ветер сотней колючек цветок тот **растревожил**».

Прилагательное *нав* является зависимой частью, участвующей в образовании двух сложноподчиненных существительных: *навбахор* «весенняя пора» и *навгул* «имялица, любимая»:

*Чӣ чаврӯҳо, ки кашиданд булбулон аз дай,
Ба бӯи он ки дигар **навбахор** бозояд [45, 238].*

«Какие муки соловьи от зимы испытали,
Все ожидая аромата, что придет **весенняя пора**».

*Забури шиқнавозӣ на кори ҳар мургест,
Биёву **навгули** ин булбули газалхон бош [45,272].*

«Псалмы любви не дело каждой птицы,
Приди и стань **любимой** этого певчего соловья».

В сложносочиненном существительном *поксиришит* наблюдается преобразование глаголов в существительные, так как простое слово *сиришит* является глагольной основой прошедшего времени (от инфинитива *сиришитан* - «создавать»), синонимом слов *офарид*, *сохт* – “построил”, “создал”, которое в ходе словообразования имен существительных утратило функции и семантическое значение глагола:

*Олудагши хирқа харобиш чаҳон аст,
Ку роҳраве, аҳли диле, **поксиришите** ? [45, 437]*

«Порок и грязь одежды власяной об упадке мира говорят,
Где ж путники, истинные знатоки, **благородства** мужи?».

В следующем бейте существительное *коса* подчинило прилагательное *сиях* и образовало сложноподчиненное существительное, означающее абстрактное имя существительное:

*Бирав аз хонаи гардун бадару нон маталаб,
К-он **сияхкоса** дар охир бикӯшад меҳмонро [45, 9].*

«Прочь иди из обители мирской, не требуй хлеба,
Ведь этот **скупец** в конце концов гостя заморит голодом».

Сложносоставное существительное *сияхкоса* означает в переносном смысле скупого, жадного человека [27, 241], которое в прямом контексте является прилагательным, однако в вышеприведенном бейте стало именем существительным.

б) исконно таджикская лексика + арабская лексика. Среди сложноподчиненных имен существительных в поэзии Хафиза есть слова с основой – существительными арабского происхождения, к примеру: *хучастатолель* «счастливчик», *равшанрой*– «просвещенный», *покдин* «истинный верующий», *сустназм* «немошный», *наварӯс* «новобрачная, невеста», *сабзхат* «юноша, юнец». Среди перечисленных имен существительных, означающих лица, о существительном *наварӯс* в составе словосочетания *наварӯси чаман* не имеется сведений о принадлежности к имени лица, абстрактным или материальным именам существительным:

Май дех, ки наварӯси чаман ҳадди хусн ёфт,

Кор ин замон зи санъати даллола меравад [45, 225].

«Дай вина, ведь **новобрачная** сада достигла красоты,
Сейчас же время свахи-посредницы наступило».

Поэт использовал словосочетания *наварӯси чамани санъати даллола*, которые не могут быть пояснены друг без друга. Если посмотреть прямое значение словосочетания *санъати даллола* «услуги сватки, свахи–посредницы, сватание» и *наварӯси чаман* в его прямом смысле (новобрачная, вышедшая на прогулку сада, прекрасная, расцветшая после брака), то можно пояснить их как имена лиц. Рассматривая переносное значение данных словосочетаний, можно констатировать, что оба относятся как к именам материальным, так и абстрактным. Невозможно обосновать это примерами из поэзии Хафиза, так как словосочетание *санъати даллола* и сама лексическая единица *даллола* встречается всего один раз. Можно встретить слово *даллола* в поэзии Мавляна Джалалуддина Балхи, имеющее два значения и далее приводится только переносное, иносказательное значение:

*Даллола чун сабо шуд, аз хор гул ҷудо шуд,
Борон наботҳоро дар бог имтиҳон аст [168].*

«Когда **сватья** стала ветром, колючки от цветка отстали,
А дождь растениям в саду устраивал экзамен».

*Даллола кист? Иблис ин арӯси дунёро,
Арӯсро ту қиёсе бикун зи даллола [168].*

«Кто же **сватья**? Иблис этого мира невесты,
Невесту отличи ты от сватьи».

То есть, если понимать под словосочетанием *санъати даллола* *санъати сабо*, тогда словосочетание *наварӯси чаман* может означать молодой кипарис или самшит, и сложноподчиненное существительное *наварӯс* является неодушевлённым именем существительным. Если же понимать *санъати даллола* в значении «обманчивый блеск Иблиса», тогда *наварӯси чаман* можно понимать как переносное “мирские желания” и отнести его к абстрактным существительным.

Другие сложноподчиненные существительные в поэзии Хафиза, означающие имена лиц, образованные также данным способом словообразования:

*Ку пайки субҳ, то гилаҳои шаби фироқ
Бо он хуҷастатоле (ъ)и фархундапай кунам [45, 352].*

«Где рассвета следы, чтоб рассказать о ночи разлуки,
С той **счастливицей**, приносящей счастье».

*Дил, ки оинаи шоҳист, губоре дорад,
Аз Худо металабам суҳбати равшанроӣе [45, 494].*

«На сердце, словно на зеркале, имеется осадок,
Бога прошу в собеседники **просвещённого** дать мне человека».

*Ҳасад чӣ мебарӣ, эй сустназм бар Ҳофиз,
Қабули хотиру лутфи суҳан худодод аст [45, 36].*

«Зачем завидуешь Хафизу, ты **слабый духом**,
Разум уникальный и речи красота есть божий дар».

Айёми шабоб аст, шароб авлитар,

Бо сабзхатон бодаи ноб авлитар [45, 535].

«Время молодости, но вино превосходней,

С **юношами** чистое вино превосходней».

Кудурат аз дили Ҳофиз бибурд суҳбати дӯст,

*Сафои ҳиммати покону **покдинон** бин* [45, 404].

«Из сердца Хафиза беседа друзей стерла обиду,

Узри чистоту милости благочестивых и **праведников**».

в) арабская лексическая единица+арабская лексическая единица.

Синоним слова *сиҳиболо* «стройный» в бейте Хафиза приводится во множественном числе *сиҳиқадон* «стройные станом», в котором обе составные части *сиҳӣ* – зависимое, и *қад* – основное, являются арабскими:

*Чандон бувад карашмаву нози **сиҳиқадон**,*

К-ояд ба чилва сарви санавбархироми мо [45, 12].

«Сколько жеманства и кокетства у **стройных станом**,

Оттого, что пришел в движение наш стройный кипарис».

3. Числительное+существительное. Третий способ образования сложноподчиненных существительных осуществляется при участии числительного и существительного. Данный способ словообразования сложносоставных существительных в современном таджикском литературном языке считается малопродуктивным [75, 156; 50, 124]. В данной группе слов числительное является зависимой частью, а существительные – основной составной частью. В поэзии Хафиза слова по данному способу словообразования малопродуктивны и малочисленны: *якранг* «в значении человека, верного своему слову, антоним лицемерного человека», *яксӯ* «в значении “уйти в сторону”, “закончиться »»:

Существительное *якранг*, употребленное во множественном числе, относится к именам лиц:

*Бар дари майхона рафтан кори **якрангон** бувад*

Худфурӯшонро ба кӯйи майфурӯшон роҳ нест [45, 71].

«К дверям таверны идут лишь **верные слову люди**,

Продажным лицемерам к виноторговцам нет пути».

Рӯза яксӯ шуду ид омаду дилҳо бархост,

Май зи хумхона ба чӯш омаду май бояд хост [45, 20].

«Закончен пост и праздник наступил, сердца воспрянули,

Вино в кувшинах закипело, пора просить вина настала».

Следует отметить, что кроме сложносоставных слов, образованных от имен существительных и числительных и являющихся именами существительными, несколько сложносоставных единиц, образованных от имен существительных и числительных в поэзии Хафиза в соответствии с контекстом считаются именами прилагательными, которые нами рассмотрены в разделе «Сложносоставные прилагательные».

Третья группа образования сложноподчиненных существительных сходна с глагольными словосочетаниями, и в них больше наблюдается отношение предмета к действию [50, 124]. Данный способ словообразования в поэзии Хафиза Ширази и в современном литературном таджикском языке считается наиболее продуктивным. В данной группе слов существует пять моделей словообразования, однако мы рассмотрим только три из них, так как два других способа образуются посредством причастия из основы прошедшего времени глагола и суффиксов. По нашему мнению, лексические единицы, состоящие из более двух корней, а также суффиксов, относятся к смешанной группе слов.

1. Существительное + основа настоящего времени глагола. В современном литературном таджикском языке из имен существительных и основ настоящего времени глагола образуются все виды имен существительных, однако большая часть составляют имена лиц. Данная особенность наблюдается в поэзии Хафиза и следует отметить, что в упомянутых существительных первая часть слова является зависимой, а вторая основной.

Рассмотрим образование данных сложноподчиненных существительных:

а) **таджикская лексическая единица + таджикская лексическая единица.** В данной подгруппе обе составные части состоят из исконно таджикской **лексической единицы** и употребляются как в единственном, так и во множественном числе:

- **имена лиц, единственное число:** *хӯшачин, зардӯзу бурёбоф, диловар, додхоҳ, додгустар, оинадор, мичмарагардон, дурдошом, пардадор, чаманоро, бодафурӯш, майфурӯш, пиёланӯш, хокрӯб, дилдор, дилситон, дилбар, дилсӯз, хунрез, паймондеҳ, паймоншикан, шабнишин, роҳбар, шабрав, суханишинос, худошинос.*

Среди имен лиц есть существительные, которые в обычном контексте означают какое-то ремесло, профессию (*оинадор* - «парикмахер», *пардадор* - «сторож», *чаманоро* - «садовник», *майфурӯш* - «виноторговец», *пиёланӯш* - «виночерпий», *хокрӯб* - «уборщик», *хунрез* - «кровопускатель, палач»), однако в поэзии Хафиза, помимо названий ремесел и профессий, они имеют и другое значение:

Эй, офтоб оинадори чамоли ту,

Мушки сиёҳ мичмарагардони холи ту [45, 409].

«О, ты, чью красоту солнце **украшает,**

Черный локон родинку твою обвивает».

В вышеприведенном бейте существительное *оинадор* - «держатель зеркала», «парикмахер» выражает не ремесло, а действие, которое поэт относит к солнцу.

В нижеприведенном бейте поэт ремесло сторожа, привратника присвоил ветру:

Ман кӣ бошам дар он ҳарам, ки сабо

Пардадори ҳарими ҳурмати туст [45, 567].

«Кто я в гареме том, где ветер,

Привратником чести хранящим стоит».

Сложноподчиненные существительные *чаманоро* «садовник», *хокрӯб* «уборщик», *хунрез* «кровопускатель, палач» в обычном контексте означают название ремесел, однако в поэзии Хафиза они получили необычные значения и поэт мастерски удостоил ими помимо лиц и другие понятия. К примеру, словом *чаманоро* Хафиз удостоил Бога, Всевышнего:

*Ман агар хораму гар гул, **чаманорое** ҳаст,*

Ки аз он даст, ки ӯ мекашадам, мерӯям [45, 380].

«Будь я колючкой, будь цветком, есть там **Садовник**,

Чьими руками я посажен и расту».

В следующем бейте поэт уподобил в переносном смысле части тела ремеслу или действиям, к примеру, «полет ресниц» – действиям уборщика, «безжалостность человека» - движениям глаз:

Гар чунин ҷилва диҳад мугбачаи бодафурӯш,

***Хокрӯби** дари майхона кунам мижгонро [45, 9].*

«Пленяюсь жеманством юноши - продавца вина,

Я погреба порог ресницами бы подметал».

Чашмат ба гамза моро хун хӯрд, меписандӣ,

*Ҷоно, раво набошад **хунрезро** ҳимоят [45, 94].*

«Нравится тебе нас игривостью глаз изводить,

Душа моя, не стоит **палача** так защищать».

В других случаях поэт прибегает к использованию имен лиц, означающих качество или предназначение (*додхоҳ* - «пострадавший», *додгустар* - «судья, начальник стражи», *суханишинос* – «ценитель слова», *худошинос* – «праведник, благочестивый», но не в обозначении качества, а как представителя того или иного ремесла:

*Баҳор мегузарад, **додгустаро**, дарёб,*

Ки рафт мавсиму Ҳофиз ҳанӯз май начашид [45, 233].

«**Судья**, пойми, проходит весна,

Уходят времена, а Хафиз так и не попробовал вина».

Нижеприведенное в качестве примера сложноподчиненное существительное состоит из частей *дод* – «справедливость» и основы настоящего времени глагола *хоҳ* (от инфинитива *хостан* – «хотеть») и означает «пострадавший», что является не ремеслом, а означает состояние человека:

*Чамоли бахт зи рӯи зафар ниқоб андохт,
Камоли адл ба фарёди додхоҳ расид* [45, 242].

«Красота счастья с победы маску сняла,
Справедливость мольбам **пострадавшего** вняла».

В другом бейте сложноподчиненное существительное *шабрав* «ночной путник», состоящее из существительного *шаб* и основы настоящего времени *рав* (от инфинитива *рафтан* – «идти»), означает качество человека – «хитрость и коварство», которыми поэт удостоил возлюбленную:

*Гуфтам, ки бар хаёлат роҳи назар бибандам,
Гуфто, ки **шабрав** аст ӯ, аз роҳи дигар ояд* [45, 236].

«Сказал, что мыслям твоим создам я преграду на обзор,
Сказала: ведь она **коварна**, придет другим путём».

Сложноподчиненные существительные *суханишинос* и *худошинос* также означают качество человека – поэта, ценителя слова и праведника:

*Чу бишнави сухани аҳли дил, мағӯ, ки хатост,
Суханишинос най, ҷони ман, хато ин ҷост* [45, 24].

«Услышав речи близкого, не молви, что неточно,
Ты не **знаток поэзии**, душа моя, ошибка в этом лишь».

*Насиби мост биҳишт, эй **худошинос**, бирав,
Ки мустаҳаққи каромат гуноҳкоронанд* [45, 193].

«Мы удостоены рая, о, праведник, уйди с пути,
Ведь грешники все нуждаются в милости».

-**имена лиц, во множественном числе:** *хароботнишинон, шабнишинон, бадандешон, гӯшанишинон, гӯшагирон, богкорон, дилбандон, шодхорон,*

дӯстдорон, камондорон, оинадорон, бӯсарабоён, ҳаводорон, тоҷдорон, чаҳондорон, меҳрварзон, раҳравон, сарбозон, дурдкашон, шабхезон.

Данные сложноподчиненные существительные означают качество, характерные особенности человека, в тексте они означают имена лиц и используются во множественном числе. К примеру, *хароботнишин* – «человек, сидящий в кабаке» (в переносном смысле). Однако, в поэзии Хафиза данное слово означает человека праведного и богобоязненного, обладающим истинным знанием:

*Бо хароботнишинон зи каромот малоф,
Ҳар сухан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад [45, 126].*

«Пред **праведниками** не говори о милости,
Каждому слову свое положение, каждой мысли значимость свое».

Сложноподчиненное существительное *шабнишин*, состоящее из существительного *шаб* и глагольной основы настоящего времени *нишин* (от инфинитива *нишастан* - «садиться, сидеть») означает человека, страдающего бессонницей, влюблённого:

*Хушаш бод он насими субҳгоҳӣ,
Ки дарди **шабнишинонро** даво кард [45, 130].*

«Сладок ему утренний, предрассветный ветерок,
Ставший лекарством для **страдающих без сна**».

Глагольная основа настоящего времени *нишин*, соединившись в существительным *гӯша* образовала сложноподчиненное существительное *гӯшанишин*, означающее человека праведного и набожного:

*Чун чашми ту дил мебарад аз **гӯшанишинон**,
Ҳамроҳи ту будан гунаҳ аз ҷониби мо нест [45, 69].*

«Когда глаза твои крадут сердца у **праведников**,
Быть вместе с тобой совсем не наша вина».

Сложноподчиненное существительное *гӯшагирон* не означает лицемеров, Хафиз использовал его в значении отшельников-праведников, ищущих истинный путь:

Гӯшагирон интизори ҷилваи хуш мекунанд,

Баршикан тарфи кулоҳу бурқаъ аз рух барфикан [45, 391].

«**Отшельники** - праведники ждут прекрасных деяний,

Ты угол шапки отодвинь, с лица сними покрывало».

Следует отметить, что поэт использует стилистический прием *ихом* (последовательную омонимию). Например:

Дило, ҳамеша мазан лофи зулфи дилбандон,

Чу тирарой шавӣ, кай кушоядат коре ?! [45, 444].

«Сердце, не хвастайся всегда о **локоне пленительном**,

Когда в печали ты, кто ж откроет тебе путь?».

Приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что Хафиз в большинстве случаев использовал сложноподчиненные существительные, означающие имена лиц во множественном лице.

-абстрактные существительные: *гиреҳбанд, дастрас, гӯшгузор, догдор, дастафшон, заминбӯс, пойбӯс, пойбанд, тахтабанд, раҳзан, раҳгузор, чарогафрӯз*. Каждая из составных частей приведенных сложноподчиненных существительных являются исконно таджикской лексикой и в поэзии Хафиза относятся к именам абстрактным. Например, слово *дастрас*, состоящее из конкретного существительного *даст* и глагольной основы настоящего времени *рас* (от инфинитива *расидан* – «касаться»), в нижеприведенном бейте превратилось в имя абстрактное:

Ба ҷони ӯ, ки гарам дастрас ба ҷон будӣ,

Камина пеикаши бандагонаш он будӣ [45, 442].

«Душе ее, наверно **доступной** только душам,

Покорным стану я рабом перед ними».

Множество других сложноподчиненных существительных использовано Хафизом в поэзии в качестве имен абстрактных:

Кас наёрад бари ӯ дам занад аз қиссаи мо,

Магараиш боди сабо гӯшгузоре бикунад [45, 188].

«Никто рядом с ней не рискует рассказать о нас,

Быть может, лишь ветер ей в ухо напоёт».

*Ман дӯстдори рӯи хушу мӯи дилкашам,
Мадҳуши чаими масту майи софи бегашам [45, 337].*
«Я - **любитель** прекрасного лица и ароматного локона,
Без памяти от глаз пьянящих, чистого, искрящего вина».

*На ин замон дили Ҳофиз дар оташи ҳавас аст,
Ки доғдори азал ҳамчу лолаи худрӯст [45, 59].*
«Не сейчас Хафиза сердце охвачено огнем желанья,
Ведь **заклейменный** судьбой, словно мак степной».

*Чавонӣ боз меорад ба ёдам,
Самои чангу дастафиони соқӣ [45, 461].*
«Молодость вновь напоминает мне,
Веселье чанга и **рукоплесканья** виночерпия».

*Малак дар саҷдаи Одам заминбӯси ту ният кард,
Ки дар ҳусни ту лутфе дид беш аз ҳадди инсонӣ [45, 477].*
«Ангел, поклоняясь Адаму, землю хотел целовать пред тобой,
Увидел он в красе твоей нежности больше, чем у человека».

*Ба пойбӯси ту дасти касе расид, ки ӯ,
Чу остона бад-ин дар ҳамеша сар дорад [45, 116].*
«**Поклонения** твоего удостоен лишь тот,
Кто порогом сделал голову у твоих дверей».

*Агар дилам нашудӣ пойбанди турраи ӯ,
Каяш қарор дар ин тира хокдон будӣ [45, 442].*
«Если сердце не стало **пленником** локона её,
Наступит ли покой ему в этой тёмной могиле».

*Чигуна тавф кунам дар фазои олами қудс,
Ки дар сарочаи таркиб тахтабанди танам [45, 343].*
«Как обежать мне пространство мира небесного, ведь
В мирке я этом связан телом, руками и ногами».

*Дар вафои шиқи ту машҳури хубонам чу шамъ,
Шабнишини кӯи сарбозону риндонам чу шамъ [45, 294].*
«В преданности любви я среди собрания прославлен, как свеча,

Путник ночи среди воинов и вольнодумцев, как свеча».

Чунон бизӣ, ки агар хоки раҳ шавӣ касро,

*Ғубори хотири аз **раҳгузори** мо нарасад* [45, 156].

«Живи так, когда станешь пылью у ног путника,

Не оставить и следа в памяти от нашего **пути**».

Чарогафрӯзи чашми мо насими зулфи чонон аст,

Мабод ин чамъро, ё Раб, гам аз боди парешонӣ [45, 477].

«Свет наших очей - ветерок от локонов любимой,

Боже, пусть минуют это собрание ветра разлуки».

б) **арабская лексика + таджикская лексика.** К данной группе слов относятся сложноподчиненные существительные, в которых первая составная часть является арабской лексической единицей, а вторая составная часть – исконно таджикской, выражающие имя деятеля (лицо), ремесло, характерные черты, абстрактные существительные:

- **имена лиц, единственное число:** *арбадачӯ, балогардон, аҳдишкан, қаробакаш, сабӯкаш, хуморкаш, насиҳатгӯ, маломатгӯ, муродбахш, чуръакаш, хилватнишин, миҷмарагардон, санохон, маслиҳатдид, хилофомад.*

В поэзии Хафиза сложноподчиненные существительные означающие качество или черту человека, употреблены в функции имени лиц. К примеру, *арбадачӯ* «потасовщик, пьяный драчун» является качеством человека. Однако Хафиз, в силу своего исключительного мастерства, употребил данное слово в отношении глаз – очей возлюбленной:

*Наргисаш **арбадачӯ**ву лабаш афсӯскунон,*

Нимашаб дӯш ба болини ман омад, биниаст [45, 21].

«Лихой задор в глазах ее, тоска в изгибе губ,

Пришла и села, милая, у ложа моего».

Сложноподчиненное существительное *аҳдишкан* «вероломная возлюбленная» Хафиз мастерски использовал для описания и локона и его владелицы – возлюбленной:

Чун зи насим мешавад зулфи бунафша пуришкан,

Ваҳ, ки дилам чӣ ёд аз он аҳдишкан намекунад? [45, 192].

«Когда от ветерка ломаются изгибы локона, как у фиалки,

Боже, чего же сердце не вспоминать о вероломной той?».

Глагольная основа настоящего времени *кашидан* вместе с арабскими существительными активно участвует в словообразовании сложноподчиненных существительных: *қароба* «стеклянный сосуд для воды и вина» + каш = *қаробакаш* - «любитель выпить», *чуръа* «определенное количество выпиваемой одним глотком воды и вина»+каш = *чуръакаш* – «виночерпий», *сабӯ* «кувшин вина»+каш = *сабӯкаш* – «пьющий из кувшина», *хумор* «похмелье» + каш = *хуморкаш* - «находящийся в состоянии похмелья».

Однако следует также отметить, что упомянутые сложноподчиненные существительные в поэзии Хафиза Ширази не ограничиваются смысловыми рамками и означают новые, удивительные понятия:

Дар аҳди подшоҳи хатобахши чурмпӯш

Хофиз қаробакаш шуду муфти пиёланӯш [45, 283].

«В правлении правителя милостивого и покрывающего грехи,

Хафиз вино черпал кувшином, а муфтий - пиалой».

В данном случае существительное *қаробакаш* означает в переносном смысле крайнее пьянство поэта и его беспамятство от вина правителя милостивого – Всевышнего.

В нижеприведенном бейте сложноподчиненное существительное *чуръакаш* в составе словосочетания *чуръакаши пиёла* дало возможность поэту создать новые поэтические образы, к примеру: *чуръакаши пиёла* и *шоҳ* означает «шах виночерпий, в руках которого весь мир»:

Додгари, туро фалак чуръакаши пиёла бод,

Душмани дилсиёҳи ту гарқа ба хун чу лола бод [45, 515].

«Правитель, пусть у тебя весь мир, как в кубке лишь глоток,

Твой злонамеренный враг пусть утонет в крови алой, как мак».

Глагольная основа настоящего времени *гуфтан* также активно участвует в образовании сложноподчиненных имен существительных, означающих имена лиц:

*Бирав муолиҷаи худ кун, эй **насиҳатгӯ**,*

Шаробу шоҳиди ширин киро зиёне дод [45, 113].

«Пойди, о, **назидатель**, и подлечи себя и свою душу,

Вино и собеседник сладкогласый еще не повредили никому».

Маломатгӯ чи дарёбад миёну ошиқу маъшук,

Набинад чаими нобино, хусус асрори пинҳонӣ [45, 477].

«Порицателю разницы нет меж влюбленным и возлюбленной,

Не видит глаз слепой, сокрытых тайн особых».

Использование с неопределенным артиклем *-е* сложноподчиненных существительных является одной из характерных особенностей поэзии Хафиза:

Дарунҳо тира шуд, бошад, ки аз гайб

*Чароге баркунад **хилватнишине** [45, 485].*

«Темень в душах, пусть бы с небес,

Светильник нам зажжет отшельник».

Среди сложноподчиненных существительных данной группы встречаются имена лиц, ремесел и профессий. Например, *миҷмарагардон* – «кадильщик благовоний». Однако поэт присвоил это ремесло черному локону по причине его благовонного аромата в отношении родинки на лице любимой:

Эй, офтоб оинадори ҷамоли ту,

*Мушки сиёҳ **миҷмарагардони** холи ту [45, 409].*

«О, ты, чью красоту солнце украшает,

Черный локон родинку твою ароматом обвивает».

- **имена лиц во множественном числе:** *зухдфурӯшон, валишиносон, вақтишиносон, шиқбозон, чонсупорон, савмаадорон, сафнишинон, тавбафармоён, ҳақгузорон.* В данной модели словообразования также распространено использование множественного числа

сложноподчиненного существительного. Почти каждое из упомянутых выше существительных имеют помимо прямого, переносное значение. Например, *зуҳдфурӯшон* – «лицемерие», отнесенное к качествам подвижников-ханжей, которое в нижеприведенном бейте стало именем существительным:

*Мабӯс чуз лаби соқиву чоми май, Ҳофиз,
Ки дасти зуҳдфурӯшон хатост бӯсидан [45, 394].*

«Не целуй, Хафиз, ничего, кроме кравчия уст и кубка,
Лицемерам руки целовать – глупая ошибка».

Сложноподчиненные существительные *валӣ* «праведник, достигший истины» + *шинос* = *валишинос* – «ценители праведников» и *вақт* «время» + *шинос* = *вақтшиносон* – «ценители времени» являются синонимами:

*Риндони ташиналабро обе намедиҳад кас,
Гӯӣ валишиносон рафтанд аз ин вилоят [45, 94].*

«Жаждающим риндам никто не даст напиться,
Как будто **ценители праведников** из города ушли сего».

*Биё, ки вақтшиносон ду кавн бифрӯшанд,
Ба як пиёла майи софу суҳбати санаме [45, 471].*

«Приди, ведь ценители времени продадут два века,
За чашу чистого вина и за свиданье с красавицей».

В следующем бейте два сложноподчиненных существительных, означающих имена лиц, приводятся во множественном числе и являются синонимами:

*Гӯянд зикри хайраш дар хайли шиқбозон,
Ҳар чо ки номи Ҳофиз дар анчуман барояд [45, 235].*

«Поминают добрым словом племя **влюбленных**,
Всегда, где произносится имя Хафиза на собрании».

*Дар обу ранги рухсораи чи чон додему хун хӯрдем,
Чу нақшаи даст дод аввал, рақам бар **чонсупорон** зад [45, 153].*

«За красоту ее лица сколько душевных мук мы испытали,
А как пришлось считать, предпочтение отдала **влюбленным**».

В нижеследующем бейте поэт тонко высмеял отшельников – лицемерных шейхов:

Нақдҳоро бувад оё, ки иёре гиранд,

То ҳама савмаадорон пайи коре гиранд [45, 185].

«Наверно, стоит все наличные метить клеймом,
Чтоб все отшельники занялись каким-то делом».

Имена лиц во множественном числе *сафнишин* «ряд людей, в значении гостей», *тавбафармо* «исповедник в значении назидателя», *субҳхез* «встающий рано, молящийся благочестивец», *ҳақгузор* «искатель истины в значении верный, помощник»:

Сафнишинон некхоҳу пешкорон боадаб,

Дӯстдорон соҳибасрору ҳарифон дӯстком [45, 309].

«Гости все благочинны, прислужники учтивы,
Любимые тайну хранят, соперники дружелюбны».

Мушкиле дорам, зи донишманди маҷлис бозпурс,

Тавбафармоёнчаро худ тавба камтар мекунамд [45, 199].

«Вопрос есть у меня, задай его ты мудрецу собранья,
Зачем же в исповедниках самих так мало покаянья».

Чанобаши порсоёнрост меҳроби дилу дида,

Қабинаши субҳхезонрост рӯзи фатҳу пирӯзӣ [45, 455].

«Порог его для праведников место поклонения,
Чело его для молящихся как день достижения цели».

Мубтало гаштам дар ин банду бало,

Кӯишиши он ҳақгузoron ёд бод [45, 103].

«Стал одержим я от беды этой и этого несчастья,
Да будут славны истины искателей стремления».

- **абстрактные имена:** *нақшбанд, муборақбод, миннатпазир, қарздор, сеҳрофарин, маснадфурӯз*. Абстрактные имена данной группы (арабские+таджикские) хотя и являются малопродуктивными, все же говорят о том, что глагольные основы настоящего времени таджикского языка с абстрактными именами арабского происхождения принимают

активное участие в образовании сложноподчиненных существительных. Данные абстрактные имена в поэзии Хафиза получили новые смысловые оттенки и оригинальные значения.

Сложноподчиненное существительное *нақибанд* в составе словосочетания *нақибанди қазо* утратило свое прямое значение – “художник, живописец” и получило новое – “бог”, то есть имя лица преобразовалось в абстрактное имя существительное:

*Зи нақибанди қазо ҳаст умеди он Ҳофиз,
Ки ҳамчу сарв ба дастам нигор бозояд* [45, 238].

«Хафиз надеется на **бога** всемогущего,
Что словно кипарис любимая в руки падет».

Сложноподчиненное абстрактное имя существительное *муборакбод*, используемое в значении поздравления в связи с каким-либо радостным событием, Хафизом использовано в значении поздравления человека, когда он в печали и горести:

*То шудам ҳалқабাগӯши дари майхонаи шиқ,
Ҳар дам ояд гаме аз нав ба муборакбодам* [45, 317].

«Как только стал рабом я у дверей таверны любви,
Каждый миг какая-то печаль с поздравлениями приходит».

Данное абстрактное существительное в газели Саади также использовано в указанном выше значении:

*Хуррам он рӯз, ки ҷон меравад андар талабат,
То биёянд азизон ба муборакбодам* [42, 761].

«Благословен тот день, когда душа отходит с желанием тебя,
Чтобы пришли тогда ко мне с поздравлениями друзья».

Примеры:

*Дар ин гавго, ки кас касро надонад,
Ман аз пири муғон миннатпазирам* [45, 332].

«В сумятице этой, где никто никого не знает,
Я благодарен старцу виночерпию за это».

Се бўса, к-аз ду лабат кардаи вазифаи ман,

Агар адо накунӣ, қарздори ман бошӣ [45, 458].

«Три поцелуя с двух губ, обещанных тобою мне,
Коль не исполнишь, **должницей** будешь вечной ты моей».

Бар он чаими сияҳ сад офарин бод,

Ки дар ошиқкушӣ сеҳрофарин аст [45, 55].

«Сто раз хвала тем черным глазам,
Что в истреблении влюбленных творят чудеса».

Маснадфурӯзи давлат, к-он шукӯҳу шавкат,

Бурҳону мулку миллат Бӯнастри Булмаолӣ [45, 466].

«Опора государства, величие и милость,
Прочность правления нации - Бунастр Булмаали».

Олам аз шӯру шари шиқ хабар ҳеч надоишт,

Фитнаангези чаҳон гамзаи ҷодуи ту буд [45, 211].

«Мир ведь совсем не ведал страсть и бурю любви,
Ты грацией своей волшебной соблазнила мир».

в) греческая лексическая единица + таджикская лексическая единица.

Среди сложноподчиненных имен существительных первой модели словообразования III группы в поэзии Хафиза встречаются слова, состоящие из греческой и таджикской лексики: *кимийёфурӯш*. Данное сложноподчиненное существительное использовано Хафизом не в прямом, а переносном смысле, то есть, человек, постигший истину, шейх тариката:

Ту, ки кимийёфурӯшӣ, назаре ба қалби мо кун,

Ки бизоате надорему фикандаем доме [45, 470].

«Ты, истину постигший, посмотри на сердце наше,
В нём нет ни гроша, но ставим в надежде мы силки».

2. существительное + глагольная основа прошедшего времени.

Данный способ словообразования приведен в книге “Имя существительное” под номером 2 [75,158], и в поэзии Хафиза, и в современном литературном таджикском языке [50,125] является малопродуктивным. Сложноподчиненные существительные, состоящие

из обеих таджикских составных частей: *гулгаишт* «цветник», *дастбурд* «победа», *хонапарвард* «доморощенный», *сарнавишт* «судьба».

Бидеҳ, соқӣ, майи боқӣ, ки дар ҷаннат нахоҳӣ ёфт

Канори оби Рукнободу гулгаишти Мусаллоро [45, 3].

«Дай вина, ты, до дна! О кравчий! Ведь в раю уже не будет,
Мусаллы садов роскошных и потоков Рукнабада!».

Гуфтамаиш: Магзар замоне. Гуфт: Маъзурам бидор,

Хонапарварде чӣ тоб орад гами чандин гариб? [45, 14].

«Сказал я ей: Не оставляй. Ответила: Прости,

Не может неженка печали путников снести».

Айбе макун ба риндиву бадномӣ, эй ҳаким,

К-ин буд сарнавишт зи девони қисматам [45, 314].

«О праведник, не упрекай в вольнодумии и разврате,

Ведь это в книге судьбы давно предначертано мне».

3. прилагательное + глагольная основа настоящего времени. Данный способ словообразования в поэзии Хафиза и в современном литературном таджикском языке [50,125] также является малопродуктивным. В поэзии Хафиза встречаются всего три сложноподчиненных существительных, образованных данным способом, по языковой принадлежности основ делятся на:

а) таджикская лексическая единица +таджикская лексическая единица. Из прилагательного *бад* и глагольной основы настоящего времени *гуфтан* (от инфинитива «говорить, сказать») образовано сложноподчиненное существительное *бадгӯ*, в значении “злословящий человек”:

Ту тиндорӣ, ки бадгӯ рафту ҷон бурд,

Ҳисобаиш бо киромулкотибин аст [45, 55].

«Ты думаешь, что злословец, уходя, спас свою душу,

Расчет деяний у него с небесным счетоводом».

Из прилагательного *сабз* «зеленый» и глагольной основы настоящего времени *пӯш* (от инфинитива *пӯшидан* – «надевать, одевать»)

образовано сложноподчиненное существительное *сазбнӯш* «носящий власяную одежду», использованное Хафизом во множественном числе и означающее имя лица:

Сабзпӯшони хатат бар гирди лаб

Ҳамчу мӯронанд гирди салсабил [45, 308].

«Дервиши пляшут вокруг уст твоих кружа,

Как муравьи у источника сельсибиля».

б) арабская лексическая единица +таджикская лексическая единица.

Из арабской лексической единицы *азрақ* «синий» [31, 43] и глагольной основы настоящего времени *пӯш* образовано сложноподчиненное существительное *азрақпӯш*, означающее «суфий, дервиш», использованное Хафизом во множественном числе:

Пири гулранги ман андар ҳақи азрақпӯшон

Рухсати хубс надод, в-арна шикоятҳо ҳаст [45, 204].

«Наставница цветущая мне не дала согласия показать,

Суфиям пороки их, хотя есть повод жаловаться мне».

При исследовании поэзии Хафиза наше внимание привлекла группа слов, таких как *ширинқаландар*, *дастбурд*, *тамошохона*, *маслиҳатдид*, *гунаҳфарсо*, *хонапарвард*, *гӯшгузор*, *хуморкаш*, *шакархоб*, *хушалаф*, которые были найдены в поэзии классиков [168], в авторитетных словарях [162,38,37,36,31,16] и на сайте vajejab.com [164], после чего был сделан вывод о том, что некоторые из них «*гунаҳфарсо*, *тамошохона*, *хонапард*, *хуморкаш*, *ширинқаландар ва чурмпӯш*» являются собственным творением самого Хафиза. По сведениям источников, имеющих в нашем распоряжении, указанные выше слова не встречаются в поэзии поэтов, живших и творивших до периода творчества Хафиза. Их присутствие отмечается после Хафиза в творчестве Бедиля Дехлави и Соиба Табрези [168]. Среди них только лексические единицы *гунаҳфарсо* и *чурмпӯш* являются именами прилагательными, встречающимися в составе изафетных словосочетаний *авфи ҷонбахши гунаҳфарсо* «прощение животворящее и прощающее» и *подшоҳи хатобахши чурмпӯш*

«правитель милостивый и недостатки покрывающий», остальные упомянутые лексические единицы являются именами существительными.

В ходе исследования, проведенного в данном разделе по вопросу сложноподчиненных имен существительных в поэзии Хафиза нами сделаны следующие выводы:

1. Степень употребления моделей словообразования I группы (усечение изафета) в поэзии Хафиза различна. Если первая модель (существительное+существительное, *саранчом*) является малопродуктивной, вторая модель (существительное+прилагательное, *саргарм*) непродуктивна, третья модель (существительное+причастие) у Хафиза не встречается совсем.

2. Модели словообразования II группы по степени употребления имеют существенные различия. Первая модель (существительное+существительное, *ниҳонхона*) наряду с ее продуктивностью, активной основной частью существительного *хона*, также отличается своей функциональностью, то есть, значениями имени лица, материальными и абстрактными существительными как в форме отдельного слова, так и в составе словосочетания, отличается от других моделей данной группы словообразования. Вторая модель (существительное+прилагательное, *сияҳкоса*) является малопродуктивной. В данной модели наблюдается явление трансформация имени прилагательного в имя существительное.

3. Третья модель II группы словообразования (числительное+существительное, *якранг, яксӯ*) отличается своей малой продуктивностью. Четвертая модель (причастие+существительное) словообразования данной группы в поэзии Хафиза не встречается.

4. Модели III группы словообразования, как и модели предыдущих групп, в поэзии Хафиза отличаются по степени употребления и некоторыми характерными особенностями. Первая модель (существительное+глагольная основа настоящего времени, *зардӯз*) является продуктивной и в большинстве случаев означает имя лица.

Вторая модель (существительное+глагольная основа прошедшего времени, *сарнавишит*) малопродуктивна и состоит из таджикских и арабских составных частей. Третья модель словообразования (прилагательное+глагольная основа настоящего времени, *бадгӯ*) является непродуктивной.

5. Лексические единицы *гунаҳфарсо, тамошохона, хонапарвард, хуморкаш, ширинқаландар, чурмпӯш ва чурмпӯш* являются творением самого Хафиза.

2. 2. СЛОЖНОСОСТАВНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

2.2.1. Сложносочиненные имена прилагательные

Словообразование имен прилагательных, по сравнению с именем существительным, в таджикском языковедении еще не становилось объектом всестороннего исследования и анализа. Языковедами предпринимались попытки исследования морфологических и синтаксических особенностей имени прилагательного. В числе исследований, посвященных данному вопросу можно отметить исследование “Имя существительное и прилагательное” Ш. Ниёзи. Следует отметить, что все научные исследования по вопросам структуры и словообразования именных частей речи имеют как общность, так и существенные разногласия. Например, в главе “Сложносоставные прилагательные” Б. Ниёзмухаммадова и “Морфологией таджикского языка” Лутфулло Бузургзода не приводится термин “сложносоставные прилагательные”, но встречается термин “сложносочиненные прилагательные” [66,34]. Данный термин авторы приводят при перечислении способов образования сложносочиненных прилагательных: «1. Некоторые сложносочиненные прилагательные образуются посредством прилагательного и повелительной формы глагола, или деепричастия или причастия: *пурдон* «умный», *талхгӯй* «язвительный»» [66,34]. Однако приведенные примеры в последующих источниках, в частности «Современном литературном таджикском

языке» (1972) не упоминаются как примеры сложносочиненных прилагательных, а как пример сложноподчиненных прилагательных [54, 202].

В «Грамматике современного литературного языка» для 5-6 классов для семилетних школ (1959) в рамках темы: «Структура прилагательного» сложносоставное прилагательное определено следующим образом: «Сложносоставные прилагательные образуются посредством добавления различных слов, к примеру, *сулҳдӯст* «миролюбивый», *сарбаланд* «гордый»...» [65, 41]. После обоснования, что некоторые слова в качестве основного слова в образовании сложносоставных прилагательных являются продуктивными, можно прочесть следующую формулировку: «Сложносоставные прилагательные могут иметь суффиксы и префиксы: *ҳаёти хушбахтона* «счастливая жизнь», *бачаҳои синнимактабӣ* «дети дошкольного возраста»» [65,42]. Данная формулировка спорна в аспекте несоответствия определения и приведенных примеров. Налицо многолетнее влияние русского языка на таджикский язык, что явилось причиной исследования прилагательных и других именных частей речи согласно нормам русского языка [65, 46]. Б. Ниёзмухаммадов в книге «Некоторые вопросы современного литературного таджикского языка», минуя способы образования сложносочиненных и сложноподчиненных имён прилагательных, приводит следующее определение: «... из двух существительных: *шамшерқалам* «острый на язык»...; из существительного и прилагательного: *даханкалон* «хвастливый»; из прилагательного и существительного: *сиёҳчаши* «черноглазый»; из существительного и глагольной основы настоящего времени: *нишонгир* «меткий»...; из прилагательного и глагольной основы настоящего времени: *дурӯггӯӣ* «лживый», *некхоҳ* «доброжелательный»...; из существительного и причастия прошедшего времени: *солхӯрда* «пожилой», *кордида* «опытный», *шикастадил* «грустный»; из причастия и глагольной основы настоящего времени: *корамшуда* «возделанный»,

бекорхобида «невозделанный»...; из имен числительных, существительных и суффиксов: *чормоҳа* «четырёхмесячный», *якруза* «однодневный» ...» [66,61-62]. Сравнительное исследование по вопросу определения сложносоставных прилагательных и способах их образования в научных источниках показывают, что наряду с другими частями речи, имя прилагательное в течение долгого периода постепенно подвергалось исследованию и таджикскими языковедами приложены старания в деле рассмотрения неизученных аспектов сложносоставных и смешанных прилагательных. Несколько спорной остается проблема отличия смешанных прилагательных и сложносоставных прилагательных в вопросе их образования. В книге «Современный литературный таджикский язык» (1972) указаны 17 способов образования сложноподчиненных прилагательных, из которых некоторые являются способами образования смешанных прилагательных: *панҷшоҳамонанд*– «вилоподобный» (из 14 способа), *маслиҳатомезона*– «поучительный» (из 15 способа), *зеризаминӣ* «подземный» (из 16 способа) [54,204, 205]. Нет сомнения, что приведенные слова являются смешанными прилагательными, а не сложносоставными. В книге «Современный таджикский литературный язык» (1982) приводятся те же примеры [54,197]. Однако в «Грамматике современного литературного таджикского языка» данные неточности устранены [50,145-146]. В упомянутой книге приводятся 17 способов образования сложносоставных прилагательных, однако 7 (существительное+причастие), 8 (причастие+существительное) и 11 (прилагательное+причастие) способы назвать способами образования сложносоставных прилагательных трудно, так как приведенные прилагательные состоят из корней и суффиксов: *корозмуда* «испытанный», *шикастаҳол* «сломленный», *навомада* «пришедший». Также несколько приведенных в качестве примера прилагательных: *нотамоммонда* «незаконченный» (из 11 способа) и *пешипазак*

«раннеспелый» (из 17 способа) нельзя назвать сложносоставными прилагательными.

Словообразование имен прилагательных в книге «Современный литературный таджикский язык» показано тремя путями: посредством аффиксов, путем сложения основ, посредством производных слов [54,184]. Сложносочиненные и сложноподчиненные прилагательные образуются посредством второго способа – соединения слов.

Сложносочиненные и сложноподчиненные прилагательные образуются двумя способами: посредством повтора слов и при помощи интерфиксов *-у-* и *-о-*. Согласно первому способу – повтору слов в поэзии Хафиза нами встречено одно сложносочиненное прилагательное, повторяющееся в двух рубаи:

Бедор шав, эй хоча, ки хуш-хуш бикашад

Ҳаммоли замона рахт аз хонаи умр [45, 535].

«Проснись, ходжа, ведь **радостный и весёлый**

Носильщик времени поклажу из жилища жизни тянет».

Сложносочиненное прилагательное *хуш-хуш* образовано путем повтора прилагательного *хуш* «радостный, веселый».

Вторым способом образования – повтор слова с интерфиксом *-о-* образованы сложносочиненные прилагательные *нӯшонӯш* «здравный» и *дамодам* «непрерывный». Хафиз использовал прилагательное в составе словосочетания *бонги нӯшонӯш*, означающего «здравный тост, клич»:

Шароби хонагии тарси мӯҳтасибхӯрда,

Ба рӯи ёр бинӯшему бонги нӯшонӯш [45, 285].

«Домашнее вино, украдкой в страхе от мухтасиба,

Испив с любимой, кинем всем **здравный** клич».

Сложносочиненное прилагательное *дамодам* в поэзии Хафиза использовано четыре раза. Данное прилагательное означает непрерывность, постоянство выполнения действия:

Сабо нигар, ки дамодам чу ринди шоҳидбоз,

Гаҳе лаби гулу гаҳ зулфи займарон гирад [45, 552].

«На ветер посмотри, **непрерывный**, как вольнодумец-ловелас,
То губы цветка лобзает, то локонами базилика он играет».

В приведенном выше бейте Хафиз лексической единицей *дамодам* показал непрерывное движение ветра, а в нижеследующих двустишиях данное слово в роли прилагательного стало качеством существительных *чом* «кубок» и *сел* «поток, сель»:

*Соқиё, чоми дамодам деҳ, ки дар сайри тариқ,
Ҳар кӣ ошиқваши наёмад, дар нифоқ афтода буд* [45, 213].

«О, кравчий, лей **непрерывное** вино, на истинном пути,
Кто не влюблен, тот стал истинным врагом».

***

*Бедор шав, эй дида, ки эмин натавон буд,
З-ин сели дамодам, ки дар ин манзили хоб аст* [45, 30].

«Проснитесь очи, ведь нельзя укрыться нам,
От **непрерывного** потока, текущего в этом сонном царстве».

***

*Пок кун чехраи Ҳофиз ба сари зулф зи ашк,
Варна ин сели дамодам бибарад бунёдам* [45, 317].

«Вытри слезы Хафиза над локоном черным пролитые,
А то этот **непрерывный** поток унесет меня совсем».

Способ образования посредством интерфикса *-у-* и повтором слов в поэзии Хафиза не наблюдается.

Исследование и анализ показали, что способы словообразования сложносочиненных прилагательных в поэзии Хафиза непродуктивны.

2.2.2. Сложноподчиненные имена прилагательные

Сложноподчиненные прилагательные образуются посредством 13 способов, а не указанными ранее в «Грамматике современного литературного таджикского языка» 17 способами. В связи с этим, в качестве нормативных нами рассмотрены указанные 13 способов:

существительное + существительное (1 способ), прилагательное + существительное (2 способ), существительное + прилагательное (3 способ), прилагательное+прилагательное (4 способ), существительное + глагольная основа настоящего времени (5 способ), существительное + глагольная основа прошедшего времени (6 способ), прилагательное+глагольная основа настоящего времени (9 способ), прилагательное+глагольная основа прошедшего времени (10 способ), числительное + существительное (12 способ), числительное + глагольная основа прошедшего времени (13 способ), числительное+глагольная основа настоящего времени (14 способ), местоимение+существительное (15 способ), местоимение+ основа настоящего времени глагола (16 способ).

Сложноподчиненные прилагательные в поэзии Хафиза из всех перечисленных способов словообразования образованы всего 7 способами (1, 2, 3, 6, 9, 12, 16).

I (1) Существительное+существительное. Сложноподчиненные прилагательные по языковой принадлежности составных частей делятся на следующие группы:

а) таджикская лексическая единица + таджикская лексическая единица: *гулрух* «красивая», *гулранг* «красный», *мохрух* «лунолика». В данных прилагательных зависимая часть *гул* «цветок» участвует в образовании двух сложноподчиненных прилагательных:

Биё, эй соқиш гулрух биёвар бодаи рангин,

Зи ҳар дар медиҳам пандаш, валекин дарнамегирад [45, 149].

«Приди, о, прекрасный кравчий, неси искристое вино,

Из каждой двери даю наставления, но не внимает слух его».

***

Ё Раб, ин шоҳваши мохрухи зухрачабин,

Дурри яктои киву гавҳари якдонаи кист? [45, 67].

«О, Боже, красотка лунолика, царице подобная та,

Чей жемчуг редкостный, чей яхонт бесподобный она».

Характерно, что в поэзии Хафиза прилагательные образованные подобным способом, приводятся последовательно, друг за другом. К примеру, два прилагательных приводятся в дополнение друг другу последовательно:

*Биёр з-он майи гулранги мушкбӯ ҷоме,
Шарори раишу ҳасад дар дили гулоб андоз [45, 263].*
«Неси того **розового, душистого** с мускусом вина,
Зажги в сердце винного кувшина зависть и огонь».

Исследования показали, что большинство сложноподчиненных прилагательных являются относительными прилагательными.

б) таджикская лексическая единица + арабская лексическая единица: *гулузор* «прекрасная», *лоласифат* «красный». В нижеследующем бейтее использовано сложноподчиненное прилагательное, основная составная часть которого исконно арабская и означает “лицо, лик”:

*Гулбуни айи медамад, соқии гулузор ку,
Боди баҳор мевазад, бодаи хушгувор ку [45, 415].*
«Цветет цветок веселья, где же **прекрасный** кравчий,
Весенний ветерок шумит, где же приятное вино».

Основной частью сложноподчиненного прилагательного *лоласифат* является арабское слово, означающего схожесть, подобие с чем-либо, является синонимом слов *монанд*, *мисл* и суффиксов *-вор*, *-ваш*, *-сон*, образующих прилагательные:

*Ман чу аз хоки лаҳад лоласифат бархезам,
Доги савдои туам сирри сувайдо бошад [45, 157].*
«Когда словно красный мак восстану я из праха могильного,
Печаль любви твоей останется пусть черной тайной».

в) арабская лексическая единица + таджикская лексическая единица: *динпаноҳ* «защитник, защищающий веру». Первая часть данного прилагательного *дин* является исконно арабским словом и зависит от второй основной части:

*Кучост сӯфши даҷҷолфегъли мулҳидшакл,
Бигӯ бисӯз, ки Маҳдиш динпаноҳ расид [45, 242].*

«Где ж суфий лукавый и верооступный нравом,

Трепещет пусть, скажи ему, явился мессия, веру защищающий».

г) **арабская лексическая единица +арабская лексическая единица:**
даҷҷолфегъл «лукавый», *мулҳидшакл* «вероотступный», *зухраҷабин*
«царственная». Приведенные прилагательные служат доказательством того, что арабские лексические единицы в силу поэтического таланта в поэзии Хафиза использовались гармонично, с присущим им изяществом и легкостью:

*Кучост сӯфши даҷҷолфегъли мулҳидшакл,
Бигӯ бисӯз, ки Маҳдиш динпаноҳ расид [45, 242].*

«Где ж суфий лукавый и верооступный нравом,

Трепещет пусть, скажи ему, явился мессия, веру защищающий».

***

*Ё Раб ин шоҳваши моҳрухи зухраҷабин,
Дурри яктои киву гавҳари якдонаи кист? [45, 67].*

«О Боже, красотка лунолика, **царице подобная** та,

Чей жемчуг редкостный, чей яхонт бесподобный она?».

д) **таджикская лексическая единица +портская лексическая единица:**
гулчехр «красивый», *мехрфурӯг* «нежный»:

*Ба ними шаб, агарат офтоб мебояд,
Зи рӯи духтари гулчехрираз ниқоб андоз [45, 263].*

«Коль в полночь солнца яркий свет нужен тебе,

Сними покров с **красивого** лица той винной девы».

***

*Ҳофиз аз шавқи рухи мехрфурӯги ту бисӯхт,
Комгоро, назаре кун сӯи нокоме чанд [45, 182].*

«Хафиз сгорел дотла в печали лика **нежного**,

Желанная, хоть раз взгляни ты в сторону его»

Следует отметить, что вторая составная часть сложноподчиненных имен прилагательных является основной, первая часть зависимой частью. Данный способ словообразования прилагательных в поэзии Хафиза является малопродуктивным.

II (2). Прилагательное+существительное. Сложноподчиненные прилагательные, образованные по данному способу по принадлежности составных частей делятся на следующие группы:

а) таджикская + таджикская: *ширинкор* «шаловливый», *шириндаҳан* «сладкоустый», *ширинсухан* «ласковый», *ширинқаландар* «дервиш», *хушлаҳча* «красноречивый», *хушовоз* «сладкоголосый», *хушбӯй* «ароматный», *хушранг* «красивый», *баландахтар* «счастливейший», *баландболо* «стройнейший», *некном* «благороднейший», *бадном* «опороченнейший», *навбахор* «молодой», *ташналаб* «жаждущий», *гаронхоб* «тяжелый», *пурхоб* «сонный, спящий»:

Фигон, к-ин лӯлиёни шӯхи ширинкори шахрошӯб,

Чунон бурданд сабр аз дил, ки туркон хони яғморо [45, 3]

«Рой причудниц **шаловливых**, тот, с которым больше нет ширазцу
слада,

Из сердец умчал терпенье – так с добычей мчатся тюрки»

***

Зи шӯру арбадаи шоҳидони ширинкор

Шакар шикаста, суман рехта, рубоб зада [45, 422].

«От веселья и причуд **шаловливых** ловеласов,

Сладость разлита, сорван жасмин, сломан рубаб».

***

Ту худ чӣ лӯъбатӣ, эй шахсавори ширинкор,

Ки дар баробари чашимиву гоиб аз назарӣ [45, 452]

«Что за прелестная краса, наездница **шалунья**,

Мелькаешь то в моих глазах, то нет тебя».

***

*Он, ки дар тарзи газал нукта ба Ҳофиз омӯхт,
Ёри **ширинсухани** нодирагуфтори ман аст [45, 51]*
«Та, кто в газели была наставницей Хафизу,
Любимая моя, с устами сладкими и редкостным умом».

***

*Суруди маҷлисаат акнун фалак ба рақс орад,
Ки шеъри Ҳофизи **ширинсухан** таронаи туст [45, 34]*
«Песнь твоя приводит в танец вселенную теперь,
Ведь стих сладкоречивого Хафиза в устах твоих звучит».

***

*Ба ҷонат, эй бути **шириндаҳан**, ки ҳамчун шамъ
Шабони тира муродам фанои хештан аст [45, 50].*
«Душе твоей, о, дева сладкоустая, словно к свече
В ночи темной все надежды мои брошены».

***

*Вақти он **ширинқаландар** хуш, ки дар атвори сайр
Зикру тасбеҳи малак дар ҳалқаи зуннор дошт [45, 79].*
«Дервишу сладкоголосому так хорошо в пути далеком,
Что поминанье и хвала ангелов всегда на поясе власяном».

Из приведенных примеров выясняется, что в поэзии Хафиза прилагательное *ширин* является зависимой составной частью, активно участвующей в образовании сложноподчиненных прилагательных. А также последовательное расположение сложноподчинённых прилагательных является характерной особенностью поэтического языка Хафиза Ширази:

*Зи чанги Зухра шунидам, ки субҳдам мегуфт,
Гуломи Ҳофизи **хушлаҳчаи хушовозам** [45, 335].*
«Лютня Венеры прошептала ранним утром мне, что
Она - раба Хафиза **красноречивого и сладкоголосого**».

***

*Булбуле барги гуле хушранг дар минқор дошт,
В-андар он баргу наво хуш нолаҳои зор дошт [45, 79].*
«Соловей, держа в устах лепесток **прекрасной** розы,
Трелями звонкими по ней печали и разлуку изливал».

***

*Дар маҷлиси мо атр маёмез, ки моро,
Ҳар лаҳза зи гесӯи ту хушбӯӣ машиом аст [45, 46].*
«Приходя к нам на встречу, не стоит душиться тебе,
От локонов черных каждый миг **ароматом благовонным** веет».

Качественное прилагательное *баланд* «высокий» стало составной зависимой частью сложноподчиненного прилагательного *баландахтар* и в то же время стало прилагательным существительного *шаҳанишоҳ* «шах, правитель», означающего «благословенный, приносящий счастье»:

*Эй шаҳанишоҳи баландахтар, Худоро, ҳиммате,
То бибӯсам ҳамчу ахтар хоки айвони Шумо [45, 11].*
«О, шах **благословенный**, о Боже, милость окажи
Поцеловать, словно звезду землю у трона твоего».

***

*Ба рӯзи воқеа тобути мо зи сарв кунед,
Ки меравем ба доғи баландболое [45, 493].*
«Когда умру я, сложите гроб мой из кипариса,
Уходим мы в загробный мир с печалью о стане стройном».

В следующем бейте прилагательные с противоположным значением *нек* «добрый, хороший» и *бад* «плохой, злой» стали зависимой составной частью двух сложноподчиненных прилагательных *некном* «добродетельный» и *бадном* «опороченный»:

*Дӯстдорон дӯсткоманду ҳарифон боадаб,
Пешкорон **некному** сафнишинон некхоҳ [45, 524].*
«Друзья желанные и соперники воспитанные
Прислужники **именитые**, посетители благожелательные».

***

Сӯфиён ҷумла ҳарифанду назарбоз, вале,

*3-ин миён Ҳофизи дилсӯхта **бадном** афтод [45, 111].*

«Суфии друг с другом во вражде и лицемерии, однако

Меж тем Хафиз, влюбленный, **опороченный** среди них».

Сложноподчиненное прилагательное *навбахор*, состоящее из прилагательного *нав* «новый» и существительного *бахор* «весна», в словосочетании *шохаи навбахор* является зависимым от существительного *шох* «ветка» и означает «молодая красавица, возлюбленная»:

*Хуш нозукона мечамӣ, эй шохи **навбахор**,*

К-ошuftагӣ мабодат аз ошӯби боди дай [45, 421].

«Так нежно ты качаешься, о, **молодая ветка**,

Обходят пусть тебя печали зимних ветров».

Сложноподчиненное прилагательное *ташиналаб* является качеством риндов-вольнодумцев, его первая составная часть - прилагательное *ташина* «жаждущий» подчинила себе существительное *лаб* «губы, уста»:

*Риндони **ташиналабро** обе намедиҳад касе,*

Гӯиё валишиносон рафтаанд аз ин вилоят [45, 94].

«**Жажущим** вольнодумцам никто не даст напиться,

Как будто ценители праведников из города ушли сего».

Существительное *хоб*, присоединившись к прилагательным *гарон* и *пур*, образовали сложноподчиненные прилагательные *гаронбахт* в словосочетании *бахти гаронхоб* «дремлющее счастье» и *пурхоб* в словосочетании *наргиси пурхоб* «глаза в сонной неге»:

*Зи дасти бахти **гаронхобу** кори бесомон*

Гарам бувад гилае, роздори худ бошам [45, 338].

«На **дремлющее** счастье и сумятицу в делах,

Обиды нет, не сетую я, держу в себе я тайны».

***

*Бикишо ба шева наргиси **пурхоби** мастро,*

В- аз рашк чаими наргиси раъно ба хоб кун [45, 397].

«Открой с поволокой очи в **сонной** неге, чтоб

С завистью сомкнулись глаза красы цветов».

б) таджикская лексическая единица +арабская лексическая единица:

хушхабар «хорошая новость», *хушнасим* «прохладный ветерок»,
хушкалом «сладкоречивый», *хушалаф* «жвачное животное»,
ширинҳаракот «грациозный», *ширинкалом* «сладкоречивый», *бадҳол*
«несчастный», *хучасталиқо* «красивая, красивая лицом». В образовании
сложноподчиненных прилагательных прилагательные *хуш* и *ширин* более
продуктивны, чем прилагательные *бад*, *куҳан*, *хучаста*. Также это
свидетельствует о позитивном поэтическом подходе Хафиза в
использовании причудливых, необычных форм применения лексики в
совершенно новых значениях, торжественности [33, 25]. Так,
сложноподчиненное прилагательное *хушнасим* Хафиз применил в
определении качеств ветра, цветка, рассвета:

Шерозу оби Рукниву ин боди хушнасим,

Айбаиш макун, ки холи рухи ҳафт кишвар аст [45, 39].

«Шираз и воды Рукнабада и этот ветерок **веселый**,

Ты не хули, они как родинка прекрасная средь стран семи».

***

Эй гули хушнасими ман булбули хешро масӯз,

К-аз сари сидқ мекунад шаб ҳама шаб дуои ту [45, 412].

«О мой цветок, **веселый** ветерок, не губи соловья,

Ведь ночь за ночью искренне он молится за тебя».

***

Маҷлисӣ базми айшро голияи мурод нест,

Эй дами субҳи хушнасим, нофаи зулфи ёр ку [45, 415].

«Нет у собрания веселья благоухания надежды,

О, рассвета **веселый ветерок**, где мускус локона любимой».

Поэтический талант Хафиза проявляется в нижеприведенных строках:

Хуш чаманест оразат, хоса, ки дар баҳори ҳусн

Хофизи хушкалом шуд мурғи сухансарои ту [45, 412].

«Прекрасное твое лицо, особенно весной,

Хафиз **красноречивый** стал соловьем в твоём саду».

***

Мужда, эй дил, ки дигар боди сабо боз омад,

Худхуди хушхабар аз тарфи Сабо боз омад [45, 174]

«Поздравь о сердце, что вновь вернулся ветерок,

Удод-благовестник вернулся из страны Сабо».

***

Нуктае рӯҳфазо аз даҳани дӯст бигӯ,

Номаи хушхабар аз олами асрор биёр [45, 249]

«Скажи мне слово дружеское, чтоб я воспрял,

Благоую весть мне принеси из таинственного мира».

Сложноподчиненные прилагательные, образованные с прилагательным *хуш*, являются свидетельством ироничности и саркастичности поэзии Хафиза:

Сӯфиш шаҳр бин, ки чун луқмаи шубҳа мехӯрад,

Пордумаи дароз бод он ҳаявони хушалаф [45, 296].

«На суфия городского взгляни, как поедает он мзду,

Подхвостник пусть ослабит он, как жвачное животное».

в) арабская лексическая единица + таджикская лексическая единица:

кофардил «безжалостный»:

Ту кофардил намебандӣ ниқоби зулфу метарсам,

Ки мехробам бигардонад хами он дилситон абрӯ [45, 413].

«Ты, красавица **безжалостная**, не носишь маску, но боюсь я,

Что михраб вконец мой ты разрушишь локона изгибом мягким»

г) арабская+арабская лексика: *олиқадр* «высококочтимый», *олимашраб* «высокостатусный». Данные прилагательные состоят из двух арабских существительных.

Хумое чун ту олиқадр ҳирси устухон то кай?

Дарег он сояи ҳиммат, ки бар ноаҳл афкандӣ [45, 441].

«Ты птица **высокого** полета, до каких пор желаешь кости,
Мне жаль той милости, которой одарила недруга».

***

*Оби ҳайвонаш зи минқори балогат мечакад,
Зоги килки ман ба ном Эзад, чӣ олимпиавраб аст [45, 29].*

«Вода животворная течет из клюва мастерства,
Мой перьевой калам Эзад зовут, по статусу **велик**».

В приведенных выше двустипиях *олиқадр* является прилагательным существительного *хумо* и *олимпиавраб* прилагательным существительного *зоги килк* «перо ворона».

Сравнивая количество слов группа “а” с группами “б”, “в” и “г” можно прийти к заключению, что сложноподчиненные прилагательные в большинстве случаев образуются из исконно таджикской лексики. Качественные прилагательные *ширин*, *хуш* и *баланд* по сравнению с прилагательными *нек*, *бад*, *нав*, *гарон*, *пур* и *ташина* более продуктивны.

В целом, в поэзии Хафиза второй способ по сравнению с первым способом более продуктивен и сложноподчиненные прилагательные образованы в большинстве случаев на основе исконно таджикской лексики.

III(3). Существительное+прилагательное: Третий способ словообразования прилагательных в поэзии Хафиза считается непродуктивным. Три сложноподчиненных прилагательных состоят из таджикских составных частей, в отличие от первого и третьего способа словообразования в данном случае основная часть идет первой в слове: *пайхучаста* «благословенный», *сархуш* «опьяненный», *дилсиёҳ//дилсияҳ* «коварный». Данные сложноподчиненные прилагательные образованы от отыменных словосочетаний: *пайи хучаста*, *сари хуш*, *дили сиёҳ*:

*Сӯфӣи сархуш аз ин даст, ки қач қард қулоҳ,
Ба ду ҷоми дигар ошӯфта шавад дастораи [45, 277].*

«**Пьяный** суфий, уже от кубка шапку сдвинул набекрень,
От кубков двух последующих край чалмы потечет».

***

*Хуррам он дам, ки чу Ҳофиз ба таваллои вазир,
Сархуш аз майкада бо дӯст ба қошона равам [45, 360].*

«Счастлив тот миг, когда, как Хафиз, я визиря мольбой,
Пьяным пойду из погреба винного с другом домой».

В приведенных выше двустопных сложноподчинённое прилагательное *сархуш* в первом определяет качество суфия, во втором бейте состояние Хафиза-вольнодумца.

Также следует отметить, что сложноподчиненные прилагательные могут иметь варианты в силу сохранения стихотворного размера:

*Додгаро, туро фалак чуръакаши пиёла бод,
Душмани дилсиёҳи ту зарқа ба хун чу лола бод [45, 515]*

«Правитель, пусть будет у тебя весь мир, как в кубке лишь глоток,
Твой злонамеренный враг пусть утонет в крови алой, словно мак»

***

*Дилам зи наргиси соқӣ амон нахост ба ҷон,
Чаро ки шеваи он турки дилсияҳ донист [45, 47].*

«Не прошу у очей виночерпия я пощады для себя,
Ведь знает это дело без меня тот турок коварный».

Сложноподчиненное прилагательное *пайхучаста*, состоящее из существительного *пай* и прилагательного *хучаста*, означает «счастливый, благословенный»:

*Дарёву кӯҳ дар раҳу ман хаставу заиф,
Эй Хизри пайхучаста, мадад кун ба ҳимматам [45, 314]*

«В движении потоки, горы, а я ослаб и немощен,
О, Хизр благословенный, ты руку милости мне протяни».

IV (5). Существительное + глагольная основа настоящего времени.
Данный способ словообразования сложноподчиненных прилагательных считается одним из продуктивных, где согласно языковой принадлежности составных частей одни делятся на две группы:

а) таджикская лексическая единица +таджикская лексическая единица: *шахрошӯб* «необыкновенный, причудливый», *дилошӯб* «волнующий», *дилафрӯз* «восхитительный», *чаҳонафрӯз* «лучезарная», *дилкушо* «радующий», *сухангузор* «красноречивый», *чаҳонбин* «мудрый», *дӯстпарвар* «дружелюбный», *душмангудоз* «непримиримый», *паймоншикан* «вероломный», *хунфишон* «кровопролитный», *чаҳонгир* «могущественный», *гунаҳфарсо* «безгрешный». В словообразовании сложноподчинённых прилагательных глагольная основа является основной составной частью, первая составная часть является зависимой:

Фигон, к-ин лӯлиёни шӯхи ширинкори шахрошӯб,

Чунон бурданд сабр аз дил, ки туркон хони ягморо [45, 3].

«Из сердца умчало терпенье- так с добычей мчатся тюрки,

Рой причудниц, - тот, с которым больше не ширазцам слада».

***

Он лаъли дилкашаш бин в-он хандаи дилошӯб,

В-он рафтани хушаш бин в-ин гоми орамида [45, 424].

«Устами алыми магнитом восхитись, волнующей улыбкой,

И грацией походки, повадкой дикой лани».

Сложноподчиненные прилагательные *шахрошӯб* и *дилошӯб* образованы из существительных и глагольных основ настоящего времени:

Чу бод азм сари кӯи ёр хоҳам кард,

Нафас ба бӯи хушаш мушкбор хоҳам кард [45, 135]

«Если намерен ветер к жилищу любимой моей долететь,

Дыхание его прекрасным ароматом мускуса наполню».

***

Ё Раб, ин шамъи дилафрӯз зи қононаи кист,

Чони мо сӯхт, бипурсид, ки чононаи кист [45, 67]

«О, Боже, эта свеча восхитительная, из какого дома,

Нам сердце прожгла, спросив, чья любимая она».

***

Хофиз агарчи дар сухан хозини ганчи ҳикмат аст,

*Аз гами рӯзгори дун табъи **сухангузор** ку?* [45, 415]

«Хотя Хафиз в поэзии хранителем мудрости слывет,

А в жизни передрягах, где ж тот **красноречивый?**».

Сложноподчиненное прилагательное *чаҳонбин* «всевидящий» является прилагательным существительных *чаим* «глаз» и *чом* «чаша». Словосочетание *чаими чаҳонбин* «всевидящее око» Хафиз использовал в двух значениях:

*То рафт маро аз назар он чаими **чаҳонбин**,*

Кас воқифи мо нест, ки аз роҳи хато рафт [45, 82].

«Ушло из вида моего мое **всевидящее** око,

Никто ведает, что мы на неверный встали путь».

Хоки раҳи он ёри сафаркарда биёред,

*То чаими **чаҳонбин** кунамаи чои иқомат* [45, 89].

«Принесите землю из под ног любимой, покинувшей нас,

Уголки наших глаз станут местом хранения ее».

В первом бейте Хафиз использовал данное словосочетание в значении близкого, любимого человека, а во втором в его прямом значении - человеческие глаза. Словосочетание *чоми чаҳонбин* в большинстве случаев используется в значении «волшебный кубок Джамшида» [10, 63-64], однако Хафиз в этом словосочетании использует его в значении последователя истинного пути:

*Гуфтам ин чоми **чаҳонбин** ба ту кай дод ҳаким,*

Гуфт он рӯз, ки ин гунбади мино мекард [45, 143]

«Спросил: когда мудрец тебе этот кубок всевидящий отдал,

Сказал: в тот день, когда этот небосвод лазурный создавал».

Хафиз с использованием существительных, противоположных по значению *дӯсту душман* «друзья и враги» и глаголов повелительного наклонения *парвару гудоз* (от инфинитива *парваридан* «воспитать,

лелеять» и инфинитива *гудохтан* «мучить, терзать») образовал два сложноподчиненных прилагательных:

Ҳофиз зи гиря сӯхт бигӯ ҳолаи, эй сабо,

Бо шоҳи дӯстпарвари душмангудози ман [45, 401].

«Хафиз от плача изнемог, о ветер, расскажи о нём,

Моему повелителю, лелеющем друзей и терзающим врагов».

б) арабская лексическая единица +таджикская лексическая единица:
рӯҳфазо «ободряющий», *ҷонафзо* «душевны», *ҷонбин* «видящие душу», *ҷонбахш* «животворный», *фараҳбахш* «радующий», *оқибатандеш* «осмотрительный», *хаёлангез* «пробуждающий воображение», *газалхон* «поющий», *завқбахш* «восхитительный», *тарабангез* «радующий», *назарбоз* «игривый». Приведенные нами сложноподчиненные прилагательные отражают особое отношение Хафиза к словообразованию прилагательных:

Нуктае рӯҳфазо аз даҳани дӯст бигӯ,

Номаи хушхабар аз олами асрор биёр [45, 249].

«Из уст дружелюбных слова **бодрящие** произнеси,

Послание благословенное из тайного мира принеси».

***

Он чи Искандар талаб карду надодаи рӯзгор,

Чуръае буд аз зулоли ҷоми ҷонафзои ту [45, 411].

«То, что желал Искандар, но не дала ему судьба,

Было лишь глотком чистым из кубка **животворящего**».

***

Хусраво, пиронасар Ҳофиз ҷавонӣ мекунад,

Бар умеди авфи ҷонбахши гунаҳфарои ту [45, 411].

«О, царевич, постаревший Хафиз, молодится для того,

Чтоб добиться твоего прощения **животворного**, безгрешного».

***

Дидани рӯи туро дидаи ҷонбин бояд,

В-ин кучо мартабаи чаими ҷаҳонбини ман аст [45, 52].

«Чтоб видеть лик твой, нужны мне глаза, видящие душу,
Куда мне с глазами, видящими лишь мир простой».

***

*Асири ишқ шудан чораи халоси ман аст,
Замири оқибатандеши пешбинон бин [45, 404].*

«Стать пленником любви - вот путь спасения моего,
Взгляни на сердца **осмотрительных** людей дальновидных».

***

*Ҳар к-ӯ накунад фаҳме з-ин килки хаёлангез,
Нақшаи ба ҳаром, ар худ суратгари Чин бошад [45, 163].*

«Кому не постичь кисти, **пробуждающей** воображение
Не дозволено рисовать, даже если он художник Чина».

***

*Назр кардам, гар аз ин гам бадар оям рӯзе,
То дари майкада шодону газалхон биравам [45, 359].*

«Дал милостыню, что если вырвусь когда-то я из этой печали,
До дверей винного погреба дойду веселым и **поющим** песни».

***

*Саҳни бустон завқбахшу суҳбати ёрон хуш аст,
Вақти гул хуш бод, к- аз вай вақти майхорон хуш аст [45, 43].*

«Лужайка сада **восхитительная**, беседа любимых хороша,
Слава весне, когда прекрасно от него любителям вина».

V(6). Существительное + глагольная основа прошедшего времени.

Шестой способ словообразования прилагательных в поэзии Хафиза является непродуктивным, данным способом образовано только два сложноподчинённых прилагательных с двумя таджикскими составными частями: *майолуд* «пропитанный вином», *хоболуд* «сонный, спящий»:

*Айбам бипӯш зинҳор, эй хирқаи майолуд,
К-он поки покдоман баҳри зиёрат омад [45, 171].*

«Прикрой мои грехи одежда, **пропитанная вином**,
Ведь чистая, безгрешная пришла ко мне на встречу».

***

*Бахти хоболуди мо бедор хоҳад шуд магар,
З-он, ки зад бар дида обе рӯи рахиони шумо [45, 11].*

«Может, проснется теперь наше спящее счастье,
Чувствую, в глаза падает вода светлая с вашего сияющего лица!»

VI (9). прилагательное + глагольная основа настоящего времени.

Данный способ является более продуктивным по сравнению с другими способами. Здесь сложноподчиненные прилагательные состоят в большинстве случаев из исконно таджикской лексики: *некхоҳ* «доброжелательный», *хушхон* «благозвучный», *хушгӯ* «красноречивый», *хушхиром* «грациозный», *хушгувор* «вкусный», *тезрав* «быстрый», *пурошӯб* «тревожный», *бадбин* «ненавидящий», *бадписанд* «нежеланный»:

*Сафнишинон некхоҳу нешкорон боадаб,
Дӯстдорон соҳибасрору ҳарифон дӯстком [45, 524].*

«Гости доброжелательные, прислужники прилежны,
Любимые таинственны, соперники удовлетворены».

Сложноподчиненное прилагательное *хушхон* в поэзии Хафиза является атрибутивом существительного *мурғ* «птица»:

*Мурғи хушхонро башорат бод, к-андар роҳи ишқ
Дӯстро бо нола шабҳои бедорон хуш аст [45, 43].*

«Пусть донесут до птицы благозвучной весть, что на пути любви,
Возлюбленные бессонные ночи проводят в плаче и печали».

***

*Гар баҳори умр бошад боз бар тахти чаман,
Чатри гул дар сар кашӣ, эй мурғи хушхон, гам махӯр [45, 255].*

«На престол холма восходит с опахалом роз весна,
Что ж твоя, о, птица сладкоголосая, ноет рана? Не печалься!».

Сложноподчиненное прилагательное *хушхиром* относится в нижеследующем бейте к существительным *кабк* «куропатка» и *тазарв* «фазан»:

*Эй кабки хушхиром, кучо меравӣ, бишт,
Гарра машав, ки гурбаи зоҳид намоз кард [45, 133].*
«О, куропатка **горделивая**, куда спешишь, стой,
Не обольщайся, на охоту кошка вышла за тобой».

***

*То кай андар доми васл орам тазарве хушхиром,
Дар каминам в-интизори вақти фурсат мекунам [45, 351].*
«До коль в силки любви хочу похитить я фазана горделивого,
Поставивь западню, стою и время выжидаю».

Сравнительный анализ данных сложноподчиненных прилагательных показывает, что в некоторых случаях они могут функционировать самостоятельно:

*Чаими осоиш кӣ дорад аз сипехри тезрав,
Соқиё, чоме ба ман деҳ, то биосолям даме [45, 472].*
«Спокойный взгляд, скажи у кого, от **быстроходной** вселенной,
О, виночерпий, дай чашу мне, чтоб покой обрел я хоть на миг».

***

*Тариқи шиқ **пурошӯбу** фитна аст, эй дил,
Бияфтад он, ки дар ин роҳ бо шитоб равад [45, 221].*
«**Неспокойны** и лукавы пути любви, о сердце,
Тот, кто поспешит на них, без сомнения упадёт».

***

*Ба чаими ақл дар ин **раҳгузори пурошӯб**
Чаҳону кори чаҳон бесуботу бемаҳал аст [45, 45]*
«Глазами разума путника **беспокойного**,
Мир, мироздание все - без порядка и мгновенно».

Во втором приведенном бейте сложноподчиненное прилагательное *пурошӯб* является самостоятельным словом и в отличие от прилагательного *тезрав* в третьем бейте и *пурошӯб* в первом бейте не находится в составе словосочетания.

В нижеприведенном бейте использовано сложноподчиненное прилагательное, зависимой частью которого является арабское слово:

Хаёли ҳавсалаи баҳр меназад ҳайҳот,

Чиҳост дар сари ин қатраи муҳоландеш [45, 290].

«О бескрайнем океане мечты несбыточные гурьбой,

Витают в голове этой капли **тщетной** и пустой».

Если в приведенном выше бейте сложноподчиненное прилагательное *муҳоландеш* является прилагательным существительного *қатра*, то в следующем бейте является прилагательным существительного *дил*:

Даҳони неки ту дилхоҳи чони Ҳофиз шуд,

Ба чон бувад хатарам з-ин дили муҳоландеш [45, 15].

«Твои уста благозвучные желают душу Хафиза получить,

От сердца этого **тщетного**, пустого опасность той душе грозит».

VII (12). Числительное + существительное. Данный способ является непродуктивным, и сложноподчиненные прилагательные образуются с числительными *як* «один», *ду* «два» и *сад* «сто» на основе существительных *сар* «голова», *соат* «час», *қабо* «плащ» и *сол* «год»:

Шоҳро беҳ бувад аз тоати садсолаву зӯҳд,

Қадри яксоата умре, ки дар ӯ дод кунад [45, 190].

«Чем сто лет в молитве преклоняться правителю, лучше

Лишь час один справедливость творить».

***

Чил сол ранҷу гусса кашидему оқибат,

Тадбири мо ба дасти шароби дусола буд [45, 214].

«Сорок лет мы страдали и мучались, и наконец,

Спасенье наше было в руках двухлетнего вина».

Необходимо отметить, что в поэзии Хафиза иногда встречается образование прилагательных из двух числительных, например: *чаҳордаҳсола* «четырнадцатилетняя»:

Чаҳордаҳсола буте чобуки ширин дорам,

Ки ба чон ҳалқа ба гӯш аст маҳи чордаҳаш [45, 37]

«Есть у меня красавица четырнадцатилетняя, легкая, сладкая,
В душе моей, как серьга, повис месяц её четырнадцатидневный».

VIII (16). Местоимение + основа настоящего времени глагола.

Шестнадцатый способ словообразования сложноподчиненных прилагательных является малопродуктивным, он образуется только посредством возвратного местоимения *худ* и глаголов повелительного наклонения *писанд*, *бин*, *рӯ* (*й*): *худписанд* «самовлюбленный», *худбин* «эгоист», *худрӯ* «дикий, полевой». В приведенном ниже бейте сложноподчиненное прилагательное *худписанд* является определением существительного *шайх*, *худбин* определением существительного *зоҳид* и слово *худрӯ* определением существительного *лола*:

*Гар ҷилва менамоиву гар таъна мезанӣ,
Мо нестем муътақиди шайхи худписанд* [45, 177].

«Если кокетничаешь ты, иль укоряешь нас,
Мы никогда не следуем шейху **самовлюбленному**».

***

*Ё Раб, ин зоҳиди худбин, ки ба ҷуз айб надид,
Дуди оҳеи дар оинаи идрок андоз* [45, 246].

«О, Боже, этот захид **себялюбец**, видящий только грехи,
Пусть дыханием его затуманится зеркало истины».

***

*На ин замон дили Ҳофиз дар оташи ҳавас аст,
Ки доғдори азал ҳамчу лолаи худрӯст* [45, 59].

«Сердце Хафиза не только сегодня желанием горит,
Пятно желанья, как пятна черные на маке полевым» .

В целом, об использовании и особенностях словообразования сложносоставных прилагательных в поэзии Хафиза Ширази можно сделать следующие выводы:

1. Сложносочиненные прилагательные в поэзии Хафиза по способам образования – первому способу (повтор слов) является непродуктивным,

второй способ (повтор слов и интерфиксы): с интерфиксом *-o-* является непродуктивным (*дамодам*), с интерфиксом *-у-* не встречается.

2. Степень употребления и некоторые характерные особенности сложноподчиненных прилагательных в поэзии Хафиза по 8 способам образования (1, 2, 3, 5, 6, 9, 12, 16) отличаются друг от друга. Сложноподчиненные прилагательные, образованные по 1-ому способу (сущ.+сущ., *гулрух*) являются непродуктивными, вторая составная часть является основной, первая – зависимой, в некоторых случаях они идут последовательно. Согласно 2-ому способу (прилагательное+сущ., *ширинкор*) по сравнению с 1-ым способом является более продуктивным и в большинстве случаев состоит из таджикской лексики.

3. Способ 3-й (сущ.+прилагательное, *сархуш*) отличается непродуктивностью, с таджикскими составными частями, следование основной и далее зависимой части слова, образование именных словосочетаний, 5-й способ словообразования прилагательных (сущ.+глагольная основа настоящего времени, *сухангузор*) отличается продуктивностью, согласно этимологии состоит из таджикских+таджикских, таджикских+арабских слов, 6-й способ (сущ.+глагольная основа прошедшего времени, *майолуд*) отличается непродуктивностью, состоит из исконно таджикской лексики.

4. Способ 9-й словообразования прилагательных (прилагательное+глагольная основа настоящего времени, *хушхон*) по сравнению с другими способами является более продуктивным, состоит из исконно таджикских слов; 12-й способ (числительные+сущ., *яксон*) является непродуктивным, образуется посредством числительного *як* и существительными *сар* и *сон*; 16-й способ (местоимение+глагольная основа настоящего времени, *худписанд*) отличается непродуктивностью, образуется только посредством возвратного местоимения *худ* и глаголами повелительного наклонения *писанд*, *бин*, *рӯ(ӣ)*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение и глубокое исследование словообразования имён существительных и прилагательных в поэзии Хафиза Ширази показывают, что в литературном таджикском (персидском) языке XIV-XV вв., как и в предыдущие века, наблюдается тенденция влияния поэтического языка классической литературы, и в силу поэтического мастерства и таланта каждого литератора, тенденция развития языка диверсифицируется новшествами и усовершенствованием существующих традиций.

Всестороннее исследование, анализ и сравнение словообразования имён существительных и прилагательных поэзии Хафиза Ширази с современным этапом развития литературного таджикского языка составляло определенную трудность, однако, по нашему мнению, дало свои научные результаты. Одной из трудностей, возникших в ходе исследования вопросов словообразования, стало отсутствие научных изысканий по вопросу префикса *хам-*, образующего имена существительные. В целом, по результатам проведенного исследования по вопросу словообразования имён существительных и прилагательных в поэзии Хафиза можно сформулировать следующие выводы:

1. Исследование истории возникновения и развития префикса *хам-* в современном литературном таджикском языке показало, что данный аспект в области словообразующих элементов требует глубокого и всестороннего изучения, необходимо исследование их вариативности в средневековых и современных словарях, их роли в образовании не только производных, но и составных и сложносоставных существительных. Приложение, разработанное в рамках данной диссертационной работы, может стать важным теоретическим и методологическим основанием для начала изысканий в данном направлении.

2. Статистические данные Приложения 1 показали, что префикс *хам-* в основном, присоединяясь к существительным и глагольным основам,

образует имена лиц и абстрактные существительные, а присоединяясь к указательным местоимениям *ин* и *он*, постепенно обретает слитную, неразделимую форму и образует местоимения.

3. Префикс *хам*-в поэзии Хафиза Ширази, согласно доступным копиям дивана газелей, участвует в образовании только десяти-пятнадцати имён существительных, и по сравнению с современным таджикским и персидским языками, имеет более ограниченную сферу использования. В настоящее время префикс *хам*- при образовании производных лексических единиц присоединяется к исконно таджикской (персидской), арабской, иногда к греческой, тюркской, монгольской, русской и французской лексике. Составление частотных словарей подобных словарю “Словарь лексики Хафиза” Мехиндухт Сиддикиён и Абуталиба Мироббидини окажет содействие в последовательном и обоснованном исследовании языковых особенностей классической литературы.

4. Степень использования суффиксов, образующих имена существительные в поэзии Хафиза Ширази, не полностью соответствует современным нормам таджикского литературного языка, определенным таджикскими лингвистами. Если какой-либо суффикс в современном таджикском литературном языке является продуктивным, в поэзии Хафиза или других классических поэтов он является малопродуктивным или же непродуктивным. Суффиксы, образующие имена существительные, в поэзии Хафиза по степени использования, языковой принадлежности основы к частям речи и способа образования делятся на следующие группы:

а) продуктивные суффиксы: -й(-гй), -а, -иш, -гох//гаҳ, -гар:

-суффиксальная морфема *-й(-гй)*, соединяясь с существительными, прилагательными, основой настоящего времени глагола, наречиями времени и образа действия, образует абстрактные существительные (*подшоҳӣ, талхӣ, ҳастӣ*);

- суффикс *-а*, соединяясь с существительными, прилагательными, числительными, основой настоящего времени глагола, образует различные имена существительные (*чаиша, вайрона, панча, овеза*);

-суффикс *-иш*, соединяясь с основой настоящего времени глагола, образует имя действия (*биниш*);

-суффикс-*гоҳ//-гаҳ*, соединяясь с существительными, прилагательными, глаголами и наречиями, образует абстрактные имена (*такягоҳ, гузаргоҳ, пешгоҳ*);

- суффикс *-гар* из абстрактных существительных образует новые абстрактные существительные (*кӯзагар*);

б) малопродуктивные суффиксы: *-дон, -зор, -истон, -гор*:

- суффиксальная морфема *-дон* образует из имён предметов и абстрактных имен новые имена предметов и абстрактные имена (*занахдон*);

- суффиксальная морфема *-зор* из имен предметов образует имена места (*гулзор*);

-суффиксальная морфема *-истон* из абстрактных существительных образует имена, означающие место (*шабистон*);

- суффиксальная морфема *-гор* из абстрактных существительных образует имена лица и новые абстрактные имена (*ёдгор*);

в) непродуктивные суффиксы: *-ор, -она, -сор, -бон, -ол*:

- суффиксальная морфема *-ор* из глагольной основы прошедшего времени образует имена лиц и абстрактные имена (*харидор*);

- суффиксальная морфема *-она* на основе абстрактных имен образует новые абстрактные имена (*шукрона*);

- суффиксальная морфема *-сор* на основе имен предметов и абстрактных имен создает новые имена предметов и абстрактные имена (*шармсор*);

- суффиксальная морфема *-бон* на основе имен предметов и абстрактных имен образует имена ремесел, профессий, занятий (*богбон*);

- суффиксальная морфема *-ол* из имен существительных образует новые имена существительные (*дунбол*).

5. Позиция префиксов, образующих имена прилагательные, по сравнению с префиксом, образующим имена существительные, более устойчива, наряду с тем, что в поэзии Хафиза никогда не встречается использование префиксов *бар-*, *то-*, *дар-*; префиксальные морфемы *ба-* (*бо-*), *бе-*, *но-* являются продуктивными.

6. Суффиксы, образующие имена прилагательные, в поэзии Хафиза отличаются по степени использования от функционирования на современном этапе развития таджикского литературного языка суффиксов, классифицированных современными учеными-языковедами:

а) продуктивные суффиксы: суффиксы *-ӣ*, *-гӣ*, *-она*, *-гона*, *-нок* в современном литературном таджикском языке продуктивны, а в поэзии Хафиза продуктивными являются суффиксы *-она*, *ин*, *-он*;

б) малопродуктивные суффиксы: суффиксальные морфемы *-онӣ*, *-ак*, *-гун*, *-ин*, *-гин* в современном таджикском литературном языке указаны как малопродуктивные, однако, в поэзии Хафиза малопродуктивными считаются суффиксы *-манд*, *-нок*, *-ина*, *-гун*, *-ваш*, *-вор*;

в) непродуктивные суффиксы: в современном таджикском литературном языке суффиксы *-осо*, *-ваш*, *-фом* являются непродуктивными, а в поэзии Хафиза считаются непродуктивными суффиксы *-ук*, *-фом*, образующие имена прилагательные.

7. Исследования показали, что сведения, указанные в научных источниках по вопросу использования суффиксов, образующих имена прилагательные, не однозначны и отличаются друг от друга, по сути. Нами исследована количественная и качественная частотность суффиксов, образующих прилагательные, однако для более полного определения степени их использования в поэзии Хафиза, необходимо глубокое и всестороннее исследование наследия его современников.

8. В ходе изучения словообразования сложносоставных существительных в поэзии Хафиза выяснилось, что в данном вопросе

остаются многочисленные пробелы, неизученные вопросы, требующие теоретического и практического исследования. По сложносочиненным именам существительным нами сделаны следующие выводы:

- несоответствие определений, данных языковедами сложносочиненных существительных с примерами из современной литературы, а также примерами из творчества Хафиза (*молломол*);

- приобретение словами данной категории необычных, неупотребляемых значений в поэзии Хафиза (*ба май шустушӯ кардани хирқа*);

- использование сложносоставных слов вместо двух простых лексических единиц или обозначение двух простых слов (*гуфтугӯ* вместо *гӯш ва забон*);

- ограниченное употребление сложносочиненных существительных в поэзии Хафиза Ширази по сравнению с современным таджикским литературным языком.

9. Сложноподчиненные существительные по способу образования делятся на три группы, каждая группа, в свою очередь, делится на соответствующие подгруппы:

- а) к первой группе по степени использования и продуктивности относятся:

- первый способ образования (сущ.+сущ., *саранҷом*) в поэзии Хафиза, по сравнению с современным литературным таджикским языком, непродуктивен;

- второй способ образования (сущ.+прилагательное, *саргарм*) и в поэзии Хафиза, и в современном таджикском литературном языке маропродуктивен;

- третий способ образования (сущ.+причастие) в поэзии Хафиза непродуктивен.

- б) вторая группа сложноподчиненных существительных по способам образования и степени использования делятся на следующие подгруппы:

- первый способ словообразования (сущ.+сущ., *ниҳонхона*) является продуктивным;

- второй способ словообразования (прилагательное+сущ., *шириндаҳан*) является малопродуктивным;

- третий способ словообразования (числительное+сущ., *якранг*) является малопродуктивным.

в) третья группа включает три способа образования, степень использования которых в поэзии Хафиза следующая:

- первый способ словообразования (сущ.+глагольная основа, *зардӯз*) является продуктивным;

- второй способ словообразования (сущ.+ основа прошедшего времени глагола, *сарнавишт*) и в современном таджикском литературном языке, и в поэзии Хафиза является малопродуктивным;

- третий способ словообразования (прилагательное+глагольная основа настоящего времени, *бадгӯ*) и в современном таджикском литературном языке, и в поэзии Хафиза является непродуктивным.

10. Исследование сложносочиненных прилагательных показало следующие особенности:

- соединение между составными частями сложносочиненных прилагательных в поэзии Хафиза наблюдается только посредством интерфиксов *-о-*, слова *нӯшонӯш* и *дамодам* образованы от повтора глагольной основы настоящего времени и повтора существительных;

- сложносочиненное прилагательное, образованное посредством повтора прилагательного *хуш*, ограничивается только одной единицей *хуш-хуш*;

11. Из 17 способов образования сложноподчиненных прилагательных (только 13 способов из них в научных источниках указаны правильно) в поэзии Хафиза использованы только 7:

- первый способ (существительное+существительное), второй (прилагательное+сущ.), пятый (существительное+ основа настоящего

времени глагола), девятый (прилагательное+ основа настоящего времени глагола) являются продуктивными;

- шестнадцатый способ (местоимение + основа настоящего времени глагола) является малопродуктивным;

- шестой способ (существительное+глагольная основа прошедшего времени), двенадцатый (числительное+существительное) являются непродуктивными.

Исследование словообразования сложносоставных имен существительных и прилагательных показало, что в современном языкознании существует еще немало проблем, требующих более углубленного изучения. В вопросах языкознания всегда будут существовать спорные вопросы, составляющие суть понятия «научное исследование» и «научная полемика», и дающие мотивацию для дальнейшего исследовательского интереса и поиска. Такими все еще остаются вопросы словообразования имён существительных и прилагательных в таджикском языке, создающие предпосылки для дальнейших исследований и дальнейшего развития языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

І. Источники:

1. Анварӣ, Ҳасан. Фарҳанги фишурдаи суҳан. [Матн]: Иборат аз ду ҷилд / Ҳасан, Анварӣ.-Техрон:Суҳан,1382. Ҷ.2.-1570с.
2. Арзуманов, С.Д . Русско-таджикский словарь [Текст]: / С.Д. Арзуманов, Х.А., Ахрори [и др].-Москва: Русский язык, 1985.- 1280 с.
3. Бобомуродов, Ш. Луғати мухтасари калимасозии забони тоҷикӣ. [Матн]: /Ш. Бобомуродов, А. Муминов. Дастури таълим. – Душанбе, 1983.-120с.
4. Бурҳон, Муҳаммадхусайн. Бурҳони қотеъ [Матн]: Иборат аз 4 ҷилд/ Муҳаммадхусайн, Бурҳон.-Техрон: Ибни Сино, Рушдия. Ҷилди 4. Аз с.1931 то 2480.
5. Буснавӣ, Муҳаммадсудӣ. Шарҳи Судӣ бар Ҳофиз [Матн]: Иборат аз 4 ҷилд/ Муҳаммадсудӣ, Буснавӣ.-Техрон: Нигоҳ. Ҷилди 1.- 1389.
6. Буснавӣ, Муҳаммадсудӣ. Шарҳи Судӣ бар Ҳофиз [Матн]: Иборат аз 4 ҷилд/ Муҳаммадсудӣ, Буснавӣ.-Техрон: Нигоҳ. Ҷилди 2.- 1389.
7. Буснавӣ, Муҳаммадсудӣ. Шарҳи Судӣ бар Ҳофиз [Матн]: Иборат аз 4 ҷилд/ Муҳаммадсудӣ, Буснавӣ.-Техрон: Нигоҳ. Ҷилди 3.- 1389.
8. Буснавӣ, Муҳаммадсудӣ. Шарҳи Судӣ бар Ҳофиз [Матн]: Иборат аз 4 ҷилд/ Муҳаммадсудӣ, Буснавӣ.-Техрон: Нигоҳ. Ҷилди 4.- 1389.
9. Гнязкова, В.П., Поповцева, Т.М., Судоплакова, М.Н. [и др.] Словарь русского языка [Текст]:/ В.П. Гнязкова, Т. М. Поповцева, М.Н. Судоплакова[и др.]. В четырех томах (Академия наук СССР).- Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.- Том 2.- 1958.- 1016 с.
10. Гнязкова, В.П., Поповцева, Т.М., Судоплакова, М.Н. [и др.] Словарь русского языка [Текст]:/ В.П. Гнязкова, Т. М. Поповцева, М.Н.

Судоплакова[и др.]. В четырех томах (Академия наук СССР).- Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.- Том 4.- 1961.- 1088 с.

11. Иброҳимов, С.И. Ўзбек тилининг имло лугати (65 000 дан ортиқ сўз, ЎзССР фанлар академияси академиги Ш.Ш. Абдурахмонов таҳрири остида) [Матн]: /С.И. Иброҳимов, Э.А. Бегматов, А.А. Аҳмедов.- Тошкент: “Фан” нашриёти, 1976.- 632 бет.

12. Исрофилниё, Ш.Р. Фарҳанги таҳлилии алфози хароботии ашъори ХочаҲофиз[Матн]: /Ш.Р. Исрофилниё.- Душанбе, 2010.- 178с.

13. Қурбон, Восеъ. Ойини риндӣ ё маслаки Ҳофиз [Матн]:/Восеъ Қурбон.-Душанбе: Ирфон,1991.-192с.

14. Мирзо, Муҳаммадали Соиб [Матн]: Мунтахабот. Мурадтибон: Аҳрорӣ З.,Лоик Ш.- Душанбе: Ирфон, 1980.-702с.

15. Моликӣ, Умед. Фарҳанги форсии фарҳехта [Матн]:/ Умед, Моликӣ.- Техрон: Бадеҳа, 1387.-1427с.

16. Муин, Муҳаммад. Фарҳанги форсии Муин. [Матн]: Иборат аз 6 ҷилд/ Муҳаммад, Муин. Ҷ.6- Техрон: Сухан,1389.

17. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь В. К. Мюллера[Текст]:/ В.К.Мюллер.- Москва: Рипол классик; Престиж книга, 2006.- 736 с.

18. Насриддин, А. Матншиносии осори адабӣ [Матн]: / А. Насриддин.- Хучанд:Ношир, 2009.-391с.

19. Нӯъмонӣ, Ш. Шеър-ул-ачам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон [Матн]: Иборат аз панҷ ҷилд/ Ш. Нӯъмонӣ.Ҷилди 3.- Техрон: Дунёи китоб, 1368.

20. Нӯъмонӣ, Ш. Шеър-ул-ачам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон [Матн]: Иборат аз панҷ ҷилд/ Ш. Нӯъмонӣ.Ҷилди 5.- Техрон: Дунёи китоб, 1368.

21. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: [Текст]: Около 57 000 слов /под ред. докт. фил. наук, проф. Н.Ю Шведовой) Сергей Иванович, Ожегов.-Москва: Русский язык, 1983.-816 с.

22. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: [Текст]:80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное./ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.- Москва: ООО “ИТИ ТЕХНОЛОГИИ”, 2003.- 944 с.
23. Онандроч, Муҳаммадподшоҳ. Фарҳанги чомаи форсӣ [Матн]: Иборат аз 7 ҷилд / Муҳаммадподшоҳ, Онандроч. Ҷ.7.-Техрон: Китобфуруши Хайём,1343. Аз с.4252 то 4702.
24. Родфар, Абулқосим. Ҳофизпажӯҳон ва ҳофизпажӯҳӣ [Матн]: / Абулқосим, Родфар. Чопи аввал.-Техрон,1368.- 429с.
25. Ромпурӣ, Муҳаммад Гиёсиддин. Гиёс-ул-луғот [Матн]:/ Муҳаммад Гиёсиддин, Ромпурӣ.- Техрон,1358.-991с.
26. Самарқандӣ, Давлатшоҳ. Тазкират-уш-шуаро [Матн]:/ Давлатшоҳ, Самарқандӣ.-Лондон,1901.- 621с.
27. Сиддиқиён, Маҳиндухт. Фарҳанги воҷанамои Ҳофиз [Матн]:/ Маҳиндухт, Сиддиқиён.-Техрон,1366.
28. Фарзона. Себарга [Матн]:/ Фарзона.-Хучанд, 2010.- 488с.
29. Фарҳанги даҳ ҳазор вожа аз девони Ҳофиз [Матн]: Техрон: Пожанг, 1329.-1449с.
30. Фарҳанги забони тоҷикӣ [Матн]: Иборат аз 2 ҷилд/ «Советская энциклопедия».- Москва, Ҷ.2.- 1969.- 949 с.
31. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ [Матн]: Иборат аз 2 ҷилд/ Ҷилди 2.-Душанбе, 2010.-1096 с.
32. Хуррамшоҳӣ, Баҳоуддин. Ҳофизнома[Матн]:/Баҳоуддин, Хуррамшоҳӣ. Қ.1.-Техрон,1378.-764с.
33. Хуррамшоҳӣ, Баҳоуддин. Ҳофизнома [Матн]:/ Баҳоуддин, Хуррамшоҳӣ.Қ.2.-Техрон, 1378.-764с.
34. Хучандӣ, К. Девон [Матн]: (таҳия ва тасҳеҳи матн аз Абдучаббори Суруш ва Саидумрон Саидов)./К. Хучандӣ.- Хучанд: Андеша, 2011.- 632 с.
35. Ҳасан, Амид. Фарҳанги Амид. [Матн]:/ Иборат аз 3 ҷилд / Амид, Ҳасан. Ҷ. 1.(А-Ҷ) - Техрон: Амири Кабир,1381.-848с.

36. Ҳасан, Амид. Фарҳанги Амид. [Матн]:/ Иборат аз 3 ҷилд / Амид, Ҳасан. Ҷ. 2.(Ч-Ғ) - Техрон: Амири Кабир,1381.- 849-1688с.
37. Ҳасан, Амид. Фарҳанги Амид. [Матн]:/ Иборат аз 3 ҷилд / Амид, Ҳасан. Ҷ. 3.(Ъ-Ё) - Техрон: Амири Кабир,1381.- 1689-2539 с.
38. Ҷомӣ, Абдурахмон. Баҳористон. [Матн]: (таҳиягари матн, муаллифи сарчашмаву тавзеҳот ва шореҳи луғот А. Афсаҳзод) / Абдурахмон, Ҷомӣ.-Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2008.-204с.
39. Ҷомӣ, Абдурахмон. Нафаҳот-ул-унс. [Матн]: / Абдурахмон, Ҷомӣ.-Техрон,1370.-1214с.
40. Шерозӣ, Мир Ҷамолиддин Инҷуӣ. Фарҳанги Ҷаҳонгирӣ [Матн]: Иборат аз 3 ҷилд / Мир Ҷамолиддин Инҷуӣ Шерозӣ.-Машҳад: Интишороти донишгоҳи Машҳад. Ҷ.1 ,1359.-1334 с.
41. Шерозӣ, Мир Ҷамолиддин Инҷуӣ. Фарҳанги Ҷаҳонгирӣ [Матн]: Иборат аз 3 ҷилд/ Мир Ҷамолиддин Инҷуӣ, Шерозӣ.-Машҳад:Интишороти донишгоҳи Машҳад. Аз с.1337 то 2987.
42. Шерозӣ, Саъдӣ. Куллиёт [Матн]/ Саъдӣ, Шерозӣ.-Техрон: Хурмус, 1375.-1406с.
43. Шерозӣ, Ҳофиз. Девони Ҳофиз [Матн]:/ Ҳофиз, Шерозӣ.(Бо истифода аз нусхаи тасхеҳшудаи Муҳаммад Қазвинӣ ва Қосим Ғанӣ).-Техрон: Иқбол,1371.-369с.
44. Шерозӣ, Ҳофиз. Девони ғазалиёт [Матн]:баргардон аз форсӣ /Мураттиб Ҷамшед Шанбезода. –Душанбе: Ирфон, 1983.
45. Шерозӣ, Ҳофиз. Девони Ҳофиз./ Ҳофиз, Шерозӣ.(Бар асоси нусхаи Халхолӣ ва муқобила бо нусхаи Бодлиён ва Панҷоб, бо тасхеҳи Баҳоуддин Хуррамшоҳӣ).-Техрон: Дӯстон,1385.-668с.
46. Шоҳаҳмад, Абдучаббор. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ:Хуросон, 2015.-736с.

II. Научные источники по языковедению:

47. Амонова, Ф.Р. Именное аффиксальное словообразование в современном персидском и таджикском языках [Текст]: Учеб. пособие./ Ф.Р Амонова. -Душанбе: Изд-во ТТУ, 1982.- 55с.
48. Ваххобов, Т. Вазъи амалкарди забони тоҷикии адабӣ (Пеш аз Инқилоби Октябр) [Матн] / Т. Ваххобов. -Хучанд: Ношир, 2013.-112с.
49. Герценберг, Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индо- иранских языках [Текст] / Л.Г. Герценберг.-Л.: Наука, 1972.-274 с.
50. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. Душанбе: Дониш, 1985.- 358с.
51. Ғаниева, С. Таркиби ономасиологии калимаҳои мураккаби забони тоҷикӣ. [Матн]:/С. Ғаниева.- Хучанд: Нури маърифат, 2016, 188с.
52. Даль, В.А. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: /В.А.Даль. Том четвертый.- Санкт-Петербург- Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вальфа, 1882 (настоящее изд. 1955 г.).- 684 с.
53. Додихудоев, Р.Х. Таърихи забони тоҷикӣ [Матн] /Р.Х. Додихудоев, Л.Г. Герценберг.- Душанбе: Маориф,1988. -215с.
54. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Лексикология. Фонетика. Морфология. Душанбе: Ирфон,1973.-450с.
55. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Лексикология. Фонетика. Морфология. - Душанбе: Ирфон,1982. -462с.
56. Зеҳнӣ, Т. Санъати суҳан [Матн] /Т. Зеҳнӣ.- Душанбе: Адиб, 2007.-400 с.
57. Зеҳнӣ, Т. Сарфи забони тоҷикӣ [Матн] /Т. Зеҳнӣ, Л. Бақозода. - Душанбе: Ирфон, 2010.- 150 с.
58. Зоҳидов, А. Таъсири забони русӣ ба калимасозии забони адабии тоҷик [Матн] / А. Зоҳидов.–Хучанд: Ношир, 2009. -160 с.

59. Камолова, Г. Хусусиятҳои морфологӣ забони «Маҷмӯъ –уттаворих». [Матн] / Г. Камолова.-Душанбе: Дониш, 1984.- 92 с.
60. Капранов, В. Чашномаи Ҳофиз. Сухани Ҳофиз дар фарҳангҳои форсу тоҷик [Матн] / В., Капранов.-Душанбе: Дониш, 1977.- С.51
61. Касимов, О. Деривация в “Шахнаме” Абулкасима Фирдавси [Текст] /О. Касимов. –Душанбе: Деваштич, 2006, -188с.
62. Қосимов, Б. Нигоҳе ба таърихи лексикаи забони порсии дарӣ дар асоси маводи “Таърихи Табарӣ”-и Балъамӣ [Матн] /Б.Қосимов.-Душанбе: 1995.-200с.
63. Муҳаммадиев, М. Вожашиносии забони муосири тоҷик [Матн] / М. Муҳаммадиев. - Душанбе, 1999. -247с.
64. Ниёзмӯхаммадов, Б. Морфологияи забони тоҷикӣ [Матн] / Б.Ниёзмӯхаммадов, Л. Бузургзода.- Сталинобод, 1941.
65. Ниёзмӯхаммадов Б., Ниёзӣ Ш., Бузургзода Л. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Фонетика ва морфология. Барои синфҳои 5-6-уми мактабҳои ҳафтсола ва миёна. Қисми I.–Сталинобод: Нашриёти давлатии адабиёти таълимӣ-педагогии Тоҷикистон, 1959.– 108 с.
66. Ниёзмӯхаммадов, Б. Баъзе масъалаҳои забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] /Б. Ниёзмӯхаммадов.- Душанбе: Ирфон, 1965.- 92 с.
67. Ниёзмӯхаммадов, Б. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷикӣ. Фонетика ва морфология. [Матн]: Иборат аз 2 қисм/ Б. Ниёзмӯхаммадов, Ш. Ниёзӣ, Л. Бузургзода.Қ.1.- Сталинобод: Нашриёти давлатии адабиёти таълимӣ-педагогии Тоҷикистон, 1959.- 108 с.
68. Ниёзмӯхаммадов, Б. Грамматикаи забони тоҷикӣ [Матн] / Қ.1. Б.Ниёзмӯхаммадов, Ш. Ниёзӣ.- Сталинобод, 1954. с. 41-53.
69. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ. [Матн] /Ш.Ниёзӣ. - Сталинобод: Нашриёти АУ Тоҷикистон, 1954.

70. Низомова, С.Ф. Калимасозии сарфӣ дар “Хамса”-и Низомии Ганҷавӣ [Матн] :С.Ф. Низомова.- Душанбе, 2002.- 180с.
71. Пейсиков, Л.С. Лексикология современного персидского языка [Текст] /Л.С. Пейсиков -Москва: Изд-во Московского университета, 1975.- 202 с.
72. Расторгуева, В.С. Среднеперсидский язык. [Текст] /В. С. Расторгуева -М.: Наука, 1966.-160с.
73. Рахматуллозода С. Словообразования имён существительных в южных и юго-восточных говорах таджикского языка/ С. Рахматуллозода.-Душанбе, 2016.-239 с.
74. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: / Ш. Рустамов. -Душанбе, 1972.- 76с.
75. Рустамов, Ш. Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм [Матн] /Ш. Рустамов. –Душанбе: Дониш, 1972.- 92с.
76. Рустамов, Ш. Исм [Матн] / Ш. Рустамов.-Душанбе: Дониш, 1981.- 219с.
77. Рустамов, Ш. Калимасозӣ дар исм [Матн] /Ш. Рустамов.- Душанбе: Дониш,1989.-71с.
78. Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форсии миёна[Матн]/С. Саймиддинов. –Душанбе: Пайванд, 2001.- 210с.
79. Самарқандӣ, С.А. Сарфу наҳви забони тоҷикӣ [Матн]: /С.А. Самарқандӣ.- Самарқанд, 1926.- 91с.
80. Усмонов, К. Грамматикаи назарии забони англисӣ [Матн]: /К. Усмонов –Хучанд:Нури маърифат.- 2011.- 236 с.
81. Хоркашев, С. Р. Суффиксальное словообразование имён существительных[Текст] /С.Р. Хоркашев. –Душанбе, 2010. -143с.
82. Хоркашев, С. Р. Термины словообразования [Текст] / С.Р. Хоркашев. – Душанбе, 2012. -66с.
83. Хоркашев, С. Р. Словообразование и словарный состав [Текст] / С.Р. Хоркашев. –Душанбе, 2014. -132с.

84. Ҳалимов, С. Таърихи забони адабии тоҷик. (асрҳои XI-XII) Дастури таълими [Матн]: /С. Ҳалимов. - Душанбе, 2002.-91с.
85. Шанский, Н.М. Основы словообразовательного анализа [Текст] /Н.М. Шанский.-М.,1993.- 56с.
86. Шанский, Н.М. Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н.М. Шанский. -М.: Изд-во Московского университета, 1968.- 312 с.
87. Шарифов, Б. Хусусияти морфологии «Бадоеъ-ул-вақоеъ»-и Восифӣ [Матн] /Б. Шарифов.-Душанбе: Дониш,1985.-160с.
88. Шоев, Э. Морфема –й образующая относительные прилагательные и его синонимы (Морфемаи сифати нисбисозӣ –й ва синонимҳои он) // Актуальные проблемы иранской филологии [Текст] / Э. Шоев. –Душанбе: «Дониш», 1985. -С. 176-184.
89. Шукуров, М. Ҳар суҳан ҷоеву ҳар нукта мақоме дорад[Матн] /М. Шукуров.- Душанбе: Ирфон, 1985.- 368с.

III. Диссертации:

90. Азам, Г. А. Аффиксальное словообразование имен прилагательных в "Шахнаме" Абулькасыма Фирдоуси[Текст]:Дисс.. канд. фил. наук .- Душанбе, 2013.- 153 с.
91. Амлоев А. Я. Словообразование имён существительных в художественной прозе Фазлиддина Мухаммадиева [Текст]:Дисс.канд. фил. наук .- Душанбе, 2014.- 229 с.
92. Бобоева, М. Масъалаҳои маърифати бадеӣватаҳлилиашъориҲофиздаршарҳиСудӣ[Текст]:Дисс.. канд. фил. наук .- Душанбе, 2007.- 153 с.
93. Саломов, М. Ифодаҳои маҷозӣ дар ғазалиёти Ҳофизи Шерозӣ [Текст]: Дисс.. канд. фил. наук.- Душанбе, 2000.- 168 с.

94. Табаров, Х. Н. Лексико-морфологические особенности языка поэзии Хаджи Хусайна Кангурти [Текст]: Дисс.. канд. фил. наук.- Душанбе, 2011.- 168 с.

95. Хоркашев, С. Р. Лексико - семантический и морфологический анализ предметной лексики в южных и юго-восточных говорах таджикского языка [Текст]: Дисс. док. фил. наук.- Душанбе, 2015.- 368с.

IV. Авторефераты:

96. Абдуллоев, Б.Т. Словообразование имен существительных в современном персидском литературном языке Хатеми Н.З. Лексика персидского языка и пути её обогащения [Текст]/:Автореф. дисс... канд. фил. наук.-Баку, 1954.- 22с.

97. Амонова, Ф. Именное аффиксальное словообразование в современном таджикском языке [Текст]/:Автореф. дисс.. канд. фил. наук.- Душанбе, 1979.- 30с.

98. Джафарова, Д. Автоматизация лингвистического анализа поэтического наследия таджикской литературы (на примере газелей Хафиза) [Текст]/:Автореф. дисс.. канд. фил. наук.-Душанбе,2012.-26с.

99. Каримов, Ш. Т. Семантика лексических единиц газелей Хафиза [Текст]: /Автореф. дисс... канд. фил. наук.-Душанбе, 1993.- 20с.

100. Касимов, О. Суффиксальное словообразование имен существительных в “Шахнаме” Абулкасима Фирдоуси[Текст]/: Автореф. дисс.. канд. фил. наук. –Душанбе, 1988.-24с.

101. Кенджаев, Ю. Лексические и словообразовательные особенности “Таърихи Байхаки” Абулфазла Байхаки [Текст]/:Автореф. дисс. канд. фил. наук.-Хучанд, 2004.- 30 с.

102. Куранбеков, А. Методы исследований семантической структуры лексики газелей Хафиза [Текст]: Автореф.дисс.канд.фил.наук.- Тошкент,1995.-24с.

103. Мирзоев, Г. Именное суффиксальное словообразование в современном таджикском языке [Текст]/: Автореф. дисс. канд. фил. наук.- Душанбе, 1987.- 20с.

104. Саймиддинов, Д. Лексика среднеперсидского языка[Текст]/: Автореф. дисс.. канд. фил. наук. –Душанбе, 1988. -31с.

105. Хатеми, Н.З. Лексика персидского языка и пути её обогащения [Текст] /: Автореф. дисс.. док. фил. наук.- Баку, 1968.- 118с.

106. Саломов, М. Ифодаҳои маҷозӣ дар ғазалиёти Ҳофизӣ Шерозӣ [Текст]/: Автореф. дисс.. канд. фил. наук. –Душанбе, 2000.-25с.

V. Статьи в научных журналах:

107. Азимова, М. Н. Структурно–семантические особенности сложных существительных в современном английском и таджикском языках [Текст]/ М.Н.Азимова// Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики.-Душанбе, 2012.- № 1.-21с.

108. Айнӣ, К. Ҳофиз ва Тарзи сухани Ҳочу [Матн]: К.Айнӣ//Садои Шарқ.-1971,№4.- С.77-83;

109. Баҳман, Халифа. Нигоҳе ба фарҳанги пешвандҳо ва пешвандҳои забони форсии Хусрави Фаршедфард [Матн]: Халифа, Баҳман// Исфанд.-1388.-№2.- С.90-95.

110. Бобомуродов, Ш. О некоторых особенностях словообразования с приставкой хам- в сборнике Лоика Шерали [Текст]: Ш.Бобомуродов// Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Душанбе, 2016.-№4/2 (199).- С.168;

111. Бобохонов, А. Калимасозии исм бо ёрии пасвандҳо дар забони насли классикии «Бадоеъ-ул-вақоъ»-Зайниддини Восифӣ [Матн]: А.Бобохонов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Душанбе, 2012.- №4/388.- С.168-170;

112. Гетӣ, Фаллоҳи Растагор. Калима дар шеъри Ҳофиз [Матн]: Фаллоҳи Растагор, Гетӣ//Донишкадаи адабиёту улуми инсонии Донишгоҳи Фирдавсӣ, №3.-С.427 – 475.
113. Дун, Александр. Сухане чанд дар бораи Ҳофиз[Матн]:Александр, Дун // Садои шарқ.-1968.-№2.-С.133-135;
114. Дун, Александр. Ҳофиз дар Украина [Матн]: Александр, Дун // Садои Шарқ.-1971.-№3-5.- С.100-103.
115. Ёрмирзоева, М. Омӯзиши исмҳои ҷомеъ дар забоншиносии тоҷик [Матн]:М.Ёрмирзоева//Номаи донишгоҳ, 2011.-№4(28).- С.50-58;
116. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Бо Ҳофиз дар диёри Рӯдакӣ [Матн]: Абдулҳусайн, Зарринкӯб // Садои Шарқ.-1971.-№8.-С.108-109;
117. Исмоилов, И. Мавқеи суффикси –она дар калимасозии зарф [Матн]:И. Исмоилов// Мактаби советӣ.-1964.-№2.- С.13-16;
118. Исрофилниё, Ш. Рӯдакӣ ва таъсирпазирии Ҳофиз аз ашъори ӯ [Матн]:Ш, Исрофилниё// Паёми Донишкадаи забонҳо.-2011.-№1[4].-С.18-23.
119. Калонова, М. Мавқеи пасвандҳои сифатсоз дар ашъори Ҳофиз [Матн]: М.Калонова //Номаи донишгоҳ: Хучанд.-2013.-№4(37).- С.23-34;
120. Мирзоев, Ғ. Нейтрализацияи суффикси “ӣ(-гӣ)” дар забони тоҷикӣ [Матн]:Ғ. Мирзоев //Мактаби Советӣ.-1971.-№2.- С.16-18.
121. Мирзоев, Ғ. Баъзе масъалаҳои назарияи калимасозӣ [Матн]:Ғ.Мирзоев// Мактаби советӣ.-1988.- №5.- С.38-49.
122. Мусаева, Р.А. К вопросу о префиксальном способе образования имён прилагательных в таджикском и немецком языках [Текст]:Р.А.Мусаева // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон.- Душанбе:Сино, 2013.- С.58-61.
123. Муҳаммадиев, Ш. Ба исми чинс гузаштани исмҳои хос [Матн]: Ш.Муҳаммадиев // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2009.-№2.-С.16.

124. Назирова, Х. Сайри Ҳофиз дар Англия [Матн]: Х. Назирова // Садои Шарқ.-1972.-№9-10-11.- С.138-141.
125. Нарзикул, М. Лутфи сухани худодод [Матн]:М. Нарзикул// Садои шарқ.-2013.-№4-6.-С.148-153.
126. Ниёзӣ, Шавкат. Калимасозӣ дар исм [Матн]: Шавкат, Ниёзӣ// Мактаби советӣ.-1949.- №1.- С. 12-19.
127. Ниёзӣ, Шавкат. Оид ба ҳиссаҳои номии нутқ дар забони тоҷикӣ [Матн]: Шавкат, Ниёзӣ: “Известия АН Тадж. СССР”. Сталинобод.-1954.- №5.
128. Низомова, Санавбар. Словообразование с помощью –гар (-щик) в повести Садриддина Айни “Воспоминания” [Текст]: Санавбар, Низомова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2015.-№4/10 (187).- С.14-16.
129. Низомова, Санавбар. Словообразование аффиксоида пур- (полно-) в повести Садриддина Айни “Воспоминания” [Текст]: Санавбар, Низомова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2015.-№4/14 (171).- С.17-20.
130. Низомова, Санавбар. Пешванди бе- дар “Ёддоштҳо”-и Садриддин Айни [Матн]: Санавбар, Низомова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2015.-№4/2 (163).-С.24.
131. Окилова, Х. Место и роль имен существительных в исконно персидско – таджикской лексике поэзии Икбала [Текст]: Х, Окилова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2015.-№4/5 (174).-С.81-85.
132. Олимҷонов, М. Нақши исм дар ташаккули калимаҳои мураккаби пайваст (дар заминаи маводи назми Мирзо Бедил) [Матн]: М.Олимҷонов// Вестник. Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики.-Душанбе, 2013.-3(55).- С.223-238;
133. Парвоз, Сиёвуш. Дар бораи баъзе луғоту таъбироти девони Ҳофиз [Матн]: Сиёвуш, Парвоз//Кайҳони фаҳангӣ.-1364.-№1.-С.20-28.
134. Раҳим, Ҳошим. Ҳофиз ва Камол [Матн]: Ҳошим, Раҳим // Садои Шарқ.-1971.-№4.- С.84-87;

135. Родфар, А. Бахше аз китобшиносии Ҳофиз [Матн]: А. Родфар// Кайҳони фарҳангӣ.-1366.-№46.-С.42-45.
136. Рустамова, Г. Проникновение газелей Хафиза в духовный мир Льва Толстого [Текст]: Г., Рустамова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2016.-№4/3 (203).-С.213.
137. Рустамов, Ш. Ба исм гузаштани сифат [Матн]: Ш.Рустамов// Мактаби советӣ.- 1970.- №3.
138. Рустамов, Ш. Нуқсу зиёни китоби «Феълҳои таркибии номӣ бо исмҳои арабӣ»[Матн]: Ш.Рустамов // Маърифат. Душанбе.-1998.- №5-6.- С. 24-36.
139. Рустамов, Ш. Як навъи калимасозии исмҳои мураккаб [Матн]: Ш.Рустамов //Мактаби советӣ.- 1971.- №5.
140. Рустамов, Ш . Оид ба калимасозӣ ва ҳусни суҳан [Матн]: Ш.Рустамов // Садои Шарқ.-1971.-№6.- С. 114-124.
141. Рустамов, Ш. Мулоҳизаҳо дар хусуси калимаи «гоҳ» [Матн]: Ш.Рустамов // Маориф ва маданият.-1969.-12 июн.
142. Рустамов, Ш. Масъалаҳои забоншиносӣ (Маҷмӯи мақолаҳо).Як қолаби калимасозии исм [Матн]: Ш.Рустамов.- Душанбе: Дониш.- 1975.- 49с.
143. Рустамов, Ш. Як усули васлшавии калимаҳо [Матн]: Масъалаҳои забоншиносӣ (Маҷмӯи мақолаҳо). Ш. Рустамов.-Душанбе: Дониш, 1983.- 87с.
144. Сиддиқӣён, М. Чанд нуқтаи дастурӣ дар шеърҳои Ҳофиз [Матн]: М.Сиддиқӣён// Кайҳони фарҳангӣ.-1367.-№8.-С.64-65.
145. Сиёев, Б. Вазифаҳои суффикси –он [Матн]: Б.Сиёев // Мактаби советӣ.-1971.-№4.- С.31-35.
146. Тешаев, Х. Словообразование зоонимов в русском и таджикском языках [Текст]: Х., Тешаев // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, 2015.-№4/10 (187).-С.113.
147. Тилабов, Б. Мақоми суффикси “гар” ва “гарӣ” [Матн]: Б.Тилабов// Маориф ва маданият.-1979.- 16 янв.

148. Халилов, А. Калимасозӣ бо изофат[Матн]: А.Халилов // Мактаби Советӣ.-1960.- №5.- С. 26-30.
149. Хонларӣ, П.Н. Се калима дар шеъри Ҳофиз[Матн]: П.Н.Хонларӣ // Садои Шарқ.-1971.-№8.- С.112-114.
150. Хоркашев, С. Р. Два взгляда на вопросы словообразования [Текст] / С.Р. Хоркашев // Вестник педагогического университета. (Научный журнал). Серия филология. –Душанбе, 2014.- №1 (56). -С.337-344.
151. Хоркашев, С. Р. Словообразовательные особенности аффиксальной морфемы –ак в южных и юго-восточных говорах [Текст] / С.Р. Хоркашев // Вестник педагогического университета. (Научный журнал). Серия филология. –Душанбе, 2013.- №4 (53), қ.2. -С.324-336.
152. Хоркашев, С. Р. Словообразовательные функции суффиксальной морфемы –чӣ в южных и юго –восточных говорах таджикского языка [Текст] / С.Р. Хоркашев // Вестник университета (научный журнал), №1(44). -Душанбе, 2014. –С.251-256.
153. Хоркашев, С. Р. Роль суффикса –от/-ёт в таджикском языке [Текст] / С.Р. Хоркашев, // Вестник педагогического университета. (Научный журнал). Серия филология. -Душанбе, 2014, №3 (58-1). -С. 341-356. (в соавторстве).
154. Хочаев, Д. Аз таърихи илми забоншиносӣ [Матн]: Д. Хочаев // Садои Шарқ. – 1994.- №3-4.- С.81-82.
155. Хуррамшоҳӣ, Б. Хонларӣ ва ҳофизпажӯҳӣ [Матн]: Б. Хуррамшоҳӣ// Бухоро.-1392.-№92.-С.185-191.
156. Хусрави Фаршедфард. Шеваи вожагузинӣ ва војасозии Фирдавсӣ [Матн]: Фаршедвард, Хусрав // Фарҳанг.-1991.-№9.- С.27-30.
157. Ҳалимов, С. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик аз рӯи забони “Гулистон”-и Саъдӣ [Матн]: (силсилаи мақолаҳои филологӣ) С.Ҳалимов.- Душанбе, 1975.-С.285.
158. Ҳусейнов, Х. Суффикси –ҳо ва вазифаҳои он [Матн]: Х. Ҳусейнов // Мактаби советӣ.-1970.-№9.- С.16-17.

159. Шоев, Э. Мавқеи суффикси -й (-вй, -гй) дар сохтани як типии сифатҳои мураккаб [Матн]: Э. Шоев // Мақолаҳо доир ба забон ва адабиёти тоҷик.- Душанбе.- 1973.- С. 62 -70.

160. Шоев, Э. Омоморфемаи -й [Матн]: Э.Шоев // Мактаби советӣ.-1980.-№5.- С.20-22.

161. Шукурова, М. Калимасозии такрори исм [Матн]: М. Шукурова // Мактаби советӣ.- 1973.- №6.- С.13-15.

VI.Электронные ресурсы:

162. www.loghatnaameh.org

163. <http://www.dissercat.com>

164. w.vajehyab.com

165. <http://www.tnu.tj>

166. <http://www.ilm.tj>

167. <http://www.hgu.tj>

168. گنجور